

ВЛ. КРЫМОВ

ДРОЗОФИЛЫ

И

МЫ

ПАРИЖ

1947

Вместо предисловия.

Представляю вашему вниманию книгу Владимира Пименовича Крымова "Дрозофилы и Мы" из моей личной библиотеки, книгу размышлений о вечных вопросах: человеке, боге, смысле жизни.

Владимир Пименович Крымов (7 (19) июля 1878 в г. Динабург, Витебской губернии (с 1893 г. — Двинск, сейчас Даугавпилс, Латвия) — 6 февраля 1968 в Шату (Chatou) (пригород Парижа)) — русский прозаик, предприниматель.

Происходил из старообрядческой семьи (гордился, что в числе его предков — протопоп Аввакум). В 1908 окончил Московский университет.

Издавал иллюстрированный журнал «Столица и усадьба».

Занимался различными видами коммерции. В апреле 1917 года начал кругосветное путешествие (Япония, США), после которого поселился в Берлине. В 1933 году переехал во Францию. Купил под Парижем виллу, ранее принадлежавшую Макс Линдеру.

Прототип Парамона Ильича Корзухина в романе Михаила Булгакова «Бег»

Интересно, что на сегодня (2017 г.) в сети совершенно не найти текстов книг Крымова. Видимо это связано с тем, что книги его издавались небольшими тиражами, стали библиографическими редкостями и продаются за весьма приличные деньги.

Крымов был богатым человеком и по-видимому это, а также тот факт, что деньгами своими он ни с кем не делился, объясняет весьма негативное отношение к нему современников из русской эмиграции. И писатель-то он, мол, слабенький и философия у него, мол, никудышная. Однако же приглашения от Крымова с удовольствием принимали, ели и пили за его счет, ругая за глаза.

Владимир Пименович мог себе позволить общаться с теми людьми, которые были интересны ему, а не наоборот, обсуждать интересовавшие его вопросы с известными, умными людьми своего времени. К размышлениям на вечные темы, в той или иной степени склонен каждый человек. Не все, впрочем, имеют время, талант и возможности ясно изложить свои взгляды на столь важную тему, а тем более оформить их в виде книги. Мне лично мысли Крымова, изложенные в книге "Дрозофилы и Мы", весьма близки. Поэтому считаю важным, чтобы с философией В.П. Крымова ознакомилось большее количество читателей.

У вас есть другие книги Крымова в отсканированном или электронном виде? Буду рад, если поделитесь!

Art Found
poisk111@mail.ru

Наука расширила горизонт человеческого разума, так уже расширила, что нельзя и сравнивать с первобытным состоянием человека. Изучая тот мир, в который они посажены, окружающую природу, люди поняли уже очень многое, раньше недоступное человеческому уму; природа уже во многом подчинена человеку и он пользуется ее силами и всё больше и больше обузывает и завоевывает их, но от этого количество тайн в окружающем нас мире не уменьшилось, а увеличилось. Главных тайн, первопричин, начал и концов, мы по прежнему не знаем и нет даже надежды узнать когда-либо.

Еще недавно исторический период ограничивался приблизительно 3.000 лет, древнейшими государствами были Ассирия и Вавилония, Египет, что-то туманное знали об этрусках, памятники письменности не шли дальше трехтысячелетних египетских папирусов или надписей на скалах около Нила; раскопки в Месопотамии открыли древнюю Сумерию и там оказались глиняные таблицы с записями за 5.000 и больше лет до нас — открылся новый, дотоле неизвестный древний мир. В последнее время, самое последнее, ученые лингвисты и археологи говорят уже о культуре Атлантиды, которая еще недавно была только мифом, так же как и культура Гипербореи, и уже нередко в таких научных трактатах встречаешь 40.000 лет и даже 60.000 лет!

И тогда, и сегодня, несмотря на громадную разницу в знаниях и научных достижениях, проклятые вопросы о начале начал и конце концов остаются неразрешенными, а с ними вместе и вопросы о смысле и цели нашего существования.

Дингир (у шумерийцев, 6.000 лет до нас), Митра, он же Ормузд (у древних персов), Ашур (у ассирийцев), Мекстили (у ацтеков, отсюда Мексика), Озирис, Брама, Иегова, Теу-

танэс (у галлов), Зевс, он же Юпитер, Аллах, и наконец наш христианский Бог в трех лицах. Такими именами, и еще многими другими, в разные времена, разные народы называли и называют мировой разум, у каждой религии свои фантастические легенды и предания связанные с этим высшим разумом, и каждая религия уверяет, что она получила откровение, как нужно служить этому мировому разуму, какие законы он предписывает. Один уже этот неполный перечень делает неубедительными религиозные откровения, ибо все они различны и часто противоречивы, все они сказочны. Религии нужны людям на различных ступенях развития, но они не нужны мировому разуму. Бог, которого предлагают религии, не совместим с разумным мышлением, Бога поставили в такое окружение, снабдили такими поступками, что многие сказки могут казаться более достоверными. Религии не приблизили мыслящего человека к постижению мирового разума, а между тем о присутствии его во вселенной говорит всё окружающее нас, и к нему приводит самое материалистическое мышление, доведенное до конца.

Религии должны оставаться, и при разумных руководителях могут служить основой морали для тех, кто не дошел еще до моральных законов на иных основаниях. Для тех же, кто приходит к идее мирового разума без религии, это только гипотеза, но величайшая из гипотез, на которых и построены все наши знания, величайшая потому, что ее нельзя заменить никакой другой, ни теперь, ни в будущем; потому что она объясняет всё необъяснимое; потому что на ней можно твердо построить мораль и обязанности человека по отношению к другим людям; потому что она делает жизнь более радостной.

2

В Англии живет удивительный бывший католический архиепископ, Мак-Кэб. Он получил высшее духовное образование, прожил двенадцать лет в францисканском монастыре, достиг звания высокопреосвященного, расстригся и стал писать резкие книги против религий и вообще всякой конечной разумной цели во вселенной, в тоне крайнего атеизма. Он написал десятки книг по этим вопросам и еще ряд других. Главным образом его книги печатаются в Аме-

рике, так как в Англии он с трудом находит издателей. В Америке же его маленькие книжки, так называемые « синие », распространены в громадном количестве экземпляров.

Прочтя его несколько книг и книжек, я заинтересовался этим необыкновенным архиепископом, тем более что по многим вопросам сходился с ним во мнениях. Я написал ему и мы стали переписываться. В одном из писем Мак-Кэбу я поставил вопросы :

« А разве вы находите объяснение тайнам нашего бытия?.. Разве вам всё понятно, и откуда началось, и куда идет, и зачем мы здесь, какова цель мироздания? Вы отрицаете финализм, разумную конечную цель во вселенной и этим удовлетворяетесь. Разве вы находите возможным построить мораль без финализма? »

Мак-Кэб ответил мне, что ему всё ясно в пределах современных знаний, а когда знания человеческие расширятся, рано или поздно, то будет ясно и решительно всё остальное, теперь непонятное, а есть или нет цели в жизни мироздания, это безразлично. На этом наша переписка кончилась.

Как это ни удивительно или наоборот логично, самыми яркими безбожниками оказываются люди получившие духовное образование. Вероятно тут сказывается долгое изучение катехизиса и апологетики?

3

Сначала земля казалась людям плоской, потом стала шарообразной, но солнце двигалось вокруг земли. Современное знание давно ушло от этого детского периода мышления, мы знаем теперь не только, что вокруг чего движется, но и с какими скоростями и по каким законам. Правда, что есть такое как-будто примитивное рассуждение : Ивану говорят бегать вокруг Петра, всё время на расстоянии трех метров, а Петру приказывают бегать вокруг Ивана тоже всё время на расстоянии трех метров, и вот если изобразить кривыми движения того и другого, то получатся непредвиденно сложные кривые и рассматривая их нельзя будет решить кто вокруг кого бегал, Иван вокруг Петра или Петр вокруг Ивана... Однако наши знания настолько поразительно точны,

что, скажем, лунное и солнечное затмения могут быть предсказаны за сколько угодно лет с точностью до долей секунды. Но это не приблизило нас к разрешению основной тайны мироздания. Мы знаем теперь не только нашу солнечную систему, не только галактическую, но и миллионы других же громадных, непостижимо громадных, называемых спиральными туманностями. Мы уже знаем химический состав этих небесных тел и скоплений, находящихся от нас на расстоянии в миллионы световых лет. Одно из величайших достижений человеческого разума, спектральный анализ, дал нам эту возможность. Уже подсчитано, что наша солнечная система только одна из тридцати миллиардов солнечных систем составляющих нашу звездную или галактическую систему — тот мелкий бисер, что мы видим рассыпанным по ночному небу и называем млечным путем, и есть эти миллиарды солнечных систем. И также подсчитано, уловлено телескопом, еще три миллиона таких же звездных систем, которые названы спиральными туманностями. Как известно свет проходит триста тысяч километров в секунду, а некоторые из этих уже зарегистрированных спиральных туманностей находятся на таком расстоянии, что свет от них доходит до нас в сто тридцать миллионов лет!

Может быть всё действительно так, как знает современная астрономия. Все-таки только «может быть», потому что и неоспоримые как-будто доказательства спектрального анализа могут внушать сомнения, как и многие другие научные истины: мы делаем наши выводы на основании тех законов природы, которые свойственны нашей планете, земле, но мы не можем быть уверены, что там где-то в беспредельных пространствах действуют те же законы. Даже здесь у нас некоторые законы физики, доказанные опытами и назавшиеся непреложными, пришлось и приходится переделывать — хотя бы вопрос о сжимаемости газов и жидких тел: когда были достигнуты недоступные раньше давления, прежние законы оказались негодными. То же самое случилось с тепловой теорией, с электрическо-магнитной теорией, с упругостью световых колебаний. То свет был волнообразен, то он оказался из фотонов, одна теория объясняла одни явления, другая — другие. Была создана, наконец, гипотеза примиряющая обе теории, но и она шатка и ясно, что не в ней на-

стоящая истина, и пойдем ли мы когда-нибудь настоящую, остается неизвестным...

Но даже если бы все современные научные гипотезы и теории были непреложны, основная тайна нашего бытия остается такой же тайной, какой она была для первобытного человека, и даже большей, потому что он не умел так глубоко мыслить, как можем мыслить мы.

4

Дарвиновская теория, одно из величайших достижений человеческого гения, кое в чем поколеблена другими биологами, но тем не менее остается важной и логичной, однако только до человека — здесь обрыв, непроходимая пропасть... Я естественник по образованию, и потом в течение всей дальнейшей жизни занимаясь естественными науками думал по Дарвину, думаю так и сейчас, ясно сознаю громадную ценность этой научной теории, но только не нужно делать из нее затуманивающих мышление выводов.

Промежуточные косточки, переходные от человекоподобных обезьян к человеку, почти все найдены на тех или других ископаемых скелетах. Главным доводом близости антропоидов к человеку являются зубы: у антропоидов их тоже 32, как у человека, и по своему строению они почти такие же, тогда как у других животных зубы совсем иные. За последние десятилетия найдены хромозомы в зародышевом ядре, ими передаются все наследственные признаки. У человека их 24 пары, а сколько пар у человекоподобных обезьян до сих пор неизвестно, как это ни удивительно. Возможно получать приплод от разных животных только тогда, когда у них число хромозомов одинаково: можно скрещивать лошадь с ослом и получать мула или лошака, но скрестить собаку с кошкой невозможно. Только теперь, в сороковых годах, уже во время войны занялись подсчетом хромозомов у разных млекопитающих, и никаких определенных данных по этому вопросу до сих пор нет. Отрывочные результаты опубликованы в 1939 г. в японском журнале издаваемом при университете Хокайдо, и в Балтиморе, в Соединенных Штатах, в 1941 г. вышла книга кое-что дающая по этому вопросу, но и там нет подсчетов хромозомов у антропоидов. Вероятно, что число

хромозомов у шимпанзе или оранг-утанга не 24 пары и фантастические предположения о том, что можно получить приплод от человека и человекоподобной обезьяны останутся только неосуществимой фантазией. Между человеком и человекоподобными обезьянами непроходимая пропасть, и даже если бы эта пропасть была заполнена анатомически, она от этого не станет проходимее — человеческий интеллект, творческое начало имеющееся у человека, ставят его вне остального животного мира.

Как муравьи и пчелы жили двадцать миллионов лет тому назад, как они строили свои соты и муравейники тогда, так они строят и теперь; как оранг-утанг устраивал себе логовище на дереве в тропическом лесу миллион лет тому назад, так он устраивает его и сегодня; и только человек совсем изменил образ жизни, научился пользоваться инструментами и орудиями, огнем, колесом, изменяет иногда до неузнаваемости окружающую природу, и вообще теперешний человек совершенно не похож на первобытного.

Известный французский зоолог Ахилл Урбэн, в своей последней книжке об антропоидах, ссылаясь на сотни других зоологических книг, так начинает одну из глав :

« Не нужно здесь опровергать наивное мнение о том, что человек происходит от обезьяны... »

Но есть зоологи, которые так прямо и думают, что наши прапрабабушки и прапрадедушки были обезьянами, что еще раньше нашими предками нужно считать каких-то лемуринов, лазающих животных или насекомоядных, а еще раньше, понятно, просто какие-то кусочки протоплазмы, вроде амёб; но если даже принять это мнение, то что же тогда, что-нибудь объяснено, выяснено? Тогда нам становится более понятной цель мироздания и нашей собственной жизни!

Сотни философских систем, десятки из них наиболее разработанных и глубоких, как-будто всеохватывающих, все остаются без начала и конца. Ни одна философская система не дает даже приблизительного разрешения, намека на разрешение вопроса о смысле и цели нашего бытия. Все упираются в непроходимую стену.

Принципы, аксиомы, законы это только выводы из наблюдений над явлениями природы. Так же как и гипотезы они годны только до тех пор, пока не обнаруживается что-то

новое или необъяснимое, и тогда создаются новые гипотезы, новые принципы или законы. Найденное или открытое на нашей планете применяется и ко всей вселенной, хотя мы вовсе не знаем годны ли там наши здешние законы или даже просто наши понятия.

Все наши знания, вся наука заключается или в гипотезах или в принципах, всё это временно, меняется и дополняется с увеличением наблюдений над природой, расширяется или объединяется: казавшееся совсем простым оказывается многосложным или наоборот, совершенно разные явления подчиняются одному новому принципу, дотоле неизвестному; но вот опять обнаруживаются новые явления, которые не подчиняются открытому закону и его приходится переделывать, дополнять или вовсе устранять. Чем больше мы узнаем, тем больше расширяются области неизвестного нам.

Одно из величайших достижений человеческого гения — ньютоновская гипотеза мирового тяготения, она на века направила ход человеческой мысли, но теперь исправляется и дополняется с появлением теории относительности. Может казаться, что теперь она уже совершенна, но нет никакого сомнения, что и дальше пойдут исправления и дополнения, по мере накопления новых фактов до сих пор неучтенных. А может еще случиться что какое-то совсем новое великое открытие перевернет и рассыплет ньютоновскую гипотезу и явится новая более совершенная и опять будут думать, что эта уже окончательная и несомненная...

Закончивши свои «Начала», свой многолетний труд, много раз проверенный и переделанный, построивши систему мироздания, Ньютон написал, что вся его система рухнет, если не предположить начального высшего разума. С точки зрения христианских богословов Ньютон был еретиком, потому что сомневался в божественности Иисуса Христа и ему в голову не укладывалось учение о Троице, но основной постоянной его мыслью было присутствие высшего разума, по воле которого всё идет в мире: гипотеза Ньютона изменяется и дополняется, может быть когда-нибудь совсем распадется, но эта его основная мысль изменена быть не может, останется вечно и будет становиться людям всё более и более ясной, без нее всё бессмысленно, всё абсурдно, до нас самих включительно. Никакая философия,

никакая математика не может дать ответа на загадку мироздания и нашего присутствия в нем без этой основной и непреложной мысли, без нее всякое мышление упирается в тупик и не может быть доведено до понятного и логического заключения. Мы постигнем еще много непонятного нам теперь, но никогда не объясним и не поймем самого главного, начала начал и конца концов, без мысли о высшем разуме, которому ясно, просто и понятно всё то, что для нас неразрешимая загадка.

Почти таков же как у Ньютона жизненный цикл Чарльза Дарвина, создателя эволюционной теории. Проработавши над нею много лет, посвятивши ей свою жизнь, он восстал против атеистических взглядов современников, даже некоторых своих учеников, ушел от атеизма, стал агностиком.

Все великие умы, в разных областях мышления, приходили к той же мысли и если все-таки есть исключения, то вероятно только потому, что они не успели дойти до этого конечного вывода.

5

Идея Дарвина, что живые существа видоизменяются и совершенствуются по законам эволюции высказана была еще Эмпедоклом и взята, как это ни удивительно, через много веков, Фомой Аквинским, он же «доктор Ангельский», как бы «шестое» доказательство существования Бога. Католическая церковь канонизировала Фому Аквинского, но православная его святым не признала, что впрочем нисколько не умаляет и не возвышает мышления Фомы Аквинского. Во всяком случае он был одним из больших мыслителей, хотя и не убедительных для нас, теперешних людей. Широта взглядов Фомы Аквинского сказывается уже хотя бы в том, что он в христианском богословии ссылается на языческих мыслителей.

Живые существа на земле постоянно изменяются, одни сменяют других, многие гибнут, но в общем всё стремится к совершенствованию, к улучшению, и в этом несомненен перст божий, не может быть, чтобы так было случайно, ясно, что Бог направляет всю сложную жизнь на нашей планете к определенной цели, к совершенствованию — такова идея

Эмпедокла и Фомы Аквинского. Такова же приблизительно и основная идея Дарвина.

Завершением эволюции пока является человек, а он далеко по своим физическим особенностям не более совершенен и не более приспособлен, чем многие другие животные. Черепаха живет до трехсот лет, а человеку это недоступно, хотя у человека есть уже и медицина, и гигиена, и теплая одежда, и хорошее жилище. И ворон, и слон живут дольше человека, тоже без всякой медицины и даже хирургии и при этом тот же ворон питается падалью, всяким гнильем, что для человека имело бы плохие последствия. Лягушка или жаба, существо гораздо более древнее нежели человек, превосходно живет в самых негигиенических условиях, в сырости, в темноте, среди гниения — она гораздо более приспособлена к жизни нежели человек, у нее нет болезней каким он подвержен, и теперь медицина старается получить вытяжки из организма жаб, которые может быть явятся чем-то вроде жизненного эликсира. Однако, лягушка за миллионы лет существования осталась только лягушкой, и как жила тогда, так живет и теперь...

Человек действительно выше всех других живых организмов, но только не своими косточками, печенкой или селезенкой и даже не химическим составом мозговых клеток, потому что химический состав их у всех животных приблизительно тот же, а выше он чем-то совсем другим, таким чего нет ни у одного живого существа — своим мышлением, своей духовностью, творческим началом.

Эволюционная теория Дарвина более или менее плавно идет до человекоподобных обезьян, а тут обрыв, пропасть, и уже на другой стороне ее человек. Физически человек не совершеннее многих животных, не говоря уже о той же черепахе с твердым покровом снаружи, даже у любого фокстерьера мускулы прочнее, и эластичнее и сильнее чем у человека при том же объеме. Но ни у черепахи, ни у фокстерьера, ни у лягушки, ни у кого другого из живых существ нет того, что дано человеку — мыслительной творческой способности и морали.

Биологи, антропологи, палеонтологи, гистологи и прочие ученые очень многое уже открыли нам, сделали жизнь интереснее, но гораздо больше должны сделать другие уче-

ные в области человеческой психики и их достижения будут еще много ценнее. Именно они изменят жизнь людей к лучшему, а не новые ископаемые косточки или даже вновь открытый, в целостности сохранившийся скелет не то обезьяны, не то человека. Пусть будут найдены сотни таких скелетов, все равно пропасть между антропоидами и человеком непроходима. Человек действительно самое совершенное живое существо, и никакие ракообразные, членистоногие или насекомые не сменят его на земле. Даже те страшные катастрофические ошибки, какие совершают сейчас люди, хотя бы в войне, не изменят того, что землей будет владеть человек, человеческий разум стоит и будет стоять надо всем: человек животное по своему анатомическому строению и физиологическим отправлениям, но он еще кроме того по своим духовным данным человек, а не животное.

Зоологи, антропологи и палеонтологи уверенно рисуют первобытного человека, покрытого шерстью, похожего на гориллу; даже знают какая у него была походка, немного согбенная с наклоном туловища вперед... Рассказывают как постепенно особям одного пола стали нравиться особи другого пола, на которых было меньше волос и потому эти полулюди, полу-обезьяны стали выдергивать волосы на своем теле — и вот, в конце концов, получилась обезьяна без волос — человек. Самые дикие отсталые современные люди, как пигмеи Центральной Африки или бушмэны Австралии, или обитатели верховьев Амазонки волосами не покрыты и у некоторых из них волос даже меньше, чем у нас европейцев. Но дело не в этих чисто фантастических подробностях, а в том, что человек отделен от обезьяны своими мыслительными способностями, творчеством. Теория Дарвина остается большой научной теорией, но человек духовно ничего общего не имеет с обезьяной, отделен от нее на бесконечное расстояние.

✱

6

В былое время это делали алхимики, приготавливая в лаборатории гомункулуса, а некоторые современные ученые стараются создать живую клетку из мертвой материи и таким образом заполнить пропасть между мертвой природой и живой. До сих пор опыты успехом не увенчались, но не

исключено, что рано или поздно в лаборатории будет создана живая клетка, хотя это и маловероятно. Это будет торжеством для науки, будет найдено объяснение, как появилась на земле жизнь. То-есть объяснено ровно ничего не будет, но все-таки будет большая научная победа. Впрочем, другие ученые, отчаявшись уже получить живую клетку из мертвой материи, создали теорию, что живая клетка занесена на нашу землю с каких-то других планет галактической системы, а может быть даже с какой-нибудь спиральной туманности. Как-будто найдено объяснение одного из неразрешимых вопросов, но в действительности это разрешение ставит только новый, такой же неразрешимый вопрос — а откуда же там появилась жизнь?

7

Для обоснования морали имеется ряд философских теорий — категорические императивы Канта, *élan vital*, необходимость морали для общей пользы, невозможность счастливого мирного существования людей без моральных законов. Но все эти теории разлетаются прахом, если какой-нибудь человек ставит вопрос — « а почему мне нужно общее благо, мне важно только мое собственное? » Или — « почему я должен жертвовать чем-то для блага будущих поколений с такой же временной жизнью, как и моя? » Если отрицать в жизни мира какую-то конечную цель, кем-то поставленную, то обосновать мораль ни на чем нельзя. Много людей, мысливших глубже, давно это поняли и создавали религии, на велениях которых основывали мораль. Все религии основанные на разных легендах, предъявляют основное требование к человеку — верить не критикуя. Чем дальше, тем больше становится людей среди так называемого цивилизованного мира, которые не хотят верить, а хотят знать. То, что высший разум неизбежно существует, в это нужно не верить, а это нужно знать. И знание это приходит после долгого, долгого размышления, как единственный выход из тупика, как единственное разрешение неразрешимой тайны. Постигнуть этот высший разум нам не дано.

Есть такие маленькие мушки « дрозофилы », которых выбрали биологи для лабораторных опытов. Этих мушек

разводят во многих тысячах, разделяют их по разным банкам и держат в различных условиях. Одних — в оптимальной температуре, других — в холоде, третьих — в жаре, еще другим выкалывают глаза или обрывают крылья, одних кормят хорошо, а других плохо, еще на других действуют разными реактивами и лучами... В результате этих опытов пробуют изучать законы мутаций, а из законов мутаций можно будет вывести еще многое другое. Такая дрозофила, одна из тех, которым приходится жить в жаре, голодная, с выколотыми глазами, если она может думать, считает профессора биологии, которому принадлежит лаборатория, варваром, целей его она не знает, и никогда узнать не может...

Вообразим, что одна из дрозофил поняла, что есть кто-то всемогущий, от которого зависит ее жизнь и благополучие, и она горячо молится ему, профессору, о том, чтобы он облегчил ее горести и страдания, сделал ее жизнь лучше. Она горячо молится, а профессор об этом не знает, а если бы и знал, то все равно ему совсем неинтересно благополучие этой дрозофилы, ему важна общая цель его научных опытов. Но дрозофила долго бесполезно молясь, не получая никакого облегчения, решает, что никакого профессора нет, молиться бесцельно, потому что молиться некому, всё дрозофилы и дрозофилы или еще какие-то мушки, и больше ничего...

Человек, отрицающий существование высшего разума, правящего миром, потому что ему плохо живется, потому что он в болезнях и несчастьях, потому что убит его единственный сын, уподобляется этой дрозофиле и даже еще нелогичнее ее, потому что может быть мышление дрозофилы все-таки ближе к мышлению профессора биологии, нежели наше к высшему разуму. Его целей мы постигнуть не можем, что имеет смысл и что бессмысленно с его точки зрения, нам решать не дано, но зато нашего разума достаточно для того, чтобы пройдя через все философские системы, убедиться в их несостоятельности, уткнувшись в стену понять, что мир управляется каким-то непостижимым для нас разумом.

8

Каков этот высший разум? Мы не можем вообразить. Но во всяком случае его легче вообразить, нежели ту вечность,

к которой пришли некоторые современные философские теории. « Все существует из вечности и всё будет существовать вечно » — и в этом объяснение всех тайн. В точнейшей науке, высшей математике, орудуя вечностями, т. е. бесконечностями, как обыкновенными числами. Бесконечности можно складывать, делить, помножать. На основании математической теории бесконечностей можно вывести, что половина равна целому! Если писать числа от единицы до бесконечности вверх, то можно поставить знак равенства и знак бесконечности, т. е. такой ряд чисел равен бесконечности; можно писать другой ряд чисел, начиная с двух, потом четыре, шесть, восемь и т. д., всё только четные числа — и тоже это будет равняться бесконечности. Во вторую бесконечность вошла только половина чисел, вошедших в первую, а между тем эти бесконечности равны, т. е. половина равна целому... А если бесконечности не равны, то еще хуже для самого понятия бесконечности...

Бесконечность так же невообразима и непостижима для нас, как и высший разум, но только бесконечность ничего ровно не объясняет, а мысль о высшем разуме объясняет всё.

9

Зная, что существует мировой разум, мы будем знать, что есть цель и смысл в нашем существовании и существовании всего мира. А если есть смысл и цель, тогда есть и мораль, и тогда она на твердом основании.

Религией будущего явится это непоколебимое и несомненное знание о существовании высшего разума или Бога, как его называют религии. Этих двух слов достаточно для объяснения всего, для установления морали, для развития лучших чувств в человеке, для мира на земле, для социального прогресса. Современные религии с их обрядами и ритуалами останутся для тех, кому эти ритуалы что-то говорят, для многих они имеют и всегда будут иметь смысл, создают молитвенное настроение, отвлекают от обыденных забот, приводят к мысли о Боге. А каков этот обряд, какова эта молитва, это совершенно безразлично; а если у человека создано непоколебимое знание, что всё управляется высшим разумом,

то ему уже не нужны обряды или ритуалы, он и так будет жить постоянно с мыслью о его присутствии.

Людей, не соблюдающих религиозных обрядов, ошибочно зовут безбожниками. Это путаница понятий, человек не соблюдающий религиозных обрядов, может чаще думать о высшем разуме, чем соблюдающий их.

Когда, через много еще лет, люди придут к такому мышлению, по крайней мере более мыслящие из людей, религии всё еще будут оставаться, но никакой религиозной враждебности между ними уже не будет : человек не может враждовать с другим человеком только потому, что тот иным способом вспоминает о Боге.

Есть религии все-таки хуже и лучше. Хуже те, которые отличаются наибольшей нетерпимостью по отношению к другим и считают только своих настоящими людьми и к остальным прилагают другую мерку. Христианство может быть лучшая религия в своих основных идеях — « несть еллин, ни иудей », « все равны перед Богом ». К сожалению, эти основные идеи давно уже затуманены разными дополнительными кривотолкованиями и от чистых идей христианства осталось немного.

10

В нашем теле больше кровяных шариков, чем людей на земле. Но нисколько не противоречит научным знаниям, что и где-то в других мирах есть существа подобные нам. Вероятно их нет на планетах нашей солнечной системы, потому что на них условия негодные для жизни; но никаких возражений нельзя найти против какой-нибудь планеты в другой звездной системе.

Предположим, что у каждого из наших кровяных шариков есть свое какое-то примитивное сознание или по крайней мере стремление жить. Но он не имеет ни малейшего понятия об общей жизни нашего организма и даже не знает, что я его хозяин и так сказать высший разум, до известной степени им управляющий. Если я уколую себе палец, то выльется и умрет несколько миллионов кровяных шариков и они не будут знать, почему и за что они умирают... Мы, каждый из нас, в отношении к мировому разуму меньше еще, чем один

кровоной шарик в отношении того тела, где он движется. Кровоной шарик даже приблизительно не может постигнуть всего устройства организма, которого частью он является, а тем более наших мыслей, намерений, желаний. Как же мы можем постигнуть замыслы мирового разума и как мы можем решить, что справедливо и что несправедливо по отношению к нам с его стороны, когда и самое это понятие «справедливость» мы сами выдумали своим ограниченным разумом.

Как-то я предложил вопрос одному ученому физика и математику, человеку весьма культурному :

« А Бог есть? »

« Не знаю » — ответил он — « нет прямых доказательств его существования... »

Даже в точнейшей науке, в математике, есть способ доказательства от противного. Некоторые как бы доказательством своей образованности ставят мысль, что им не нужна идея высшего разума, что они могут обойтись без нее, что эта мысль свойственна менее культурным людям. Давно известно, что полужнание часто опаснее полного невежества.

11

За последние десятилетия в мышлении образованных людей введено понятие четвертого измерения, а значит и пятого и шестого и т. д.; некоторые математики и философы говорят уже о тридцатом измерении!

Для популяризации четвертого измерения даже серьезные ученые приводят такого рода объяснение. Представить себе четвертое измерение мы не можем, хотя оно несомненно на основании математических формул. Нет ничего удивительного, что мы не можем вообразить себе существо или тело четырех измерений. Существо двух измерений знает только длину и ширину, а о высоте не имеет понятия и для него так же невообразимо третье измерение, как для нас четвертое. Для существа одного измерения невообразимо второе измерение... Как-будто логично, но вместо объяснения только лишнее затуманивание мозгов : ведь дело в том, что никаких существ одного или двух измерений в природе не существует, нет и быть не может, и они так же невообразимы, как и существо четырех измерений — в нашем мире всё трехмерно.

Четвертое измерение невообразимо для нашего разума и выведено оно только математическими формулами. Под четвертым измерением разумеется время и с математической точки зрения это вполне логичная идея, давшая уже науке ценные результаты. Мы и вся природа трехмерны, мы живем во времени, но все-таки остаемся трехмерными — можно укоротить человека, отрезавши ему обе ноги, но вернуть его в прошлое невозможно. Математика великое достояние нашего разума, но ее формулы не обязательны для законов природы. Есть математики и философы утверждающие, что весь мир построен по математическим законам и это утверждение считается аксиомой. Такая аксиома им укладывается в голову, а гораздо более логичная о высшем разуме, отвергается.

С четвертым измерением, с теорией относительности, дошли до таких хитроумных выводов, что казалось бы только сумасшедший может принять их, а между тем некоторые ученые оперируют ими, как чем-то несомненным. Например, Эйнштейн решил, что вселенная наша — наша и не наша, другой нет — бесконечна, но замкнута. Она лопнула несколько миллионов лет тому назад и расширяется со всё увеличивающейся скоростью... Куда она расширяется? Значит там еще что-то есть, по крайней мере какое-то свободное место?..

Все хитроумнейшие и сложнейшие формулы, на основании которых всё это выведено, основываются прежде всего на положении, что предельная скорость есть скорость света и ничего быстрее света быть не может. Это взято как основное положение для всех формул, а между тем, если наша вселенная после того, как она лопнула, расширяется всё с увеличивающимися скоростями, то ведь она рано или поздно перешла или перейдет и скорость света...

12

Научная мысль оперирует гипотезами, законами и аксиомами. Когда логическая мысль основана на таких данных, она называется научным мышлением, в отличие от мышления религиозного, мистического, оккультного и всякого другого.

Гипотеза должна объяснять все явления, области которых она касается. Если какие-нибудь явления гипотезой не объясняются в достаточной степени, гипотеза отбрасы-

вается, заменяется новой, и эта новая остается, пока опять не окажется в ней какая-нибудь прореха. Законы, касающиеся явлений природы, доказываются формулами и опытами и закон остается непреложным до тех пор, пока не обнаружатся какие-то противоречия, неподчинение закону. Таких случаев в физике, например, уже было несколько, и законы приходилось исправлять или переделывать. Кроме того, так как законы доказываются опытами, экспериментальным путем, в пределах достижимых нам здесь на земле, то относительно всякого закона без исключения может все-таки быть сомнение, приложим ли он всюду во вселенной там, где может быть природа живет совсем иначе, чем на нашей планете... Кроме того все наши наблюдения, даже при помощи самых точных инструментов, воспринимаются нашими чувствами и нашей психикой, но ведь могут быть и иные чувства и иная психика, и тогда те же самые наблюдения окажутся иными: обманчивость наших чувств и восприятий уже и нами установлены, так что их во всяком случае нельзя считать абсолютными.

Если считать, что существование высшего разума есть только гипотеза, то и тогда она выше всех других гипотез, потому что никакой другой ее заменить невысказанно и она всё объясняет.

13

Одним из основных вопросов во всех религиях является вопрос о потустороннем существовании. Есть ли какая-то новая жизнь, хотя бы и совсем иная, после этой? Вопрос, который занимает и всегда занимал почти всех людей, даже дошедших до уверенности якобы, что никакой другой жизни больше не будет, как не было ее до нашего рождения. Но даже и у этих немногих являются иногда сомнения.

Древние египтяне твердо знали, что умерший фараон будет жить и после смерти, и в могилу ему ставили всё необходимое для домашнего обихода и даже произведения искусства, чтобы смотреть на них; могила состояла из нескольких комнат, стены которых расписывались фресками; неясно на какое время рассчитывалась эта могила, как долго должен был жить там умерший фараон, но ясно, что принимались

все меры к тому, чтобы могилу не обокрали злонамеренные люди из дальнейших поколений, ее помещали глубоко под землей, в секретном месте, вход засыпали землей и тщательно замаскировывали — впрочем это не помешало тому, что большинство фараоновых могил были позже ограблены.

Что касается простых смертных, не фараонов, то относительно них были некоторые сомнения, кто из них будет жить, кто не будет, кто опять в виде человека, а кто в виде кошки или крокодила.

Сумерийцы, за пять с половиной тысяч лет до нас, тоже хоронили своих королей глубоко под землей и вместе с ними не только всё необходимое и приятное для потусторонней жизни, но еще вместе с ними засыпали и ближайших царедворцев и много воинов в полном вооружении; вместе с королевой хоронили и придворных дам в полных дворцовых нарядах, уложивши их в строгом порядке, в ряд вокруг тела королевы — их видимо одуряли уже в самой могиле и они как-будто без всякого сопротивления шли на смерть вместе со своей госпожей; недавние раскопки в Месопотамии, в Уре, с полной очевидностью свидетельствуют об этом, но тоже неясно сколько времени должны были оставаться погребенные в этих могилах, предстояла ли им еще какая-то новая жизнь в иных местах.

У евреев вопрос о загробной жизни тоже не был решен определенно : во всяком случае живут где-то там такие люди, как Ной, Авраам, Моисей, Иисус Навин, пророки, но что касается рядовых евреев, то они воскреснут только по пришествии мессии. У христиан загробная жизнь вполне определенно предстает каждому, для одних в раю, для других в аду. У магометан тоже гарантирована загробная жизнь и для живших праведно даже с гуриями.

У китайцев представление о загробной жизни еще более путаное и туманное, нежели у евреев. Немецкий философ мистик Кайзерлинг уверяет, что в одном сложнейшем и красивом китайском иероглифе может быть больше мудрости, чем в целой философской системе европейца... Но очень мало людей, которые могут согласиться с Кайзерлингом, и нам китайская мудрость кажется иногда наивной, иногда смешной, и только изредка попадаются там яркие кристаллики того, что люди думали в течение пяти тысяч лет. Может

быть какой-нибудь великомудрый китайский философ и понимает что-нибудь в этом вопросе, но у среднего китайца представление о потусторонней жизни просто юмористическое.

В Кантоне я видел собственными глазами гостиницу для китайских покойников. У богатых отдельные комнаты, победнее лежат по двое. У всех прочные выдолбленные из толстого дерева гробы, кругом стоят свечи и курильницы, а также чашечки с рисом и другой едой. Чтобы не было сильного запаха густо засыпано хлорной известью... В этой гостинице мертвецы живут по месяцу, по два, а то и целый год, если мертвец был богатый. Только очень бедных хоронят сразу где-нибудь на поле. Дело в том, что умерший китаец все-таки еще как следует не умер и некоторое время он стремится делать всякие неприятности живым китайцам, особенно родственникам; надо всячески его обхаживать, не раздражать, пока он совсем угомонится — и вот для этого лучше поместить его сначала в гостиницу, а не зарывать сразу в землю. Что дальше, после года, делается с умершим точно неизвестно, но во всяком случае он уже менее способен устраивать всякие каверзы своим родственникам. В китайском представлении о загробной жизни ясно только одно — умерший всегда озлоблен и добра от него не жди...

Индусы представляют себе будущую жизнь в виде нирваны; но что такое нирвана, понять очень трудно, вернее невозможно. Выходит как-будто, что нирвана заключается в том, чтобы не быть, хотя еще в недавнее время вместе с умершим мужем сжигали и его жену, как-будто она была нужна ему в потусторонней жизни; в последнее время англичане запретили это сжигание вдов, но трупы умерших по-прежнему сжигаются в Бенаресе на берегу Ганга, на открытом воздухе и эта жуткая картина одна из самых экзотических в мире, из многих картин оставшихся в памяти от путешествий, она до сих пор ярко стоит перед глазами...

Много есть и других толкований и предположений, вплоть до теософских и антропософских.

Если твердо знать, что вселенная управляется высшим разумом, что он есть, то вывести отсюда все-таки неизбежность потустороннего существования нельзя. Но и отрицать его нельзя.

Во сне мы живем совсем в иной обстановке, то в прошедшем, то в будущем, то вообще в такой абсурдной комбинации, какая в действительной жизни невозможна. И проснувшись иногда мы кое-что помним из того, что было во сне. Однако, какая фантастическая абракадабра нам не приснилась бы, во сне мы всегда остаемся самими собой, иногда в том же возрасте, иногда нажемся себе моложе или даже детьми, но всегда это мы сами — никогда человеку не снится, что он какое-то животное. Совсем другое в гипнозе. В гипнозе человеку можно внушить всё что угодно, совершенно отделивши его от самого себя, можно мужчине внушить, что он женщина или что он стал собакой и он будет поступать так, как поступала бы собака, а потом, разбуженный, ровно ничего не знает о том, что он делал под гипнозом.

Платон еще утверждал, что мы не видим действительного мира, что нам даны только тени действительности. Плотин полагал, что настоящее наше сознание раскроется только тогда, когда душа освободится от тела. Шопенгауэр весь мир считал только волей и представлением. Десятки других философов задумывались над вопросом, реальна ли наша жизнь или это только наше воображение, только сон.

14

Отличие всех религий от научного знания в том, что религия требует веры в существование Бога или богов, а научное мышление приводит к знанию, что высший разум неизбежно существует.

Но если вопрос о высшем разуме решен, то является другой вопрос не менее глубокий: высший разум управляет миром, в котором мы живем и мы подчинены его воле — но в чем его воля, чего он от нас требует? Прямого ответа найти нельзя. Потому и создавались религии, что нужно было заполнить этот пробел и ответить на этот вопрос. Каждая религия претендует на то, что у нее есть особое откровение, которым выражена воля божества и вот согласно этому откровению нужно жить. Зороастр, Конфуций, Лао-Тзе, Моисей, Христос, Магомет и многие другие меньшие говорили, что они знают волю божества и сообщали ее людям. Каждый основатель религии претендовал на то, что именно он получил

откровение, и между всеми существующими откровениями много разноречий, они сильно разнятся.

Может быть высшим выражением религиозного откровения является христианство. Есть немало людей, которые сомневаются даже в самом существовании Христа, не говоря уже о его воскресении. Утверждают, что Христос даже не собственное имя, а нарицательное. Указывают на то, что ни в одних исторических записях не подлежащих сомнению, нет упоминания о Христе. Но не надо забывать, что исторические записи, сохранившиеся до нас с того времени, все делались нехристианскими историками, христианство было в то время достоянием низшего класса, угнетаемых, обездоленных, рабов и тогдашние историки могли относиться презрительно к этому новому учению. Могли нарочно не упоминать о жизни и деятельности Христа, даже если о ней и знали. Но дело нисколько не меняется от того, был Христос именно таким, как он описан в Евангелии, или вообще был ли он, важно то, что остались принципы христианского учения и дошли до нас. Для всякого, и не-христианина, понятно, что христианские принципы изложенные в Новом Завете гораздо выше, идеалистичнее, гуманнее, нежели принципы Ветхого Завета. Может быть напрасно Ветхий Завет был включен в христианское учение, но это пришлось сделать по необходимости, т. к. Ветхим Заветом надо было подкрепить пришествие мессии и включить историю грехопадения. Это учение о грехопадении одна из самых странных и неприемлемых идей, совершенно неукладывающихся в голову мыслящего человека, подрывающая высоту христианского учения и приемлемость его для всех. Мысль о том, что младенец уже рождается с каким-то первородным грехом, что на нем тяготеет ответственность за то, что какие-то мифические Адам и Ева совершили, съевши запретный плод, настолько неприемлема, чтобы не сказать абсурдна, что ее можно принять только слепой верой, известной долей религиозного безумия, о котором говорят некоторые богословы. Понятие греха вообще растяжимо и условно, но мысль, что человек уже рождается обремененный грехом, которого он не совершил, совсем не укладывается в голову. В Евангелии есть тоже много противоречий. От основных христианских принципов, практически выполняемых, осталось немного, но тем не ме-

нее нет второго религиозного учения, которое по своей высоте могло бы сравниться с христианским.

Однако, привыкший всё принимать с критикой человеческий разум не довольствуется тем, что так указано в той или иной религии требующей, чтобы верили ее указаниям. Он хочет не верить, а знать. Что же мы можем знать о том, чего требует от нас высший разум? Показать его требования, доказать их, как доказываются геометрические теоремы, мы не можем. Устранившись от всяких обязательств и авторитетов, мы можем сомневаться, например, что справедливо и что несправедливо. Справедливо ли, например, судить одинаково всех людей, применяя к каждому те же законы, справедлив ли принцип общего равенства, когда ясно, что люди не равны и вообще в природе нет равенства. Даже такие понятия, как добро и зло, тоже растяжимы и до известной степени условны. Принято думать, что в нас заложены эмоции, которыми мы ясно различаем какой поступок добрый и какой злой; но даже тут явной грани между добром и злом нет, много условного, и то что кажется одному добром, по понятию другого зло. Эмоции людей очень различны, и хотя принято думать, что сердце человека ясно говорит там, где в затруднении бывает разум, эмоции часто ошибочны, годное для одного не годно для другого, а главное так называемый голос сердца может быть иногда голосом анти-общественным, анти-социальным. Своими эмоциями мы отдалены на непроходимое расстояние от остального живого мира, но не в них божественное откровение, его надо искать в чем-то другом — и действительно многое можно найти критически относясь к окружающей нас природе, к нашей собственной природе, изучая эту природу, расширяя свои знания и более глубоко мысля.

Однако, этот путь годен только на высших ступенях умственного развития, а для громадного числа людей нужна еще религиозная основа морали. Религии не нужно трогать, но с одной очень важной оговоркой — служители культа никоим образом не должны вмешиваться в экономику и социальное устройство государства, иначе религия становится орудием социально-политической борьбы, еще больше борьбы экономической, и тогда уже это не религия, а просто партия, одна из партий.

Так называемые восточные религии, по крайней мере некоторые из них, анти-социальны. Вместо энергичной деятельности, общения с людьми и помощи им, вместо выполнения общественного долга, они призывают заботиться только о спасении собственной души. Нужно отказываться от пользования благами мирскими, истомлять и даже уродовать собственную плоть и думать только о спасении души. Тот христианский святой, что пол-года натаскивал листья в свою пещеру, а потом пол-года вытаскивал их обратно, никому и ничему пользы не приносил; и тот святой, что замуровывался в пещеру или « стоял на столбе или в столбе » всю жизнь, или тот, что носил на себе тяжелые вериги, или тот что давал обет молчания до смерти, тоже никому и ничему пользы не приносили, их еще нужно было кормить хотя бы и добродетельными даяниями, но все-таки продуктами труда других.

Если человек удаляется на время от мира для сосредоточения и глубоких размышлений и найдя, наконец, правильный путь идет опять к людям и как пушкинский пророк « глаголом жжет сердца людей » — это другое, но если запершись в монастыре он избегает общения с людьми, ничего доброго им не делает, никакого утешения и пользы им не приносит, не работает — это чистейший эгоизм и тунеядство. Эту мысль в художественной форме высказал еще Достоевский, когда в « Братьях Карамазовых » старец Зосима говорит Алеше Карамазову, чтобы он не оставался в монастыре, а шел в мир творить добро; и сам старец Зосима охотно общается с людьми приходящими к нему и старается утешать их и учить добру. В самом Евангелии, хотя бы в притче о талантах говорится о том, что человек не должен зарывать свои способности или возможности в землю. В другом месте Евангелия рассказывается как после смерти судят людей за их поступки при жизни — « я был голоден и вы накормили меня, я был болен и вы посетили меня » и т. д. Еще в нескольких других местах проводится та же мысль о помощи ближнему, о любви к нему и нигде нет указания, что нужно удалиться от людей в пещеру или монастырь и там день и ночь класть земные поклоны или носить вериги.

Часть анти-социальных и абсурдных указаний имеется

я в основных догматах, но главное нашло позже, совершенно исказивши первоначальные идеи.

В Библии противоречий сколько угодно, но в одном только противоречий нет, нигде не сказано, ни разу, ни в Ветхом Завете, ни в Новом, что нужно проводить жизнь в печали, что это угодно Богу, а наоборот, в нескольких местах говорится о веселии: царь Давид играл на тимпане и танцевал, в Кане Галилейской Христос обратил воду в вино и особенно ясно сказано в Эклезиасте: «и похвалил я веселие, потому что нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить, и веселиться...» Но отцы церкви старались внушить верующим, что печаль, стенания и слезы угодны Богу, и из христианских религий, особенно восточная, окрасилась в эти мрачные тона.

Буддизм в своих указаниях еще более анти-социален, предписывается неделание, пассивность, как-будто идеалом является проглатывание собственного языка, чтобы никогда и ни с кем не разговаривать, или неподвижное сидение с поднятой рукой пока она не отсохнет. Я видел в Индии этих буддийских святых сидящих на солнце с поднятой рукой, облепленных мухами, со зловонной лужицей вокруг них, и хотелось скорее уйти от этих несчастных людей, так трагически-ложно понявших законы мироздания. Около них стояла чашечка, куда проходившие клали горсточку риса или монетку, и таким образом эти несчастные люди не умирали от голода, кто-то должен еще их кормить, а пользы ни материальной, ни духовной от них нет никому, скорее вред, указание ложного пути, анти-социального, абсурдного...

Тут тоже извращение заветов Будды, если он был таким, как его рисуют оставшиеся памятники письменности. Будда удалившись от роскошной жизни во дворце, долго сидел под деревом в пустынном месте, около него собрались ученики, но однажды он решил, что это путь неправильный, бросил пост и пассивность и пошел к людям. Это так поразило учеников, что они его покинули...

Не важно, где легенды, где исторические факты, важны идеи. И вот идеи извращены последователями, иногда по недомыслию, иногда по личным расчетам. О велениях правящего миром разума и его целях мы можем только догадываться, но догадываться с полной логичностью доступной

нам, и мы приходим к мысли, что нам велено проявлять наибольшую энергию, наибольшие способности из заложенных в нас возможностей. Работа, деятельность, энергия, кому дано творчество, а не пассивность, уход от людей, аскетизм. Сажая в саду цветы мы хотим, чтобы они пышно цвели. Посадивши яблоню мы хотим, чтобы она дала много хороших яблоков — если цветы не будут красиво цвести и не давать аромата, а яблоня будет покрыта только одними листьями, мы их вырвем или выкорчем. Если человек хочет искупать свои грехи или вообще посвятить себя Богу, то не вериги ему нужно надевать на себя и не бить по ночам земные поклоны запершись в монастыре, а идти к людям, чтобы им помогать, утешать, работать по мере сил, а главное подавить в себе всякие злобные чувства, ненависть, месть, стяжание. Что он будет есть при этом, решительно все равно, чем вкуснее тем лучше, потому что хорошая пища увеличивает энергию и работоспособность. Если брать христианский термин спасение души, то именно так, казалось бы, нужно спасать ее, а не эгоистическим затворничеством и уходом от мира. Мы, каждый из нас, только ничтожная часть общего целого и этому целому мы обязаны служить, как кровяной шарик моему организму, при этом чем в лучшем здоровьи, довольстве и даже веселости будет жить мой кровяной шарик, тем лучше.

Совсем особняком стоит идеология шинтоистская, религия Японии. В этой книге не место в подробностях обсуждать или критиковать те или иные религии, все религии хороши поскольку они признают высший разум правящий миром и напоминают о нем, но все-таки нельзя не сказать даже и тут, что много хуже религии такие, как шинтоизм, учащий, что только японцы божественного происхождения.

Предшественницей религий была магия. Наталкиваясь на каждом шагу в окружающей природе на непонятное и непредвиденное люди старались находить таинственные средства, влиять на это непонятное — явились шаманы, колдуны, а затем и жрецы. Постепенно из магии развились религии и еще долго в религиозных обрядах оставалось многое — и

остается до сих пор — из первоначальной магии. Постепенно религии очищались от влияния магии, одни очистились больше, другие меньше, но отзвуки остаются и до сих пор. Важно только то, что постепенно, в течение тысячелетий люди всё больше приходят к мысли, что не какие-то многочисленные, разнообразные, злые и добрые духи окружают их, а начинают понимать, что в мире есть какой-то высший разум, для нас непостижимый, знающий цель и смысл нашего существования в этой быстротечной и кратковременной жизни.

Как-будто на верхах умственного развития, а вернее полузнания и недомыслия, является мысль, что нет никого и ничего, кто знает больше нас и мы просто игра слепого случая, а случай взялся из вечности и идет в вечность... Это тупик, умственный мешок, залезая в который человек возвращается назад к безмыслящему животному, для которого не нужны ни какие-либо цели, ни смысл существования, для которых нет проклятых вопросов. Это движение не вперед, а назад к пещерному человеку. К сожалению многие попадают в этот умственный мешок, но многие из него уже и вылезают, это движение уже определено наметилось и усиливается.

✧ 17

Мысль о присутствии каких-то таинственных сил была всегда у людей, с самого начала, это всегда было пропастью между мышлением даже первобытного человека и мышлением животных. Животные боятся других животных, боятся человека, если они не приручены; боятся выстрелов и грома, что для них то же самое, некоторые боятся темноты, другие света, но мысли о каких либо таинственных силах у животного нет, эта мысль только у человека. Мысли о высшем разуме, управляющем миром, у животных нет. И вот как-будто само собою ясно, что когда такой мысли нет и у человека, то это приближение к мышлению животного.

Ошибочно людей невыполняющих религиозных обрядов зовут безбожниками или атеистами; даже у самых настоящих атеистов — если таковые возможны — непременно время от времени являются сомнения в том, что всё идет само собой

из вечности в вечность и никакой конечной цели нет. Мыслящий человек, обладающий большими знаниями, не может остановиться на такой мысли, потому что она абсурдна, мрачна и безвыходна.

Нерелигиозных людей много, но не думающих о мировом разуме ничтожное количество и их положение печально по безотрадности и безвыходности.

λ 18

У громадного большинства людей, почти у всех некоторый мистицизм живет в душе. Есть такие, что решительно от него отрекаются, смеются над ним и все-таки и они иногда поддаются этому мистическому настроению или чувству, даже может быть не сознаваясь в этом, не только другим, но и самим себе. У одних эта вера в приметы, числа, гадание, дурной глаз, хорошие и плохие флюиды, у других вера в предчувствия и предзнаменования, у третьих самая опасная форма — фатализм и вера в судьбу, которую нельзя изменить... Этот последний вид мистицизма убивает энергию, волю к деятельности, оправдывает лень, беспечность.

Проникшись знанием, что всё управляется разумом неизмеримо более высоким чем наш, человек не может уже придавать значения тому, встретил ли он бабу с пустыми ведрами или с полными или тому, как легли карты, или тому сколько раз стукнет ножкой столик на спиритическом сеансе. Даже нашему разуму такие откровения кажутся смешными, а тем более они не могут быть приписаны разуму высшему. Дойдя до знания о постоянном присутствии высшей воли, постоянно вспоминая об этом, человек тоже до известной степени живет как бы в мире таинственного, но эта таинственность совсем иная. Воля высшего разума может открываться нам, до известной степени, только совершенствованием нашего собственного разума, приближением хотя на малейшую долю к разуму высшему, а отнюдь не в гаданиях на кофейной гуще или в шарлатанских ясновидениях истеричек или просто обманщиков.

Есть не мало явлений до сих пор необъясненных : большинство этих явлений просто шарлатанство или фокусничество, но есть кое-что и действительно существующее,

неопровержимое. Чтение и передача мыслей, чтение в закрытых конвертах, некоторые медиумические явления доказаны опытами обставленными со всей научной строгостью и контролем. Но не нужно искать в них откровений мирового разума или потустороннего мира, это просто сверх-физические явления, которые рано или поздно будут подведены под понятные нам законы. О спиритизме, оккультизме и магии написаны тысячи томов, и начисто отрицать всё то, что свидетельствуется столькими людьми было бы слишком поверхностно. Среди куч всякого вздора есть нечто перед чем должен останавливаться всякий объективно мыслящий человек. Прочтя сотню книг по этим вопросам, побывавши на всяких спиритических сеансах и на собраниях оккультистов, приходится отбросить очень и очень многое из того, что принимают за факты эти люди, но что-то немногое остается и отрицать это что-то нельзя. Разумеется, еще раз можно повторить, что все эти непонятные явления ничего общего не имеют с потусторонним миром : если потусторонний мир такой или иной и есть, то во всяком случае он открывается нам не в стуках столика и не в одуряющих курениях при красном свете или совсем в темноте.

Почти нераздельна с христианским учением и еще в большей степени с магометанским, мысль о предопределении — судьба человека из века предопределена и что бы он ни делал, изменить ее он не может. Идея опасная и вредная, опять ведущая к тому же, к чему ведет и фатализм.

Когда один из двух американских « мудрецов » Бурбэнк (вторым американцы считают Эдиссона) творил чудеса в области растительной жизни, создавая новые невиданные растения, он пользовался так-называемой селекцией. В его большом саду в Санта-Роза в Калифорнии сеялось двести тысяч ромашек и из них выбирались десять самых красивых и самых больших, а все остальные нещадно сжигались, хотя много было желающих покупать их. То же самое делалось и с фруктовыми деревьями и всякими другими цветами. Результаты получались совсем неожиданные : чертополох, растущий как сорная трава у дорог, становился необычно красивым цветком величиной в подсолнечник, орехи выходили много вкусней и гораздо крупней, при этом ореховое

дерево на восьмом году перегоняло в росте прежние двадцатилетние.

Такие же опыты, даже еще более удивительные, производятся в советской России: знаменитый русский агроном-садовод Мичурин, о котором я уже знал учась в Петровской Академии, и еще мой однокашник по той же Академии профессор Вавилов и Лысенко сделали уже не меньше Бурбэнка, и их достижения обещают людям улучшение их жизненных условий, добавляют к красоте жизни: тут человек является творцом, правда, что в пределах уже существовавшего и данного ему природой.

Может быть, и это совсем логично, что и среди людей идет такой же отбор, каким пользовался Бурбэнк или Мичурин, или Вавилов, но тут не только наш разум, а закон высшего разума. И от самого человека зависит попадет ли он в эти отборные экземпляры, в такие, которых десять стоят миллиона...

Мы не знаем жизни каждого кровяного шарика в отдельности, хотя он часть нашего тела, и даже не можем повлиять на него. Решивши поставить себе кровяные банки, мы умертвим сколько-то миллионов кровяных шариков и они погибнут, не зная для чего погибли, и мы не будем интересоваться участью каждого отдельного шарика, у нас была только цель улучшить состояние нашего организма, а что при этом будет с каждым отдельным шариком и с каким именно, об этом мы не думали. Параллель между кровяным шариком и всем нашим мыслящим организмом, и между нами и всей природой, напоминает пантеистическую философию, но понятно такой полной параллели нет, пантеистическое мировоззрение тоже ничего не объясняет и тоже упирается в стену. Но это рассуждение наводит на мысль о том, что нужно вычеркнуть из сознания фатализм и предопределение. Когда в организм попадает болезнетворный микроб или токсин, кровяные шарики и другие клетки организма проявляют общие усилия, чтобы избавиться от болезни, повышенной энергией защищаются от нее, а не оставляют всё на волю случая — у них нет фатализма. Фаталистическое мировоззрение и мысль о предопределении разрушительны и катастрофичны для человека. Только постоянная мысль о

том, что он сам ответствен за свои несчастья, неудачи или гибель может вести его к совершенствованию.

Отцы религий, толкователи священных писаний, составители катехизисов приписывают Богу разные свойства и вкривь и вкось толкуют их, часто впадая в безвыходные противоречия. Как мы можем знать свойства высшего разума, Бога? Высший разум непостижим для нас и свойств его знать мы не можем, кроме того только, что он начало и конец всего.

Не стоит распространяться о том, к каким противоречиям привело толкование приписанных Богу свойств, нередко получаются тупики, из которых нет выхода, подрывается вера в религиозные каноны, не говоря уже о том, что для критикующего разума все эти толкования кажутся иногда просто смешными, недостойными высокой идеи. Правда, что никак и ничем нельзя оскорбить высший разум, не может быть никакого богохульства: не может возвести хулу на нас наш кровавый шарик. 21

19

Обычно рассуждение:

« Если всё началось от Бога, то это ставит только новый вопрос — а как и откуда начался Бог? »

Даже духовные писатели дерзали ставить такой вопрос, хотя бы гностик Вазилид. В подлиннике его труды до нас не дошли, но содержание их передается и обсуждается отцами церкви, Иринеем и Ипполитом. Вначале был неведомый, непостижимый, невыражаемый словами, несущий (?) Бог. О нем ничего нельзя сказать, ибо не существует слов в человеческом языке, чтобы выразить свойства такого Бога. Этот « несущий » Бог напряжением чего-то что можно бы назвать « волей », сотворил или извергнул ядро или семя, которое содержало в себе начало всех вещей, в том числе и самого божества... Тут и какой-то Абракас — Бог отец, правитель мира. Абракас зовется так только для людей, а в действительности его имя « неизреченно и неисповедимо ». Абракас произвел сына, более сильного и мудрого чем он сам, и с его помощью создал мир. Местопребывание Абракаса и сына называется Огдоад и распространяется на весь « эфирный район » до « лунной сферы », и т. д.

В древне-еврейской Каббале рассказывается, что Бог поручил сотворение мира одному из своих подчиненных, сефероту, и тот этим занялся. Кто такой Сеферот не объяснено, даже есть противоречивые толкования был ли он мужского пола или женского, но позднейшие богословы решили, что он был андрогинном, т. е. нечто вроде гермафродита! Во всяком случае Сеферот выполнил данное ему задание плохо и вот потому так много зла на земле и потому мы страдаем... Еврейская Каббала сомневается какого пола был Сеферот, но в христианском учении все ангелы, архангелы и другие небесные духи только мужского пола, ангелов женщин нет, хотя по своей женственности им это как-будто вполне приличествует. Объясняется это понятно тем, что всё писали мужчины и в те времена женщина была в подчиненном и униженном положении. В восточных легендах духи, гении и джины тоже сплошь мужчины; феи появляются уже гораздо позже в европейских сказках, хотя на ряду с ними остаются и волшебники, добрые и злые.

Но возвратимся к вопросу так-называемых образованных людей, поставленному выше. Зная, что высший разум существует, зная, что такая гипотеза убедительнее всех других гипотез, потому что она решительно всё объясняет и никакой другой ее заменить немислимо, такой вопрос о происхождении Бога можно считать только наивным. Это рассуждение лабораторной дрозофилы о происхождении профессора.

Уэллс в своей «Машине времени», давшей ему сразу известность, рассказывает о человеке, который севши на изобретенную им машину, поехал в далекое будущее, видел что там делается и вернулся обратно. На этой же машине он мог также легко ездить и в прошлое. Это только литературная фантазия, но есть уже и научные теории, подвергающие сомнению самое понятие времени (Эддингтон, Джинс, Эйнштейн, Ленард и др.). По этим научным теориям, основанным на физических законах и непреложных математических формулах, понятия «прошлое» и «будущее» весьма неопределенны и даже мы не можем утверждать, идет ли время назад или вперед, для этого требуются особые хитроумные наблюдения и рассуждения и надо обладать специальными знаниями, чтобы установить куда направлена стрелка времени : начало и конец только наши человеческие домыслы.

Как можно рассуждать о начале высшего разума, неизмеримо более совершенного, чем наш человеческий разум, когда и своим человеческим мы уже подвергли сомнению нами же выдуманные слова « начало » и « конец ». Не только такие рассуждения, как в трудах Иринея и Ипполита, но даже в обыкновенном нашем катехизисе столько ненужных толкований, столько противоречий, что они могут только разрушить веру людей, готовых верить, а не укрепляют ее. Сколько раз я уже слышал и от пожилых людей и даже от юношей, что они перестали ходить в церковь после того как их заставили изучать катехизис, а до этого были искренно верующими в церковные обряды и соблюдали их.

20

Мысль останавливается в изумлении перед гипотезой высшего разума. Откуда, когда, каким образом начал быть этот высший разум, каковы его свойства? Конечно, всего этого, всего касающегося разума неизмеримо высшего нежели наш, мы понять не можем, ни теперь, ни когда-либо. Даже в том, что нас непосредственно окружает, что доступно нашим чувствам мы тоже понимаем очень мало, без всякой надежды понять когда-либо до конца. Возьмем основную, одну из главнейших научных гипотез о мировом тяготении. Со времени Кеплера и Ньютона открыты законы тяготения, людям стало понятно, что тела большей массы притягивают тела меньшей и на этом построена вся система мироздания, но разве мы можем понять как это одно тело может действовать на другое. Через что, каким образом? — это так же непостижимо для нас и теперь, как и до Ньютона. Эйнштейн уже предложил новое толкование мирового устройства, введя кривизны во вселенной. Даже если поверить его теории все равно мы ни на иоту не ближе к пониманию этого таинственного, загадочного явления, хотя оно рядом с нами, на каждом шагу, ощутимо нашими чувствами...

То что луна вертится вокруг земли, то что земля и другие планеты солнечной системы вертятся вокруг солнца еще кое-как можно объяснить гипотезой мирового тяготения, хотя это и невообразимо для нашего разума; но объяснять законом Ньютона конструкцию всей вселенной совсем немыс-

лимо, хотя это и делается. Расстояние между отдельными солнечными системами или звездными системами столь громадно, что ни о каком притяжении не может быть и речи. Если два маковых зернышка находятся в пространстве на расстоянии нескольких километров одно от другого, то как можно вообразить, что одно притягивает другое, а именно расстояния между отдельными системами и размеры самих систем могут быть сравнимаемы с такими маковыми зернышками.

Стали известны законы электрической энергии, выведены как будто точные формулы, но разве от этого стало для нас постижимее, каким это чудом по какой-то проволоке передается такая страшная сила ничего в проволоке не изменяя, невидимая для нашего глаза?.. Каким образом эта непонятная, чудесная сила может в одну секунду обегать шесть раз вокруг земного шара и как недавно оказалось — с открытием беспроволочного телеграфа — эта сила может передаваться на громадные расстояния даже и без всякого провода. Разве мы что-нибудь объяснили, выведя формулы, разве это не остается для нас тайной? Комната, в которой мы сидим, оказывается наполненной всякими волнами, которые мы улавливаем радио-аппаратами и подсчитываем длину той или иной волны, даже узнали, что эти волны идут не по прямым линиям и не параллельно земле, а зигзагами отражаясь где-то выше стратосферы. Но разве это не остается по-прежнему чудом, разве новые открытия, новые завоевания человеческого ума не увеличивают количества чудесного вокруг нас, чудесного которое никогда не будет нами разгадано?

Астрономия и астрофизика уже точно установили химический состав небесных тел и их расстояния от нас, но разве постижимы хотя бы те расстояния, на которых находятся от нас звезды или тем более спиральные туманности? Мы видим не то небо, что есть сейчас, а то что было миллионы лет тому назад, а что теперь, мы не знаем, по тем же точным научным данным...

Для того, чтобы закрыть от нас свет, достаточно тонкой металлической пластинки, деревянной доски, или даже тяжелой портьеры, а рентгеновские лучи свободно проходят через все эти препятствия, кроме металлических, а недавно открытые космические лучи проходят через несколько мет-

ров свинца — разве это постижимо, хотя мы это как-будто и точно знаем? Тонкие корешки растения, скажем разрыв-травы, внедряясь в скалу, хотя бы самую твердую, базальтовую или гранитную, рвут ее, так же как немного воды, замерзая рвет ту же скалу — разве это постижимо для нашего разума, хотя и несомненно? Мы точно знаем уже, что многие алкалоиды очень ядовиты, достаточно ничтожного количества, чтобы убить человека, мы знаем их химические формулы, но почему именно такая химическая формула ядовита, а иная нет, мы понять не можем. Некоторые яды очень горьки, как стрихнин, некоторые сладковаты, как мышьяк, а третьи совсем безвкусны : но многое горькое совсем не ядовито, сахар или сахарин гораздо слаще мышьяка, но не ядовиты. Мы не можем заранее предвидеть будет ли какое-то новое соединение, нам еще неизвестное, ядовитым или полезным. Среди алкалоидов мы не только ходим ощупью, но ко многому еще и не подошли. Возьмем хотя бы укусы осы : для того, чтобы отравить человека даже самым сильным ядом нужны миллиграммы, но когда оса жалит нас, она оставляет в нашем теле не больше десятитысячной миллиграмма, а мы испытываем острую боль, укушенное место пухнет, а десятки укусов сразу могут повести к смерти. Мы даже еще не подошли к изучению таких ядов, как осинный, мы еще совершенно не знаем какие, может быть громадные силы и возможности, кроются в них.

Когда с помощью спектроскопа мы разлагаем световые лучи какого-нибудь иного мира и по характерным фраунгоферовым линиям находим из чего состоит этот отдаленный мир, мы тоже можем ошибаться, может быть там совсем другие элементы, и линии только случайно совпали.

Многие соединения вырабатываемые нашими glandами, внутренней секрецией, приготовлены уже в лаборатории синтетическим путем и свойства этих соединений оказались как-будто такими же, что и выработанных организмом, но процесс получения их в организме совершенно иной нежели в лаборатории : никаких реторт, колб или пробирок в организме нет, нет того высокого давления и той высокой температуры, какими необходимо пользоваться в лаборатории. Мы уже привыкли думать, что составленное синтетически в лаборатории совсем одинаково с тем, что сфабриковал орга-

низм, но тут могут открыться многие неожиданности, а некоторые биологические процессы вообще для нас полная тайна. Мы точно знаем, что два атома водорода и один атом кислорода дают воду, однако не может быть уверенности, что где-нибудь в отдаленных мирах эти два газа соединяются так же как на земле : даже больше, мы не можем быть уверены, что эти миры состоят из таких же 92 элементов, какие мы знаем на земле.

Есть в химии удивительное, необъяснимое явление — катализ : данная химическая реакция никак не хочет происходить в стеклянном сосуде или в каком-либо ином, но стоит опустить в жидкость серебряную ложку и реакция начинается. Можно сотни раз опускать ту же самую ложку в жидкость и всякий раз она будет вызывать реакцию, сама несколько не изменяясь, не растворяясь, не уменьшаясь в весе, и в чем тут дело до сих пор остается загадкой, несмотря на все старания химиков объяснить это явление.

Одним из величайших завоеваний науки была таблица Менделеева; уже после смерти его правильность гениальной таблицы подтверждена новыми элементами, еще неизвестными при жизни Менделеева. Появился ряд изотопов, как будто нарушавших правильность таблицы, но они уложились в нее. Однако, несмотря на свою несомненную гениальность Менделеев не предвидел, что вверху его таблицы за 92 элементом уранием, самым тяжелым, окажутся еще более тяжелые, 93, 94 и 95, благодаря открытию которых и стала возможна атомная бомба (слово «благодаря» тут даже совсем неуместно). Добыты пока только ничтожные количества этих новых элементов, сотые миллиграмма, и добыть их стоило громадных затрат, но и последствия от этих открытий еще более громадны. Не создано ничего совсем нового, эти элементы были и раньше в природе, только мы их не знали. Вполне вероятно что будут найдены или вернее изготовлены еще более тяжелые и еще более опасные; может быть, как это ни удивительно, окажется что-то дотоле неведомое и внизу таблицы, ниже водорода, и тогда придется совсем изменять цифры Менделеевской таблицы.

Последние наблюдения над солнечной короной — во время полных солнечных затмений или даже без них — ставят ученых в тупик. Спектральный анализ находит в этой ко-

роне незнакомые на земле элементы и загадка остается до сих пор неразгаданной.

Некоторые физики уверяют, что необычайная, ни с чем несравнимая яркость солнца зависит от присутствия неведомого нам газа, который в 2.000 раз легче водорода! Конечно, и этот непостижимый газ, как и многое другое в «точных» научных данных, может подлежать сомнению, однако это не рассуждения газетных фельетонистов, а таких же ученых, какими устанавливаются и всякие другие научные гипотезы.

Теплым летним вечером мы любуемся на светляков в траве на опушке леса, а в тропиках так называемые огненные мухи производят волшебный фейерверк перелетая с куста на куст. Светляки и огненные мухи могут по своему желанию зажигать или тушить свои огоньки. Уже много труда затрачено энтомологами на объяснение этого чудесного свечения. Раньше думали, что это свечение фосфорическое, но от этого объяснения отказались, никакого фосфора ни у светляков, ни у огненных тропических мух нет. Установлено, что насекомые дышат кислородом также как и мы, но только не через легкие, которых у них нет, а через особые трубочки расположенные в разных частях тела; установлено, что светящееся насекомое регулируя приток кислорода может зажигать или тушить свой фонарик; свечение происходит от горения чего-то в этом кислороде. Всякое горение дает тепло, не только свет, иногда горение дает только тепло без света, а тут как раз наоборот, что-то горит и дает свет без тепла. Самыми точными измерениями не найдено повышения температуры тела насекомого при свечении, а если горит даже самый крошечный огонек в лампадке, которую мне в детстве так часто приходилось поправлять или зажигать, то тепло ощутимо даже без всяких точных инструментов. Эти светящиеся насекомые умеют делать то, что нам людям еще недоступно, несмотря на все наши электрические формулы. Производя свет мы тратим ненужно много энергии на тепло, холодного света мы еще производить не умеем. Мы очень и очень многого еще не умеем и не знаем из того, что умеет и знает окружающая нас природа. Вообще, наша творческая мысль, наши открытия, наши научные гипотезы, вся наша наука есть только кое-что объясненное нами из существующего в природе, при этом наши сегодняшние

объяснения могут оказаться негодными завтра, когда мы подметим еще что-то новое. Гипотеза приемлема и хороша, раз она является рабочей гипотезой, т. е. многое объясняет и на ней можно строить разные выводы, которые оправдываются опытом; все принятые гипотезы таковы, пока их не умеем заменить другими более совершенными и всеобъемлющими. Гипотеза мирового разума тоже рабочая гипотеза и даже более рабочая чем все другие, потому что ее невозможно, ни теперь, ни в будущем, заменить другой и она объясняет всё, что необъяснимо другими гипотезами, на ней зиждется мораль, она объясняет цель нашего существования и цель и смысл всего остального.

☆ 21

Современный астроном сидя перед новейшим телескопом, вооруженный всем предыдущим астрономическим опытом, точнейшими математическими формулами, смотрит на ближайшую к нам планету — луну. Он ясно и несомненно видит там кратеры потухших вулканов, и знает когда и как они могли образоваться. В ясную лунную ночь луна так ярко освещает наш земной ландшафт, что можно читать при этом свете, всё видно — это луна отбрасывает свет солнца, светит отраженным светом. Мыслимо ли себе представить, что планета, состоящая из скал и земли, отражает свет солнца так ярко, как может отражать только зеркало? Свет и тепло солнца являются результатом постоянного горения, что-то горит уже миллионы лет и будет гореть по научным данным еще миллиарды лет, и жар не уменьшается и всё та же удивительная яркость, неистощимый запас горючего, при пожаре поглощающем в одну минуту всё горючее, что есть на земле. Так объясняется свет и тепло солнца, для научного мышления это не подлежит сомнению, а между тем разве это вообразимо, разве мы можем это постигнуть, представить себе, понять откуда берутся эти неистощимые запасы горючего, с температурой внутри солнца в миллионы градусов и можем ли мы понять самую эту температуру в миллионы градусов?.. Мы с землей движемся вокруг солнца, а луна движется вокруг нас — так точно известно, исчислено, определено и доказано. И при этом луна в тысячи раз меньшая чем солнце

кажется нам точно такого размера как солнце, почему и возможны полные затмения. Мы даже не задумываемся над этим вопросом, так случилось, так устроено, и мы всё уже знаем. Относительно света луны недавно шел разговор в так называемом « мозговом тресте » в Лондоне. Кто-то предложил этому тресту вопрос, почему свет луны действует на наш организм совсем иначе чем свет солнца. Присутствовавшие на обсуждении физики и астрономы заявили, что это заблуждение, лунный свет ничем не отличается от солнечного, это тот же отраженный солнечный свет и только слабее солнечного. А между тем вопрос все-таки остается, ибо несомненно, что лунный свет действует на наш организм, особенно на нашу психику, совсем иначе, нежели ослабленный солнечный. Так называемые лунатики не ходят по крышам и карнизам домов при ослабленном солнечном свете, а только при лунном. В самое недавнее время установлено, что устрицы и другие морские ракушки широко раскрывают свои раковины именно только при лунном свете, а не в темноте или при ослабленном солнечном.

Людовик XVIII как-то спросил Лапласа, почему «рыжая луна» так сильно действует на растения. Лаплас смутился и заявил что астрономия об этом ничего не знает. Однако крестьяне и садовники, особенно во Франции, уверены в сильном влиянии рыжей луны на рост растений и в зависимости от нее откладывают посев или посадку. Антропософы советуют сеять или сажать непременно за 48 часов до полнолуния, тогда всё лучше растет; такого же мнения держится и один немецкий ученый.

Эти приметы и опыты одного ученого еще ничего не доказывают окончательно, но во всяком случае свет луны имеет какие-то особые свойства и влияние их на человека еще ждет новых исследований — многое еще вокруг нас ждет исследований и многого мы не исследуем никогда.

Философы и основатели разных религий доказывают каждый по своему существование Бога.

Все эти доказательства анти-научны, анти-логичны, не выдерживают критики и только посеяют сомнения у хотя-

щих думать людей. Никакими схоластическими доказательствами, никакими откровениями нельзя заставить ищущий правды разум убедиться. Разум не хочет верить, разум хочет знать. Религиозные откровения говорят многим и для них благостны и необходимы, но на более высоких ступенях развития неприемлемы, но зато тут человеческий разум наконец приходит не к вере, а к знанию.

Из «*Этики*» Спинозы.

« Бог, иначе субстанция бесконечных свойств, которого каждый представляет себе вечным и бесконечным, существует безусловно. »

Первое доказательство.

« Если вы это отрицаете, представьте себе — если вы это можете — что Бог не существует. Тогда его сущность не включает существования. Но это абсурдно. Значит Бог существует. »

Второе доказательство.

« Для всякой вещи есть причина или основание, чтобы эта вещь существовала или не существовала. Например, если треугольник существует, должна быть причина или основание, благодаря которой он существует. Наоборот, если треугольник не существует, значит есть основание или причина, которая мешает ему существовать. И это основание — или эта причина — должна заключаться или в природе самой вещи или вне природы вещи. Так, причина что не существует квадратного круга вытекает из самой природы круга, ибо существование квадратного круга представляет противоречие. Но существование субстанции наоборот, вытекает из ее собственной природы, которая включает существование. Причина по которой круг или треугольник существует или не существует, вытекает не из их природы, но из общего порядка всех физических вещей. Этим порядком обуславливается, что или треугольник должен безусловно существовать, или что его существование невозможно. Всё это очевидно само собой.

Отсюда следует, что вещь должна существовать, если нет причины или основания, препятствующего ее существованию. Значит, если нельзя представить себе никакой причины или основания, мешающего тому, чтобы Бог существовал, или причины, прекращающей его существование, то нужно неизбежно заключить, что Бог безусловно существует... »

Третье доказательство.

« Не мочь существовать — это слабость, и наоборот, мочь существовать — это значит обладать силой. Отсюда следует, что если несомненно существующее состоит из существ конечных, то они оказались бы наделенными большей силой, нежели само существо бесконечное, а это явно абсурдно... »

И так далее, на протяжении тома, идут подобные рассуждения.

Декарт пишет :

« Существование идеи совершенного у существа несовершенного неизбежно требует существования Бога, совершенной причины.

Так как разум отказывается признать, что большее вышло из меньшего, что что-то вышло из ничего, порядок из беспорядка, неизбежно признать существование высшего начала, творца. »

Придя к этим выводам Декарт считал существование Бога доказанным. С ним и все другие картезианцы. С ними все, для кого имя Декарта авторитетно. Это не подтасовка фраз, как делают в газетной полемике. Прочтя вдоль и поперек рассуждения Декарта о душе и Боге, выносишь только одно впечатление — ненужная схоластика, ничего недоказывающие рассуждения, недостойные великого человека.

Декарта воспитали иезуиты. Они сумели так начинить его, сумели внушить ему такое рабское почтение к мудрствованиям католической церкви, что его мозг на всю жизнь уже оказался спутанным. Декарт закончил свой большой труд по физике, когда он узнал, что святая церковь осудила Галилея за его научные работы. Декарт немедленно сжег свою рукопись. Он заявил, что как бы ни было ценно написанное им, раз это может не понравиться отцам иезуитам, его воспитателям, он отказывается от этой работы. Мало того, что сжег этот труд, он решил вообще впредь ничего научного не писать. Только уговоры его друзей заставили Декарта вернуться к научной работе, но с постоянной оглядкой не сказать что-либо неприятное церкви.

Декарт дал человечеству новые пути мышления; он связал геометрию с алгеброй, линии научил выражать алгебраически. Он дал математические формулы оптики (близорукие, такие как я, особенно обязаны ему). Хотя очки были случайно, экспериментальным путем сделаны еще в XIII веке, Декарт дал математическую теорию преломления света. Декарт вместе с Галилеем, Бэконом, Кеплером, Ньютоном стоит как высокий маяк на пройденном человечеством пути, но его божественная философия смешна современному человеку.

против Бога, другого выбора нет. Так лучше ставить за Бога — полагал Паскаль. Даже если вероятность его существования невелика, то и тогда выгодно ставить! Если на Страшном Суде окажется, что Бог есть, то ставкой на него мы покупаем вечное блаженство на том свете, а если Бога нет и Страшного Суда не будет, то мы ничего не теряем, никто за это нас не накажет, некому наказывать. Паскаль привык решать задачи об игре, недаром он основатель теории вероятности. Идею Бога он тоже свел к игре. Удивляться только можно, как человек такого большого ума дошел в данном случае до таких фраз о Страшном Суде.

Психолог и философ Джэмс, порицая как-будто Паскаля, сам приходит в иной форме к такому же решению. Бог не мешает, пусть на всякий случай будет. Разум Бога отвергает, но сердце против него ничего не имеет. Доводы сердца иногда выше доводов разума...

Как раз наоборот, именно разумом неизбежно придти к идее какого-то высшего начала в мире, того, что религии называют Богом. Бог сердца, это что-то изменчивое, иногда преходящее, а вот когда разумом человек доходит до него, тогда он с ним остается уже до смерти, тогда это уже несомненно и абсолютно.

Уже в наше время такие философы, как Киргегард и его истолкователь Лев Шестов, признавая существование Бога, задавались вопросом, может ли Бог менять прошлое, может ли он сделать, чтобы не было того, что уже было? Если Бог не может менять прошлого, то значит он не всемогущ, есть и для него невозможное, и эта невозможность кем-то установлена. Значит тогда есть что-то выше Бога, такое, чему и он должен подчиняться, а тогда это не высший мировой разум...

Приведенные философские рассуждения и больших и малых философов не только не укрепляют мысль о Боге, а могут поселить сомнения или недоумения даже в душу верующего. Простое, ясное, очевидное, неизбежное облекается таким туманом, таким набором слов, что вместо доказательства получается отталкивание от того, что хотели доказать.

За триста лет до Декарта и Спинозы, Фома Аквинский, «доктор ангельский», нашел пять философских доказательств бытия божия. Кажется впервые они приводятся здесь в полном русском переводе, совершенно точно, хотя от этой точности смысл не выигрывает. Но прочтя их все-таки нельзя не подумать, что они ничем не хуже доказательств Декарта и Спинозы, также неубедительны, туманны и даже смешны как и те.

Первое доказательство «от движения». Очевидно, а также подтверждается ощущением, существование движения в этом мире. Всё что движется, получает свое движение от какой-то причины. Движет то, что само находится в состоянии движения. Двигать, значит приводить из потенции в действие, но из потенции в действие может привести только некая сущность находящаяся в движении... Но невозможно, чтобы одно и то же находилось одновременно в потенции и в действии... Итак невозможно, чтобы что-нибудь было двигателем и движимым и чтобы что-нибудь двигало самое себя.

Итак всё что движется, необходимо движется другим... Однако это не может восходить в бесконечность. Отсюда следует необходимость некоего перводвижителя, который ничем не движется: и под этим разумеют Бога.

Второе доказательство «от действующей причины». Мы находим в чувственно воспринимаемых вещах ряд действующих причин. Не имеется в наличности и невозможна причина чего-либо через самое себя, ибо это значило бы быть прежде самого себя, что невозможно. Также невозможно восходить в действующих причинах до бесконечности, и если отодвигать причину, то отодвигается и действие... Если восходить до бесконечности в действующих причинах, то не будет и первой действующей причины и таким образом не будет ни последнего действия, ни средней причины, что очевидно ложно. Итак, необходимо предположить первую из действующих причин: ее все именуют Богом.

Третье доказательство «от возможности и необходимости». Мы находим в вещах нечто, что дает им возможность быть или не быть; также в некоторых вещах находим возникновение и разрушение и следовательно возможность быть или не быть.

Невозможно для таких вещей, чтобы они всегда существовали ибо то, для чего возможно не быть — некогда не было. Итак, если для всего возможно было не быть — то когда-то следовательно вообще ничего не было. А если это так, то и ныне также ничего нет — ибо то что не существует, начало быть только через то, что было; и если следовательно не было никакого существа, то ничего и не могло начать существовать и таким образом нет ничего — а это очевидно ошибочно. Следовательно не все вещи возможны, но необхо-

димо, чтобы в вещах было нечто необходимое. Всё необходимое или имеет где-либо причину своей необходимости или не имеет ее. Однако невозможно до бесконечности восходить в том, что необходимо и что имеет основание своей необходимости как действующую причину — что уже доказано. Следовательно нужно предположить нечто что необходимо через самое себя и что не имеет причины своей необходимости в другом : это все именуют Богом.

Четвертое доказательство « от ступеней (совершенства) найденных в вещах ». Найдено, что в вещах содержится нечто более или менее хорошее, более или менее истинное, более или менее доброкачественное и т. д. Но говорят о чем-нибудь, что оно больше или меньше когда оно приближается к тому, что является величайшим. Есть следовательно нечто, что есть самое истинное, самое лучшее, самое благородное и следовательно величайшее существо... И то о чем говорится, что оно является таковым, есть причина всего в этом отношении : так, например, огонь как наиболее горячий есть причина всех ступеней тепла... Следовательно есть нечто, что есть причина добра и любого совершенства во всех существах : и мы это называем Богом.

Пятое доказательство « из целесообразности вещей ». Мы видим, что всё лишённое сознания, т. е. тела природы, действуют согласно целям : это ясно из того, что они всегда или чаще всего действуют для того, чтобы достигнуть наилучшего, отсюда ясно, что не случайно, а намеренно они приходят к цели. То же, что не имеет разума — направляется к цели ни чем иным, как тем, что имеет сознание и разумение, подобно стреле направляемой стрелком. И так есть нечто разумное через которое все естественные вещи направляются к цели : и это мы называем Богом.

(Thomas Aquinatus. Pars prima summae. Theologiae Quaestio 2, Articulus 3 : utrum Deus sit).

Жаль тратить страницы на это непереваримое великомудрие, но надо прочесть эти лучшие образцы богословской литературы для того, чтобы уже никогда к ней не возвращаться.

Опять можно сослаться на кровяной шарик — как он не знает нашей сущности, наших целей, не может оценить наших поступков, так и мы, люди, не можем судить о высшем разуме, но отличаемся от кровяного шарика знанием, что этот высший разум должен быть, а кровяной шарик может думать, что он живет самостоятельной жизнью, обегая два раза в минуту наше тело всё по разным сосудам, и может быть даже уверен, что он всё бежит куда-то вперед, по прямой линии...

Нет такой философии — и не может быть — которая подходила бы к разрешению загадки мироздания. Высший разум непостижим для нас и никогда постигнут не будет, и настоящим высшим достижением современного человека может быть только одна мысль — «мир управляется высшим разумом». Это достижение уже так громадно, что может считаться исчерпывающим и окончательным, дальше ничего и не нужно, кроме этой постоянной мысли, всё остальное приложится. Эта основная идея нисколько не мешает ни науке, ни религиям, наоборот, она их примиряет; эта мысль дает постоянный стимул к самосовершенствованию, к новым достижениям разума, к стремлению на духовные высоты. Мы люди не просто разновидность животного мира, нам дана творческая мысль, нам даны душевные эмоции, то чего нет ни у одного животного. Мы противопоставлены им, а не их продолжение, что бы там ни открывала палеонтология, гистология и другие биологические науки.

Приверженцы дарвиновской теории могут и дальше развивать ее, но только до человека, тут пропасть, которую нельзя перешагнуть. Так просто и ясно, так очевидно, что самый первобытный человек отделен бездной от самой совершенной человекоподобной обезьяны.

Если в тропическом лесу Центральной Африки встретить гориллу, а потом человека из племени пигмеев, то может явиться мысль, что эти существа действительно близки одному другому. Если посмотреть на негртенка, как обезьяна карабкающегося по голому стволу высокой голенастой кокосовой пальмы, чтобы сбрасывать сверху спелые орехи, то тоже может явиться мысль, что он совсем родственен обезьяне. Но это не так, не только из негртенка, но и из пигмея можно сделать культурного человека, а из гориллы или другой обезьяны нельзя; может быть сделать пигмея Центральной Африки культурным окажется очень трудно, но зато его дети рожденные в цивилизованном мире могут быть во всяком случае культурными людьми, а из гориллы или ее детей, в какую обстановку их ни помещай, культурного человека никогда не выйдет. Между самым диким человеком и самым ручным антропоидом непроходимая пропасть и заполнить ее теорией Дарвина или какой-либо иной нельзя.

Религии искони взяли себе исключительное право и специальность толковать о мировом разуме; именно они знают какой он, высший разум, то что они назвали Богом, и сообщают людям его приказания. Жрецы и священнослужители уверяют верующих, что они точно знают волю Бога, именно они, а не кто другой. Казалось бы, что хотя немного приблизиться к постижению мирового разума может более совершенный и культурный человеческий разум; чем человек умнее, чем у него больше знаний, чем шире его кругозор, тем ближе он может подойти к идее высшего разума и к пониманию его велений. Можно сказать и иначе — чем человек духовно выше, чем он нравственно совершеннее, тем ближе он может подойти к пониманию велений мирового разума. Священный сан возлагался часто на людей не отвечающих ни первым, ни вторым условиям. Русское духовенство, например, воспитывалось в бурсе, а все кто знаком с нею, описывают ее в таких мрачных тонах, рисуют такую картину тупости, безнравственности и даже развращенности, что трудно найти другую подобную. Описывали бурсу и правые и левые (Помяловский, Нарезный, Воронский) и все они полностью сходятся в мрачности красок. Священный сан получал какой-нибудь тупица, без всяких нравственных устоев, женился на дочери священника и после его смерти получал тот же приход. Стяжание и торгашество были распространены среди духовных лиц, часто и пьянство, и поведение духовных лиц вошло в народные поговорки, сказки и анекдоты. Правда, что тут виноват был государственный распорядок, духовных лиц делали почти полицейскими чинами, а труд их оплачивался нищенски. Среди духовных лиц были и достойные, нравственные и добрые люди, но таких было немного, Лесков оставил нам ряд ярких типов и положительных и отрицательных, и обычно торжествовали отрицательные.

В жизни человечества у религий была, есть и будет очень важная функция и поэтому тем более для служителей религий должен быть строгий отбор. Отцы церкви, святые, жрецы, служители культов вовсе не были самыми умными среди людей, иногда были совсем невежественными, но право тол-

ковать волю высшего разума взяли нераздельно себе, и мало кто дерзал оспаривать у них это право. Почти всегда начальные основные принципы той или другой религии были более идеалистичны, нежели последующие дополнения к этим религиям. Среди служителей культа были люди и верившие в то, что они преподавали своему приходу, было много таких, которые и верили и не верили, а просто подчинялись высшей духовной власти и в этом подчинении находили собственное благополучие; а были и такие, особенно среди высших, которые ничему из откровений не верили, но заставляли верить своих подчиненных и паству, укрепляя тем свою власть и имущественное положение.

По мере расширения знаний многим становились ясны абсурды в толкованиях и предписаниях религий, от религии уходили и по недоразумению уходили и от идеи Бога, потому что эта идея была как-бы нераздельно связана с религией. Мировой разум одно, а религии — другое, и для мыслящего человека вовсе не обязательно связывать одно с другим. Божественное откровение не в религиозных писаниях, а в окружающем нас и в нас самих, и чем глубже мы будем изучать окружающее и самих себя, тем ближе будем подходить к велениям высшего разума.

Во времена древней истории право вещать волю таинственных сил брали на себя разные маги, астрологи, колдуны, шаманы. Хотя маги и астрологи никакого общения с таинственными силами не имели, но все-таки у них иногда было больше знаний чем у окружающих, даже у царей, и они с известным правом могли морочить властителей и даже иногда приказывали им нечто дельное. В древней Греции и Риме более образованные и мыслящие люди уже не претендовали на то, что они вещают волю богов, а знали больше чем жрецы, которые уверяли, что они общаются с богами; на этой почве возникала рознь и борьба, и нередко побеждали жрецы; несомненно, что под их влиянием народ потребовал, например, казни Сократа. Даже шаманы и колдуны среди полу-варварских народов все-таки иногда знали больше, чем совсем темная масса: они знали действие некоторых лекарственных и ядовитых растений, и иногда приносили все-таки и какую-то пользу, хотя чаще вред. С нарождением христианства духовные лица, сменившие жрецов, обычно

не обладали знаниями, часто были совсем невежественны, но присвоили себе исключительное право передавать божественную волю, ссылаясь на священное писание. Право общения с Богом, право передавать его волю сообщалось любому человеку, хотя бы невежественному, наложением рук епископа, и этим наложением ему давалась власть говорить от имени Бога. Духовенство стало устанавливать что есть грех, и присвоило себе право прощать или не прощать грехи. Всё время подслуживались правящим, но иногда вступали с ними и в борьбу — понятно в личных интересах — и одерживали верх. Когда святейший синод отлучил от церкви Льва Толстого, Толстой только улыбнулся, но император Генрих IV принужден был идти в Каноссу и стоять там на дворе в рубище пока папа Григорий VII не простил его; весьма вероятно, что самого Генриха не особенно беспокоило это отлучение, но было много его подданных, которые придавали этому приказу папы большое значение, и Генриху пришлось с этим считаться.

Духовные лица не только охраняли государственный строй и имущество богатых, но даже вопреки церковным канонам и догматам иногда пользовались исповедью, чтобы узнавать какие-либо злоумышления против правящих. В Евангелии нет ни одного текста, который устанавливал бы необходимость посредников между Богом и людьми, но тем не менее основываясь на священном писании, установили строгую духовную иерархию. Христос говорил: « где двое или трое соберутся во имя мое, там и я среди них », но в дальнейшем оказалось необходимым непременно присутствие священника для совершения главных обрядов. У евреев до сих пор существует правило, что для совершения богослужения необходимо не менее десяти человек, и иногда, когда не хватает десятого, его долго ищут...

Христос говорил: « не стройте храмов во имя мое... » Но храмы стали строить и при этом самыми величественными постройками были именно храмы, чтобы влиять этим величием на людей, а хозяева храмов — священнослужители. Храмы были необходимы для укрепления духовной иерархии. В первые века никаких храмов не было, молились где попало, обычно в катакомбах. В храмах не только собирались верующие для молитвы и выслушивания воли духовных лиц,

но велась и торговля : когда восточные купцы приезжали в Европу со своими товарами, они складывали их в храмах, как в наиболее надежном месте, и духовные лица получали известный процент с торгового оборота. То что Христос выгнал из храма торговцев, забыли, вообще забывали всё то, что было невыгодно. Храмы и монастыри заставляли служить себе музыку, живопись и даже известная ученость была в монастырях, но строго приспособленная к религиозным канонам и догматам. По мнению некоторых историков и анти-клерикалов, христианство задержало на века цивилизацию Европы. Памятники письменности оставшиеся от средних веков сравнительно ничтожны и все пропитаны укреплением и возвеличением духовной власти. Наступившее в период ренессанса пробуждение свободной мысли именно потому и случилось, что мысль эта вырвалась, наконец, из под опеки духовной власти и цензуры. Тогдашние писатели вроде Петрарки, Боккачио или Мазуччо в своих новеллах прежде всего стали высмеивать и вообще рисовать в весьма неприглядном свете духовных лиц, так эти духовные лица сидели у всех в печенках, что такие новеллы были встречены общим восхищением.

В средние века были отдельные лица с достаточной по тем временам образованностью вроде, скажем, Фомы Аквинского или Абеяра, но и они должны были приспособлять свои знания к требованиям высших духовных лиц, к канонам религии, иначе их могла ожидать участь Джиордано Бруно или Гусса.

Из сказанного вовсе не следует, что было бы лучше если бы храмов не строили. Храмы остались как самые величественные произведения зодчества, в них сохранились предметы искусства, храмы остались ценнейшими историческими памятниками и вовсе не следует из сказанного, что впредь их не надо строить. Для тогдашних людей храмы были не только местом молитвы, а общественными зданиями, клубами, библиотеками, школами, театрами. Из сказанного не следует тоже, что духовные лица какая-то вредная и ненужная каста, но следует только то, что духовные лица будущего должны быть иными, должны носить в себе личные достоинства, быть примером нравственности, охранителями морали, а не только рукоположенными.

В России до самого позднейшего времени ученые люди всё еще должны были оглядываться на духовную власть и если не рисковали уже быть сожженными, то во всяком случае могли быть прогнаны с государственной службы. Духовно-полицейская власть многим портила жизнь и становилась поперек горла, и вполне понятна и естественна реакция наступившая при смене строя — сразу всем стало ясно, что говорить от имени Бога никто не может, а волю его до известной степени могут понимать более образованные, более возвышенно мыслящие, а не рукоположенные.

Когда в университете и академии профессора читали нам курсы химии и высшей физики, было твердо известно, что материя неуничтожима, что законы термодинамики — основные законы мироздания. И потом, после окончания курса, я еще долго занимался физикой, уже в связи с философией, и всё еще царствовал детерминизм, и всё так же, попрежнему, аксиомой был закон энтропии. Нельзя было научно мыслить не зная этого закона и не кладя его в основу всего. И вот прошло тридцать лет (впрочем, что тридцать лет в жизни вселенной!): появилась теория относительности, появились радиоактивные вещества, появилась формула Хайзенберга, появилась теория квант Планка, появились исследования Милликана о космических лучах, и от закона термодинамики и детерминизма осталось мало. Те же ученые сстановились в изумлении перед новыми достижениями человеческого разума, достижениями, основанными на том же, как-будто твердом и непреложном знании... Оказалось, что материя не вечна, оказалось, что материи вообще нет, всё это только какие-то заряды или разряды электрической энергии; оказалось, что тот мир, который мы видим и как-будто знаем, исследуем и измеряем точными инструментами, мир нереальный, призрачный, а настоящего мы не знаем и нет ни малейшей надежды постигнуть его и в будущем. Понятно, и современные достижения науки тоже только временны, их заменят другие еще более удивительные. Но и они всё только больше и больше будут приводить к мысли, что мироздание непостижимо для нашего ограниченного разума.

За последнее время появилось несколько книг, написанных то биологами или врачами, то физиками и даже астрономами, авторы которых утверждают, что если не предполагать какое-то высшее разумное начало, то все наши биологические законы, а также и многие иные разлетаются в прах. Одни из этих утверждений более продуманы и авторитетны, другие — менее, но важно то, что таких книг выходит всё больше, хотя к сожалению некоторые из них подтверждают свои выводы ссылками на учение о троице или другие места священного писания, что, понятно, неприемлемо для критикующего разума. Аристотель написал под конец своей жизни — «я знаю, что я ничего не знаю». Мы уже несколько счастливее : пройдя через все искусства, через все достижения науки, мы можем сказать — мы знаем одно, что мир разумен, но эта разумность выше нашего постижения.

28

Лозунг — «религия опиум для народа», если вдуматься, совсем не страшен даже для самого верующего.

Опиум не только отравя, которой окуриваются китайцы и другие желтые народы, а это очень важное и полезное, благодетельное для человека медицинское средство. Морфий делается из опиума, и сколько страданий облегчено морфием и тем же опиумом. Да, религия до известной степени анестезирующее средство, утоляющее боль и печаль. К религии редко обращаются в счастливые моменты жизни, но очень часто, когда случается какое-нибудь горе — религия облегчает это горе, анестезирует. Как одуряющее, как курение, в России опиум совершенно неизвестен, никто и нигде его не курит и для русского человека как-будто страшное, богохульственное выражение совсем не богохульственно, если в него вдуматься...

Апологетика считает себя наукой : это доказательства бытия божия и свойств его. Но лучше бы этой науки или совсем не было, или в нее не надо было бы посвящать малых сих, потому что кроме недоумения и вреда ничего она дать не может. Глубоко верующий человек может потерять веру углубившись в катехизис, а особенно в апологетику. Совре-

менный русский богослов, профессор Карташов написал в своей книге :

« Христианство (а в особенности православие) это священное безумие и всякий в ком нет хотя части его, не может быть христианином. »

Дальше, там же, автор говорит, что мирянин не должен читать катехизиса и вообще вдаваться в какие-нибудь богословские толкования, он должен слепо верить и только тогда он может быть верующим.

Это понимал и Достоевский, когда писал свою « Легенду о Великом Инквизиторе ». Это понимал еще Тертулиан, когда написал — « верю, потому что абсурдно ». Хотя эта фраза повторена много раз во многих книгах, вошла в обиход, буквально такой фразы у Тертулиана нет, но зато есть другая, такая же по смыслу :

« И умер Сын Божий; тем более достоверно, что абсурдно. И будучи погребен воскрес — достоверно ибо невозможно. »

Одно Бог, другое — религиозные ритуалы. Можно не соблюдать никаких религиозных ритуалов и вместе с тем жить с постоянной мыслью о мировом разуме. Для многих ритуалы необходимы, и поскольку они напоминают о высшем разуме, приводят к нему мысль человека, постольку все они нужны. Без ритуалов могут обойтись немногие. Чистую идею, даже самую высокую и даже как-будто простую могут воспринять десятки, сотни, может быть даже тысячи людей, а ритуал действует на массы, на миллионы : для восприятия чистой идеи нужна привычка к абстрактному мышлению, абстрактное мышление для многих весьма затруднительно, ритуал же, в особенности торжественный и театральный, оказывает громадное влияние на всех, и даже иногда на абстрактно мыслящих людей, привыкших иметь дело с идеями, даже у них создается известное настроение благодаря торжественному ритуалу. Громадные храмы, будь то христианские, или египетские, или буддийский Анкор-Ват, или еще какие-нибудь, с их таинственным полумраком, с органом, с колоколами, звоночком или гонгом, с пением, с курениями, с переливами света в витражах, с красочными облачениями священников или жрецов, производят неотразимое действие.

Издавна все религии, особенно христианские, пользс-

вались музыкой и музыка создавалась главным образом вокруг церкви. Некоторые музыкальные авторитеты считают величайшим композитором Баха, а он писал почти исключительно для церкви, и большинство других композиторов в прошлые века писали церковную музыку, а музыка неотразимо действует на настроение, создает его, изменяет, облагораживает.

Кроме разумного мышления есть еще подсознание и оно часто сильнее сознания, это подсознание перешло по наследству от тысяч ранее живших поколений, и часто самым сильным напряжением разумного мышления нельзя уйти от этого наследственного влияния, эмоции человека часто не подчиняются разуму.

Как-будто страшное выражение — «священное безумие». А разве та же война не есть безумие? Однако человек отрицающий в наше время войну не может быть государственным деятелем, а тем более полководцем, пока человечество находится в том духовном состоянии, в каком оно сейчас.

А разве египетские и элевзинские таинства не были священным безумием? А разве масонские ритуалы с передничками, ленточками, молотками и треугольниками не безумие? А разве многие условности нашей жизни, совершенно ненужные и абсурдные, не своего рода безумие?.. Известная доля безумия видимо необходима человеку, как необходим иногда морфий, кокаин или алкоголь, или может быть никотин. Отбрасывать всё это значило бы оголять жизнь, и в словах «священное безумие» нет ничего страшного, но только не надо катехизисом и апологетикой объяснять несъяснимое.

29

В XV-ом веке Николай Кузанский доказывал вместе со многими другими, что Бог трансцендентен, а Джордано Бруно спорил с ним, что Бог имманентен, т. е. приближался к пантеизму. Говоря языком не философским это значит, что по мнению Кузанца Бог особое высшее существо, отдельное от вселенной, а Бруно старался доказать, что Бог есть часть природы или сама природа. Бруно был сожжен инквизицией на костре. Христианская церковь в своих ка-

технизисах соглашается с Кузанцем и учит, что Бог есть дух и в то же время, что он антропоморфен, человекообразен.

Если дрозодила может думать о профессоре лаборатории, в которой ее вывели, то она считает его божеством трансцендентным, но кровавой шарик в теле этого же профессора мог бы думать, что его Бог имманентен. Рассуждения многих и прежних и позднейших философов недалеко ушли от предлагаемых рассуждений дрозодилы и кровавого шарика.

Именно потому что это высший разум, недоступный нашему пониманию, мы никаких его свойств и сущностей постигнуть не можем. Мы можем знать только одно, что он есть.

Богословы и философы за тысячи лет не приблизили нас к постижению сущности высшего разума, скорее запутали и отдалили. Но все-таки их мозговая работа ценна, она показала нам как беспредельны все мудрствования в этом направлении.

30

Откровения религий противоречивы, туманны, сказочны, и главное, неприемлемы для критикующего разума. Неприемлемы они не только для человека образованного, но даже и для всякого думающего. Верующий не должен рассуждать, иначе он утратит веру. Чем больше религиозное откровение объясняется и толкуется, тем более оно становится неприемлемым. Но разум дошедший до знания, что мир управляется высшей волей, неизбежно ищет велений этой высшей воли, ищет откровений и, наконец, находит их не в книгах разных культов, не в видениях психически больных людей или просто обманщиков, а находит их в самом себе и окружающем.

Эмоций заложенных в человеке и от него неотделимых нет ни у одного живого организма, даже самого высшего. У людей есть ряд эмоций или чувств, каких нет у животных: сочувствие, сожаление, жалость, дружба, стыд. Есть еще одна способность или чувство, во всем животном мире данное только человеку — это чувство красивого. Ни у одного животного нет способности стремиться к красивому, любить его и восхищаться им.

Одни из самых красивых существ на нашей планете — бабочки. Исследования энтомологов показывают, что когда

самец бабочки стремится к самке, его привлекает не красота ее, а может быть специфический тонкий запах свойственный только этому виду. Известно, что некоторые виды бабочек узнают присутствие особи другого пола за целые километры, прямо летят туда. Это остается загадкой и до сих пор; единственное возможное предположение, что тонкий запах неулавливаемый нашим обонянием издается одним полом и другой пол чувствует этот запах на далекие расстояния. Бабочка одного вида не восхищается бабочкой другого вида, хотя бы та была и гораздо красивее. Когда бабочка порхает по цветам, ее прельщает не красота их, а тот нектар, которым она короткое время может питаться, засовывая свой спиральный хоботок в ложе цветка.

Птицы с красивым оперением ищут особей другого пола не потому, что им нравится их красота, а по инстинкту полового влечения, более красивые птицы другого вида им безразличны и даже неприятны. Самые удивительные по оперению и самые красивые в наше время, райские птицы, живут в Новой Гвинее, а не менее красивые ара — обитатели Южной Америки. С нашей человеческой точки зрения и те, и другие очень красивы, но райская птица не может ценить красоту ара, а ара не поймет красоты райской птицы.

Человек восхищается не только красотой другого пола, он восхищается пейзажем, заходом или восходом солнца, цветами, красивыми зданиями, украшает свое жилище, вообще понятие красоты свойственно только человеку и в этом тоже как-будто откровение; эта особая способность дана только людям и поэтому казалось бы, что пренебрежение к красивому и даже убежание от него, как это делают некоторые аскеты, противно заданиям вселенной. Отцы христианства и некоторых других религий доходили до того, что даже созерцание красивых цветов считали греховным, тем более греховной музыку, если она веселая и радостная. Религия содействовала развитию и преобладанию музыки минорной, печальной, а в древней Греции преобладала музыка мажорная, хотя бы еще и примитивная, печальная музыка запрещалась, считалась противогосударственной, вредной. Печальное настроение проходило красной нитью через христианское учение, но таких предписаний совсем нет в основных догматах христианства. Совсем напрасно право-

славие исключило из религиозного ритуала орган дающий столько настроения. Откровение заложенное в нас говорит за то, что все возможные и никому не вредящие радости нужны человеку. И наш собственный организм, и вся окружающая природа говорят за то, чтобы не уходить от жизни, не тушить ее, а наоборот, полностью пользоваться ею поскольку это не может вредить другим.)

Чувства красоты, понятия о красоте, эмоций возбуждаемых красивым нет даже у человекоподобных обезьян, самых близких к человеку среди живых существ. Оранг-утанг или шимпанзе может забавляться кусочком зеркала, потому что оно блестит, но красивый пейзаж или величественное здание или какое-либо произведение искусства никаких эмоций в них не возбуждает. А уже пещерный человек украшал свое жилище разными рисунками, хотя бы и примитивными.

31

В окружающем нас мире всё в движении и кажущегося покоя и неподвижности нет даже и там, где на первый взгляд их можно найти. Двигается земля, движутся планеты и звезды, в атмосфере окружающей нас тоже вечное движение, если не в нижних слоях, то в верхних; мертвые и неподвижные как-будто скалы перемещаются от подземных колебаний, выветриваются ветрами, распыляются и уносятся водой, в них постоянно происходят химические процессы; океаны тоже в вечном колебании. В нашем теле тоже всё движется, колеблется, и движется с неожиданными для нас скоростями, наша кровь два раза в минуту обегает всё тело...

В этом тоже доля откровения. Наше назначение не в покое и неделании. Мы управляем нашими кровяными шариками в ничтожной степени, и то только косвенно, но если бы мы могли приказывать им, как вести себя, то требовали бы от них не покоя и бездействия, а энергичной работы, скажем в борьбе с теми болезненными микробами или токсинами, которые могут оказаться вблизи них. Организм, в котором движение замедляется, в котором энергия падает, быстро разрушается и умирает.

Тот же окружающий нас мир с несомненностью, хотя бы и вопреки некоторым мудрствованиям, говорит нам, что цель

всего — жить, по своему бороться за жизнь. Жизнь буйно пробивается всюду, где есть хотя какие-нибудь возможные для нее условия.

Если человек вместо того, чтобы делать по мере сил что то нужное и полезное, запрется в келью, уйдя от людей, и там день и ночь будет класть земные поклоны, он не будет служить целям вселенной. Молитвы, каковы бы они ни были и по какому бы ритуалу они не совершались, если только ими ограничивается человек, бездейственны, даже эгоистичны.

Для полной деятельности организма ему дано пользоваться всем подходящим, что имеется в природе, и чем он полнее этим пользуется, тем энергичнее и деятельнее, и полезнее может быть его жизнь. Аскеты, уморяя свою плоть, не улучшили жизни ни своей, ни остальных людей, и не двинули человечество к лучшему будущему. От того, что человек не ест скромного или не слушает веселой музыки, или вообще не радуется жизни, эгоистически думая о себе и желая спасти только свою душеньку, от этого никому не лучше, ни себе ни другим он ничего хорошего не делает.)

Одной из древнейших является религия Митры, учение Зороастра, которому почему-то Ницше приписал слова никогда не сказанные Зороастром. Буддизм тоже много древнее христианства и последователей его на земном шаре втрое больше чем христиан; откровение Будды совсем иное чем откровение Христа. Христианство создано евреями и приняло их Ветхий Завет, что много противоречий и туманностей внесло в христианское откровение. После христианства родилось магометанство, и Магомет знал и Ветхий и Новый Завет, кое-что взял оттуда и еще добавил своего, сохранив при этом в полной чистоте идею единобожия, чего нельзя сказать о христианстве.

В наш разум никак не укладывается, что только какой-то случайной группе людей открыты веления высшего разума, а всех остальных он осудил за то, что они не знали этого откровения, никем им не сообщенного. Пока каждая отдельная религия будет претендовать на то, что только у нее

настоящее божественное откровение, не будет мира и спокойствия на земле, но когда все придут к мысли, или по крайней мере лучшие из людей, что для духовного совершенствования и разгадки всех проклятых вопросов нужна только одна постоянная мысль — «есть цель в нашем существовании и она предначертана высшим разумом», тогда постепенно наступит мир и жизнь людей станет радостнее.

Пусть мировой разум, Бог, только гипотеза, мы сплошь живем среди гипотез, забываем даже, что это только гипотезы и привыкли считать их аксиомами. Гипотеза высшего разума объясняет всё необъяснимое. Все другие могут быть или не быть, для многих людей они вовсе безразличны и не необходимы, эта же гипотеза нужна каждому, ибо без нее жизнь бессмысленна и страшна; с этой гипотезой смерть перестает быть страшной и мораль обоснована. Если бы была какая-нибудь даже ложная гипотеза, которая приносила бы людям радость, то и ее надо было бы принять, а тут даже самый скептический разум, самое глубокое мышление не может ее опровергнуть или отвергнуть.

Единственный, якобы научный, ответ на то, как началась вселенная — «всё идет из вечности в вечность». Уже упомянутый Эддингтон, известный английский астроном и физик, недавно умерший, объясняет что такое вечность. Если взять много пишущих машин и много обезьян и заставить этих обезьян прыгать как попало по клавишам этих машин, то в вечности может случиться, что они напишут все миллионы книг, какие хранятся сейчас в Британском музее...

Старая сказка объясняет вечность проще. Стоит гора семь верст длины, семь верст ширины и семь верст высоты, вся она из чистого алмаза. Раз в сто лет к горе прилетает птичка и чистит о нее свой носик — когда она сотрет таким образом всю гору, тогда пройдет одна секунда вечности...

В математике с вечностью разделяются очень просто, ставят особый знак и оперируют с вечностями или бесконечностями, как с самыми простыми числами, но от этого ни вечность ни бесконечность не становятся понятнее. Вообразить себе вечность наш разум не может, вечность совершенно

невообразима. Но даже если и допустить, что мы ее как-то представляем, то все равно является вопрос — а откуда же взялась вечность, откуда взялось пространство, в котором она течет, и так далее. Но научно мыслящие люди против вечности ничего не возражают, а мировой разум кажется им невообразимым. Все научные знания не только не противоречат гипотезе мирового разума, но чем этих знаний больше, чем они глубже, тем непреложнее эта гипотеза.

Пятью пять — двадцать пять, в этом наш разум сомневаться не может, это абсолютно несомненно. Но при современных теориях, якобы строго научных, о четвертом измерении (а значит и пятом, и десятом и даже уже тридцатом...) с выводами Эйнштейна, Эддингтона, Джинса, Хайзенберга, с теорией Планка нужно сомневаться во всем. Можно предположить, что на какой-то планете, в какой-то спиральной туманности живут существа высокого духовного развития и у них пятью пять не двадцать пять и наша таблица умножения показалась бы им смешной и наивной... Но даже при таком абсурдном допущении, гипотеза высшего разума остается непоколебимой.

Говоря еще иначе, ничему не веря, всё подвергая критике, во всеоружии научных знаний, допуская что и пятью пять вовсе не двадцать пять, все-таки остаемся при мысли, что мы существуем, призрачно или реально, откуда-то взялись, куда-то зачем-то идем, как и весь окружающий нас мир, тоже призрачный или реальный, все равно существует, откуда-то взялся, хотя бы из вечности. Но и самая эта вечность для нашего разума непостижимая, тоже откуда-то взялась, тоже как-то началась или не началась. Тогда эта вечность, всё окружающее нас, вся вселенная, вся природа и есть Бог — так думают пантеисты, с ними Спиноза, Гёте, Геккель, Эйнштейн и многие другие. Бог имманентный, слитый с природой, сама природа Бог, такой Бог для нашего мышления тоже невообразим, ровно ничего не объясняет, скорее подрывает идею мирового разума; Бог трансцендентный, какой-то самобытный дух или антропоморфное существо в виде Бога Саваофа, старца с бородой, какого рисуют в церковных куполах, тоже для нашего разума неприемлем; но еще более абсурдно и невообразимо предположение, что всё искони идет само собой, без всякой цели, без всякого плана,

всё игра случая, в том числе и мы сами. Все философы и богословы старавшиеся определить что такое Бог, доказать его существование разными софизмами, откровениями, сложнейшими рассуждениями, ровно ничего не доказали, скорее оттолкнули наше мышление от идеи мирового разума, заставили придти к отрицанию, не потому что оно что-нибудь объясняет, а потому что доказательства положительного неубедительны, не заслуживают доверия. Чем больше старались объяснить сущность и свойства Бога, тем больше он становился неприемлем для критикующего разума, разум находил во всех этих доказательствах полную необоснованность, произвольность и противоречия. Уже много мыслителей, даже религиозных, понимали это и на ряду с доказательствами бытия божия и определениями свойства Бога, в священном писании, то там, то тут, встречаются фразы предостерегающие от слишком точных определений: в христианском писании встречаем фразу «Бог никтоже виде нигдеже», в заповедях предписывается не произносить имя Бога всуе, (у евреев вообще запрещается произносить имя Бога, а во многих других религиях тайна божества была якобы известна только жрецам или другим духовным лицам, а мирянам запрещалось подходить к ней, проникать в святая святых храма.) Для критикующей мысли мировой разум недоступен и непонятен, только гипотеза, но эта гипотеза столь важна, столь ценна, что без нее не стоит жить, а тем более думать о жизни других теперешних людей или будущих поколений. Принятие же этой гипотезы всё меняет — с нею есть и цель жизни, есть радостные надежды, есть забота о ближнем и о будущих поколениях, есть основа морали, есть импульс для прогресса. Что в мироздании есть высшее разумное начало никакими словосушищрениями мы доказать не можем, как не можем доказать и обратного, но отрицание заводит в безвыходный тупик, безнадежность и отчаяние, бесцельность. Дрозофила в банке профессора рождается и умирает не зная о профессоре, чьей волей она жила, и если бы мы стали отрицать высший мировой разум, то только уподобились бы ей, дрозофиле. Из вечности в вечность или день творения, всё это только одни слова, загадка остается загадкой — но предположение, что есть высший разум и что для него непостижимое для нас просто и ясно, сразу

дает разрешение всех загадок. Сколько бы мы не стремились разрешать их иначе, все равно зайдем в тупик, уткнемся в стену, а тут выход, разрешение и разрешение вполне логичное. Доведем мысль до конца, в пределах нашего мышления : принятие мирового разума, который знает смысл и цель мироздания, по воле которого мы существуем, все-таки приводит к неразрешимому вопросу — а как же это может быть вообразимо, что этот мировой разум когда-то всё начал, сотворил и устроил по законам ему только известным? А сам он был раньше, еще до сотворения вселенной? Где же он тогда был и откуда он сам появился? Значит когда-то всё началось из ничего, но ведь и « ничего » должно было когда-то начаться? Возражение вполне логичное — если всё началось от мирового разума, то откуда же начался сам мировой разум?

Но всё это загадочно только для нашего ограниченного мышления и совсем незагадочно для разума высшего. Мы уже сами на основании научных данных усумнились во многом, что раньше казалось простым и ясным. Мы рассуждаем теперь о том всегда ли время идет вперед и даже только с большими ухищрениями можем установить стрелку времени; бесконечное пространство, еще недавно бесконечное, теперь по мнению некоторых ученых не совсем бесконечно, оно бесконечно, но замкнуто, т. е. говоря простым языком, если бы кто-то или что-то двигалось в нем с громадной скоростью миллиарды лет по линии кажущейся нам прямой, то в конце концов это что-то или кто-то попало бы опять на то самое место, с которого начало движение. Начало и конец, раньше такие ясные и даже примитивные понятия, с новыми достижениями нашего мышления, оказываются сомнительными : в окружности или другой замкнутой кривой нет ни начала ни конца. Все наши человеческие понятия созданы нами же самими, и непонятное и непостижимое нам, может быть совсем просто разуму высшему. Мы не можем отбрасывать современное научное мышление о той же кривизне пространства, о прозрачности видимого нами мира, об условности понятий начала и конца, потому что нашим же разумом мы убеждаемся, что многое, раньше казавшееся только произвольной фантазией, оправдывается, доказано, воспринято нашими чувствами.

(Не надо оставлять никаких, хотя бы самых узких, лазеек и щелей для скептически мыслящего разума, вместе с тем мыслящего логично. Поставим еще один весьма острый и превратный вопрос — а что же этот высший разум, что это единоличное существо или это комбинация каких-то существ. Возьмем одну из древнейших религиозных философий, учение Митры, религию Зороастра — там два божественных начала, Ормузд и Ариман, доброе и злое божества, борющиеся между собою и совместно правящие миром. У древних греков и римлян был целый сонм богов, с местопребыванием на Олимпе, хотя верно, что над всеми ними царил рок и нередко желания богов разбивались об его волю. В позднейшее время, в наше время, у христиан Бог троичен и вообще эта троичность проходит красной нитью через многие древние мировоззрения. Так что же высший разум, это какое-то одно существо или это коллектив каких-то существ, может быть противоположных желаний и стремлений? Даже в самое позднейшее время, сегодня, есть религиозные философы (хотя бы Бердяев) говорящие о Боге и Другом, которые всё время между собою борются и в зависимости от этой борьбы складывается история человечества.

Всё это только наши ограниченные мудрствования. Единоличие, многоличие, противоположение индивидуальных волей, и многое другое в нашем мышлении только игра созданными нами же понятиями. В иных сферах, на иных уровнях мышления, всё это может оказаться детским лепетом и потому нечего нам бояться этих, как бы компрометирующих рассуждений о высшем разуме, потому он и высший, что недоступен нашему пониманию. Опять возьмем дрозофилу, она уже надоела, но все-таки ее пример дает схему нашего мышления : если бы она стала думать о профессоре лаборатории, к каким глупым и смешным выводам — глупым и смешным с нашей точки зрения — она могла бы придти, и может быть эта гениальная дрозофила решила бы, что профессора вообще нет, что предположение о его бытии абсурдно и недостойно мышления умной дрозофилы.

Можно сколько угодно приводить символических сравнений, но возьмем еще только одно. Совсем недавно атом

был какой-то неделимой крупинкой, из каких состоял мир, материя. Но вот атом распался и стал таким сложным, что никакой игрой ума нельзя построить его схему, а те которые были построены, уже забракованы. Атом, первооснова материи, оказался не материальным, а только какой-то сложнейшей комбинацией магнитно-электрических зарядов, каких-то не материальных частиц несущих в себе то положительное, то отрицательное электричество; уже и эти составные части атома в последнее время расщепляются еще дальше и не видно конца. Мы не можем вообразить, что такое атом, и что такое его составные части, мы только научились их видеть, или вернее видеть не их, а их действие на специальные фотографические пластинки. Атом невидим для нашего глаза, он ничтожно мал, но в нем движутся составляющие его части, вероятно по окружностям, с невероятными скоростями, достигающими скорости света, и при этом расстояния между этими составными его частями громадны в сравнении с величиной самих частиц! И еще кроме того, для усиления непонятности, эти частицы, совсем не частицы, не материя, а только мельчайшие электрические комплексы... Вероятно никогда мы не дадим точной схемы строения атома, так как же мы можем желать дать схему или точное описание мирового разума? Нам нужно достигнуть каких-то очень больших высот мышления и духовного совершенства, чтобы хотя немного приблизиться к пониманию его сущности и его свойств, и только детским лепетом звучат рассуждения о том имманентен Бог или трансцендентен, единоличен или многоличен. Откуда взялся, как составил, начался или не начинался мировой разум, мы решить не можем и чем больше будем стараться уточнить и анализировать, тем больше отдалимся от смысла величайшей гипотезы. Он есть, он должен быть, ибо без него всё абсурдно и еще более непонятно чем он сам; он есть, уже хотя бы потому, что тогда наше существование не бесцельно, имеет смысл, и наша жизнь становится радостнее, и тогда ценна высокая духовность, мораль и совершенствование нас самих и будущих поколений, ибо иначе без этого высшего разума в мироздании не стоит и пальцем двинуть для блага окружающих, любовь к ближнему абсурд, желание прогресса абсурд, всё абсурд, и можно перешагнуть через труп другого без всяких излишних эмо-

Знаменитая формула Хайзенберга принята учеными как несомненная, а из нее выходит, что в природе нет детерминизма, нет непреложных законов и может как-то в течение вечности, случиться, что в чашке горячего чаю холодные и горячие молекулы разделятся, одни прыгнут в одну сторону, а другие в другую и чашка покроется тонким слоем льда. Или может случиться, что около свечи, горящей в комнате, атомы водорода и кислорода вдруг самопроизвольно разделятся, водород вспыхнет в атмосфере кислорода и всё будет объято пламенем. Это напоминает страшный « машмак », тайна которого, как некоторым известно, принадлежит тибетским « учителям » : им достаточно бросить немного этого машмака в воздух, чтобы всё кругом загорелось, сгорит вся атмосфера и земля станет мертвой, а может быть сгорит и сама... Последнее достижение нашего интеллекта, атомная бомба, только некоторое приближение к легендарному машмаку, все-таки это к счастью не машмак. Когда первую атомную бомбу взрывали в пустынной местности около мексиканской границы, то и сами ее творцы сомневались что произойдет и у некоторых щемило в груди от мысли, не гибель ли они и самим себе приготовили : ведь если атомы воздуха, да и всего остального, и земли, и воды, станут расщепляться один за другим, то может расщепиться и вся наша планета, и мы вместе с ней, и только где-то в других мирах в сильные телескопы будет отмечена какая-то новая « новэ » вдруг вспыхнувшая, и они там отметят в своих астрономических записях, что вот « новэ » образовалась не из звезды, а из планеты, хотя бы и маленькой, ничтожной. Но к счастью для нас расщепление атомов далеко не пошло и всё ограничилось разрушениями на десяток, другой километров. Достигши возможности расщепления атома, мы сразу очень возгордились и уже дальнейшие годы окрестили атомным веком. Пройдут года, кое-что полезное и ценное будет получено от этой новой победы человеческого разума, но в общем всё останется по старому, останется та же загадка ми-

рождения и нашей жизни. Ничего нового, такого чего не было, мы не выдумали, мы только открыли еще одну из тайн мироздания, далеко не последнюю, и нисколько не приблизились к разрешению основных загадок, цели и смысла всего, в том числе и нашего существования.

Несколько лет назад английский инженер Данн напечатал в нескольких изданиях, всё дополняя новым, нашумевшую книгу о серийности или так сказать «полосатости времени». На основании ряда своих снов и впечатлений в полу-сонном состоянии он пришел к заключению, что иногда кусочек будущего перемещается в прошлое или наоборот. Книга обсуждалась серьезной критикой и вовсе не считалась пустяшной, его теорию пробовали развивать и дальше. Почти несомненно что здесь, в его опытах играла роль «парамнезия», психическое явление давно известное врачам и психологам, заключающееся в том, что мы часто в воспоминаниях путаем последовательность фактов и событий, и нам кажется, мы совершенно уверены, что один факт случился после другого, тогда как в действительности порядок фактов был обратный. Этой парамнезией могут быть объяснены многие так называемые вещие сны.

Я всегда интересовался снами, понятно не по сонникам, а с научной точки зрения. В течение многих лет я записал сотни снов и старался их анализировать. Зная что сны очень быстро забываются и извращаются в памяти, я часто записывал их еще полу-проснувшись, сейчас же, для чего на ночном столике всегда лежал блокнот и карандаш. Этими записываниями одно время нажил себе бессонницу и должен был их бросить. Насколько начисто забывается сон при пробуждении можно судить хотя бы по тому, что записанное ночью всего несколькими словами, на утро оказывается непонятным и не можешь расшифровать свою запись, хотя она сделана этой же ночью. Приведу один случай, о котором я уже рассказывал в печати несколько лет тому назад. За год или два до прошлой мировой войны (1914-1918) мы с женой были на Рождество в Монте-Карло. В Ницце в это время жил со своей женой мой товарищ по Петровской Академии О. Накануне Нового Года он позвонил мне по телефону в Монте-Карло и предложил встречать Новый Год вместе в «Казино Мунисипаль» в Ницце, где у него был заказан столик. Я

предложил ему приехать лучше в Монте-Карло, и поторговавшись мы согласились что они приедут к нам, а потом ночью мы поедем в Ниццу, продолжать встречу. Они приехали, и мне пришла шальная мысль встречать Новый Год не в шумной зале ресторана, а на местном кладбище на берегу моря — была почти теплая лунная ночь. Дамам понравилась моя фантазия, и взявши с собой две бутылки шампанского мы пошли на кладбище; уселись там на каменную плиту у самого берега, просидели довольно долго, оживленно разговаривая, слушая тихий шум прибоя. Точно сейчас вижу как волны взбегают по кусочку отлогого берега, шевеля обточенные камушки и уходят обратно оставляя тонкое кружево пены. С моря дул легкий, ласкающий ветерок, сдувая искорки с моей сигары...

Прошло лет десять, я опять был в Монте-Карло, опять на Рождество, и мне захотелось еще раз увидеть это кладбище и даже ту плиту, на которой мы тогда сидели. На этот раз, днем, я отправился на кладбище, но найти его не мог. Его не было на плане и кого я ни спрашивал никто не знал здесь кладбища на берегу моря; кладбище есть, только много выше в горах.

Я был поражен, я так хорошо помнил эту встречу Нового Года на кладбище, а оказывалось, что это была моя фантазия или сон. Нашлись знакомые которые видели нас тогда ночью в Ницце в «Казино Муниципаль», но ничего не знали про кладбище. К этому времени уже умерла моя жена, умер и О. и у них проверить мою фантазию нельзя было...

Ясно что здесь действительность перепуталась со сном и сон оказался таким же ярким как и явь...

Я говорю о книге Данна чтобы показать, что так называемое научное мышление охотно считается иногда с самыми сумбурными идеями, принимает за истину недостаточно проверенные факты, а в вопросе о мировом разуме сразу проявляет отталкивание, и даже как-будто боятся скомпрометировать свое рациональное мышление.

✧ 36

Древние мыслители полагали, что всё состоит из стихий, главные из которых огонь, воздух, вода, земля. Позже

пришли к мысли, что мир построен из атомов, мельчайших частиц уже неделимых. Так еще нас учили, когда я проходил курс химии и высшей физики в университете и академии. С тех пор атом распался на центральное ядро и вертящиеся вокруг него с бешеной скоростью электроны, нейтроны, протоны и т. д. Возникла мысль, что и дальше возможна делимость на еще меньшие частицы и их ищут. Но вот Планк нашел, что есть предел делимости, открыл кванту. Кванта это какое-то зернышко электрическо-магнитной энергии и это зернышко уже разделить нельзя и весь мир состоит из этих квант, они в то же время и энергия и материя.

Если еще недавно мировую материю можно было сравнивать с водой океанов, которая как бы делима до бесконечности, то теперь оказалось, что это не вода, а скорее песок, зернышки которого уже неделимы. По теории Планка выходит, что все кванты одинаковы и значит всё в мире состоит из одинаковых зернышек, в том числе и мы сами. Когда наукой управляла атомистическая теория, атомы были разные, теперь выходит, что все первоначальные частицы одинаковы. Прежние атомы вели себя по известным физико-химическим законам, с одними атомами они охотно соединялись, с другими менее охотно, а от третьих отталкивались и никак соединиться не могли. Но так или иначе науке твердо было известно, куда направится атом при встрече с другими, вообще его движения были закономерны, на этом и строился детерминизм.

Почти одновременно с гипотезой Планка была создана формула Хайзенберга, и теперь установлено что атомы могут соединяться или отталкиваться по капризу, куда хотят туда и прыгнут, и детерминизма в природе нет, всё случайно...

Гипотеза Планка сразу стала вполне убедительной для ученых, потому что она объяснила некоторые проявления природы, до тех пор не поддававшиеся объяснению. Нельзя сомневаться, что и теория Планка временна, явится еще какая-то новая, а за ней еще новая.

Знаменитые исследования профессора Павлова об условных рефлексах нашумели на весь мир. Они представляют

большую научную ценность, но не совсем понявши в чем дело, на основании их стали предполагать, что в дальнейшем и всё мышление человека будет сведено к химическо-физиологическим процессам; ничего подобного опыты Павлова не обещают, но даже если бы обещали, что меняется от этого, будем ли мы хоть на иоту ближе к постижению тайны жизни и тайны мышления? Стараясь проникнуть в тайну нашего мышления, постигнуть работу нашего мозга, некоторые физиологи утверждают, что мышление — это какая-то фосфорная химическая реакция! Во всяком случае, если дурака кормить усиленными порциями фосфора, он умнее не становится, и вообще эта мысль о фосфорной реакции наивна, тайну нашего мышления мы никогда не постигнем, тем более тайну творческого мышления.

Разгадывать тайну нашего мышления тем же нашим мышлением еще более невозможно, нежели анализировать какую-нибудь жидкость той же самой жидкостью или проверять правильность веса гирь тоже непроверенными гирями.

Ряд ученых в последние годы работал над созданием в лабораториях живой клетки. Одно время писали о поразительных достижениях в этой области, вот-вот живая клетка будет создана. Ее не создали, минеральные растворы остались минеральными и в живую ткань не перешли. Особенно загадочны были так называемые супер-вирусы, они проходили через самые толстые и мелкозернистые фильтры, по всем предположениям были только минеральными растворами, но в них оказывалось жизненное начало, и вот тут, казалось, разгадка живой клетки, тут переходная ступень от минерального к живому. Но вот в последние годы построен микроскоп, с помощью которого можно достигать увеличений в десятки раз больших чем с прежними микроскопами — раньше пределом увеличения было 3.000 раз, а теперь уже можно увеличивать и в 30.000 раз и больше, и теперь в вирусах оказались живые клетки, они образовались не из минерального раствора, а были живыми и раньше, когда их проталкивали под давлением через ультра-фильтры.

Не будет создана и дальше живая клетка из мертвой материи, но даже если бы и была создана, была бы осуществлена фантазия алхимиков, приготавливавших в колбах гомункулуса — все равно это нисколько не разъяснило бы

тайну всего существующего, и нашей жизни в частности. Во всех областях науки, включая и философию, желающий думать до конца человеческий разум упирается в непроходимый тупик, в непостижимое, в начало начал и конец концов.

3: 40

38

«Если есть высший разум, то почему же ни в чем и никогда он нам не откроется?» — приходится слышать иногда от рационально-мыслящих людей. Дрозofiла тоже рождается и умирает в лабораторной банке ни разу не видевши и не слышавши лабораторного профессора; может быть она видела один его палец, когда он касался банки, в которой она сидит, но она не могла представить себе, что этот палец только часть большого сложного живого организма, который был причиной ее существования. Может быть она и слышит иногда голос профессора, но не знает кем издаются эти звуки и во всяком случае их не понимает. Некоторые хотели бы, чтобы Бог из разверзшихся небес громовым голосом на понятном им языке продиктовал свои веления и тогда они, устрашившись, стали бы исполнять их. Почему это не делается, мы не знаем и никогда знать не будем, может быть хотя бы потому — в доступном нам понимании — что тогда не было бы процесса самосовершенствования, который видимо положен в основу мироздания, поскольку это касается нас, людей. Тогда мы лишены были бы свободной воли, тогда мы уподобились бы дрессированным животным, которые, подчиняясь хлысту и рогатине укротителя, остаются по прежнему зверьми.

39

Все наши «точные» знания основаны на гипотезах и временных принципах или законах. Еще может быть нечто абсолютное можно найти в литературе, вообще в произведениях искусства, где говорит не только разум человека, а наши эмоции, где проявляется творчество, то громадное, что дано только человеку.

72

Астрономические формулы верны, иначе по ним нельзя было бы предсказывать с такой точностью хотя бы те же затмения. Теми же формулами объясняют почему мы всегда видим только одну сторону луны, хотя луна вертится, как и наша земля и должна была бы показывать то одно то другое свое лицо. Астрономические формулы точны и верны, но вместе с тем астрономические выводы для нашего разума невообразимы, так же как и четвертое измерение, даже так же как и закон мирового тяготения. Мы к ним привыкли, примирились с ними и не говорим себе, что это чудеса окружающие нас. Закон всемирного тяготения тоже только гипотеза, гипотеза данная Ньютоном, подтачиваемая новой гипотезой Эйнштейна. Все меньшие тела притягиваются большими телами и только потому не падают на большее тело, что движутся вокруг него с громадной скоростью и по гипотезе центробежной силы остаются всё на том же расстоянии, бешено несясь в пространстве. Всё во вселенной несется с бешеными скоростями и центробежная сила как раз уравновешивается силой тяготения и наоборот. Для научных формул это вполне пригодно, но для нашего разума тоже непостижимо. Откуда взялись эти бешеные скорости, откуда взялось тяготение и почему как раз центробежная сила уравновешивает тяготение, а всё не попадало одно на другое, меньшее на большее. У мыслителей эйнштейновского толка есть стремление всё объяснить формулами и эти формулы годны до тех пор, пока не выясняется какое-нибудь новое обстоятельство или появляется другая формула дискредитирующая эту. Тогда математик заявляет, что так и должно быть, действительно он упустил из виду одно обстоятельство и вот новая формула уже объясняет всё окончательно. Эта окончательная формула оказывается годной до тех пор, пока в ней тоже не находится проеха. У Жюль Верна рассказано, как ученый инженер строит громадную пушку, доказавши предварительно формулой что выстрел из этой пушки произведет такую отдачу, что земля сдвинется на несколько градусов, полюсы переместятся, и таким образом холодные необитаемые области попадут в умеренный климат, наша планета станет более удобной для расселения людей. Пушку строят, производят выстрел, но земля с места не сдвигается. Тогда инженер,

пораженный и обескураженный, начинает проверять свою формулу и тут обнаруживается, что в одном месте он пропустил нуль, и что никто этого не заметил, таких пушек нужно построить не одну, а несколько тысяч и выстрелить из них одновременно, только тогда будет отдача, достаточная, чтобы сдвинуть полюсы на несколько градусов...

По самым последним данным полюсы действительно сдвигаются, раньше, в доисторические эры, сдвигались сильно, отчего и происходили перемены климата на земном шаре, отчего были ледниковые периоды, отчего еще недавно Гиперборея, т. е. север Сибири и Скандинавия были покрыты тропической растительностью — недаром Гренландия так названа (Зеленая Земля), на ней была роскошная тропическая флора и соответствующая фауна. Полюсы сдвигаются и сегодня, в среднем на 200 метров в год, и не исключено, что через столько-то тысяч лет Европа опять покроется ледниками и всё живое на ней бежит на юг или погибнет; или, также возможно, что полюсы сдвигаться начнут в другую сторону и тогда у нас в Европе станет жарко, как в тропиках, а северная Америка покроется ледниками... Во всяком случае о чем-то вечном на нашей планете не может быть и речи.

✧ 40

Исходя из того, что астрономы наблюдают в большие телескопы, по Эйнштейну надо неизбежно заключить, что наша земля находится вне пространства! Расстояния так громадны, а вселенная так искривлена, что земля оказывается уже вне пространства... Это совсем не шутка, этот вывод я только что прочел в астрономическом журнале. Этот журнал не редактируется последователями Эйнштейна, и даже над ним подтрунивает. Недавно, одновременно в Калифорнии и во Франции, открыта в спиральной туманности новая «временная звезда» — «супер-новэ». Эта звезда находится на расстоянии не то 75 миллионов, не то 750 миллионов световых лет от нас. Астрономический журнал под рукой и можно бы посмотреть опять 75 или 750 миллионов, кажется 750, но не всё ли равно, и то и другое так абсурдно, что совершенно безразлично. Вспомнить, что свет проходит

около трехсот тысяч километров в секунду — сколько это километров от нас, если свет идет 75 или 750 миллионов лет? Если написать такую цифру, то на столе не хватит места для нулей.

Адепты теории Эйнштейна стараются ее популяризировать и еще добавляют отсебятины, отчего выводы Эйнштейна становятся еще более непонятными, чтобы не сказать жуткими, от них мозги закручиваются в узел. Эти разъяснения и дополнения мне как-то отравили жизнь на несколько дней, я не спал ночи и всё старался понять непонятное. Правда, что и сам Эйнштейн видимо понимает непостижимость выводов из его великомудрых формул и часто вспоминает о Боге, т. к. только в мысли о непостижимом для нас высшем разуме может быть найдено разрешение загадок вселенной и выход из умственного тупика; он даже аккуратно посещает синагогу и надевши шляпу играет там на скрипке в торжественных случаях.

И его формулы нужны для умственной гимнастики и пускай по ним выходит, что наша земля вне пространства, все равно внутри ли она или вне, одинаково непостижимо как и зачем мы в ней и выход только в постоянном сознании, что мы не знаем цели и смысла не потому что их нет, а по ограниченности нашего разума.

41

Пока в основе научного мышления был закон энтропии, ученым было известно, что мир рано или поздно кончится. Легко понять в чем заключается закон энтропии: возьмем стакан холодной воды и стакан кипятку, их можно легко смешать, получится тепленькая вода, но уже обратно разделить эту тепленькую воду на холодную и горячую невозможно, а такой процесс смешения идет во вселенной и рано или поздно всё станет однообразной, даже не тепленькой пустотой, где никаких изменений происходить уже не будет, никакого движения, потому что не будет разницы температур, и во вселенной прекратится не только всякая жизнь, но остановится и всякое движение... Таковы были светлые горизонты научного мышления. Но вот детерминизм подточен, явились сомнения всё ли идет в одну сторону. Открытие косми-

ческих лучей особенно усилило эти сомнения, энтропия сброшена со своего трона, может быть жизнь мира бесконечна?..

Вольтер писал, что если бы Бога не было, то его надо было бы выдумать, а поэт сказал :

« Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой. »

Но гипотеза высшего разума не сон, это высшее достижение логического мышления.

42

Во второй половине XVIII-го века во Франции многие энциклопедисты и другие мыслители были провозвестниками узкого материализма (Гельвеций, Гольбах, Ля Меттри и др.). В первой половине XIX-го века материалистическое мышление перешло в Германию и его руководителями оказались Геккель, Молешот, Фогт, Бюхнер и др., а во Франции доминировала теперь спиритуалистическая школа — Мэн де Биран, Кузэн, Жанэ и др. и еще, как это ни странно, противниками германских материалистов во Франции оказались позитивисты Огюст Конт и Литтрэ.

Недавно вышла книга французского ученого Сюдра (*Les nouvelles énigmes de l'Univers*), который нащел пятнадцать параграфов в области человеческого мышления, не поддающихся нашему разуму и отнес их к области непостижимого. Раньше его, знаменитый вивисекционист и медик Клод Бернар находил только семь таких вопросов. Против Сюдра выступили два ученых француза Рожэ и Русси. Мысли и статьи этих ученых интересны, возбуждают мышление, дают мозгу гимнастику, тренируют его и с этой точки зрения ценны для прогресса человеческой мысли. Но может быть и другая точка зрения, а именно : всё в окружающем нас мире относится к области непостижимого и если мы кое-что уже поняли в природе и ее явлениях, то это только ничтожная доля тех тайн, которые никогда разгаданы полностью не будут, разгаданы быть не могут, потому что это выше нашего разума. Не семь неразгаданных параграфов и не пятнадцать, а всё сплошная загадка, если не принять, что во вселенной есть разум выше нашего, что он ведет нас к какой-то цели и знает зачем мы родились и зачем мы умрем.

Одной из высших форм абстрактного мышления считается философия, философское мышление. Одной из высших форм такого мышления считается гегелевская философия. Под ее влиянием жили не только поколения в Германии, но и в других странах, в России одно время может быть даже больше чем в Германии. Сороковые и пятидесятые годы прошлого столетия в России отмечены знаком гегелианства. Правда, что это гегелианство было больше снобизмом, чем настоящей ученостью и касалось только тоненького высшего слоя, главным образом дворянского. Более ученые современники и позднейшие последователи утверждают, что члены гегелианских кружков обычно и не читали Гегеля, а только брошюры о нем или заглядывали в толстые томы философа. На смену основного гегелианства пришло нео-гегелианство, а дальше даже истоки марксизма стали находить в гегелианстве.

Не полагаясь только на собственное мнение, сошлюсь хотя бы на Британскую Энциклопедию, в которой статьи поручались всегда серьезным авторитетам. Там сказано, что философия Гегеля крайне мудрена и туманна, очень трудна для понимания и во многом противоречива. Наиболее понятно у Гегеля написана его «Философия Природы». «Природа вещей не допускает» — говорит он он в ней — «чтобы в пространстве было еще какое-либо тело между Юпитером и Марсом». Почти одновременно, астроном Пиацци открыл астероид Церес, который точно на зло Гегелю оказался как раз между Юпитером и Марсом!

В той же книге Гегель объясняет причины почему одни тела прозрачны, а другие нет.

«Свет есть абстрактная сущность, ни от чего независимая. Подчиненные сущности, это сущности пассивные к свету — отсюда прозрачность алмаза. Металлы наоборот, не прозрачны, потому что в них индивидуальная сущность сконцентрирована большим удельным весом...»

Само по себе темно и загадочно, но то, что удельный вес алмаза выше удельного веса многих металлов и что металлы в тонких пластинках тоже становятся прозрачны, Гегелю безразлично... «Четырехугольник есть закон при-

роды», а «треугольник — закон мышления!» Так желает Гегель и если в действительности не так, тем хуже для действительности.

Гегель завел человеческую мысль в такие лабиринты, в каких она никогда не бывала. Однако, если идеи выражены таким образом, что никто не может их понять, то и такой способ мышления, и его результаты не нужны. Это умственный балласт, который нужно стряхнуть с плеч. Это умственные привидения. До великих истин трудно докопаться, только гении могут проделывать такую работу, но когда истина найдена и откопана, она проста и ясна и чем она большим количеством людей может быть понята, тем она выше.

Когда Гегель достигнул так желанной им профессорской кафедры в берлинском университете, он написал свою знаменитую фразу о том, что всё существующее разумно — а значит разумна и существующая власть прусского правительства. Когда русским революционерам, воспитывавшимся на Гегеле, эта фраза стала поперек горла, к ней добавили толкование, что если существует оппозиция и революционные настроения, то раз они существуют, то они тоже логичны и разумны... Философия Гегеля тем и отличается, что благодаря ее туманности, ее можно поворачивать как угодно и оправдывать ею самое противоречивое.

Гегель объясняет известное неизвестным, он населяет мир невозможностями и парадоксами, они у него оказываются всюду там, где нормальный человек их не подозревал. И таким образом он делает мир абсолютно стройным и рациональным...

Американский психолог и философ Джэмс вспоминает анекдот о владельце зверинца, который представляя публике своего слона, говорил :

«Этот слон больше всех слонов в мире, кроме самого себя.» Для этого зверинца было бы подходящее место в специальном гегелианском мире, и там действительно нельзя было бы ограничиваться только первой половиной фразы, так как гегелианец счел бы такую фразу абсурдной, ибо утверждение, что этот слон больше всех слонов в мире заключает в себе противоречие, так как он сам тоже находится в этом мире и обладает, значит, свойством быть больше самого себя!..

Джэмс показывает, как Гегель запутывает простое в сложные узлы. Из представлений, понятных каждому, у Гегеля получается мыслительный Гордиев узел, узел этот развязать немислимо никакому гению : можно его, как и мифический Гордиев узел, только разрубить, отбросить с дороги, выкинуть из головы. « Философия Гегеля, как мышеловка, в которую можно влезть, но из которой нельзя уже вылезти. »

Никакая философия ни на иоту не приближает нас к разрешению основных мировых загадок о происхождении и цели мироздания, о происхождении и цели нас самих, о начале и конце. Но самые туманные философские системы обсуждаются образованными людьми, они гордятся знанием их и погрузившись в них забывают о высшем разуме. Все философские системы полезны для тренировки мозга, нужно пройти через них, чтобы упереться в тупик и остановиться на единственной возможной гипотезе высшего разума. Это длительный процесс, это большая умственная работа в течение многих лет, не для всех доступная и возможная. Зато чем больше философских систем изучено, чем больше у человека научных знаний, тем неизбежней он приходит к гипотезе высшего разума. Но повторяю, это не легко и для многих невозможно, поэтому не нужно подтачивать и разрушать религиозную веру человека, если она у него есть. Но если вера разрушена, то вернуться к ней невозможно и вот это самый опасный промежуток между потерей веры и приобретением глубоких знаний. Самое печальное — это полужнание, оно сбивает человека с толку и опустошает душу.

Долго плавая в гегелевских « водах многих » можно начать думать, что он уже совсем близко привел к постижению тайны мироздания, но на проверку оказывается, что плавание было всё время в замкнутом кругу всё на одинаковом расстоянии от тайны, и кончивши плавание мы оказываемся на том же самом месте, с которого начали... Мне вспоминается аквариум на острове Гельголанде, я там подолгу стоял около него и смотрел как стайка рыбок всё время плыла вокруг и вокруг туфовой скалы устроенной посередине; они плыли так целые дни и даже ночью, и только изредка ложились на песок отдохнуть, и опять начинали

свое бесконечное путешествие; они плыли всегда по часовой стрелке, и оказывается, что если бы аквариум был в южном полушарии, тогда наоборот, непременно плыли бы против часовой стрелки. Сторож аквариума говорил, что они никогда не прекращают своего движения, а я глядя на них думал, что они уверены будто плывут всё вперед и уже уплыли куда-то очень далеко.

Я хочу пояснить почему пишу о Гегеле, а дальше еще о Шопенгауэре, Канте и других великих философах, я совсем не руковожусь дерзновением критиковать высокую человеческую мысль, а только хочу показать, что и самые большие достижения в области философского мышления ровно ничего не разъясняют в нашем бытии и нисколько не приближают к разрешению проклятых вопросов. Ознакомившись со всеми философскими системами, мы уже не будем думать, что остается еще что-то очень мудрое, нам неизвестное, всё разрешающее и дающее конечное завершение нашему глубокому мышлению; но самое важное, что мы убеждаемся в полной невозможности разрешить проклятые вопросы на основании каких-либо философских теорий, они ничего не разрешают, и вопросы остаются вопросами.

★ 44

Шопенгауэр, тоже большая умственная величина, писал о Гегеле в своей книге «Воля в природе»: «три четверти доктрин Гегеля абсурдны, а четверть — парадоксы.»

Всему, что утверждал Гегель, Шопенгауэр противопоставлял диаметрально противоположные мнения. У Гегеля везде разум, у Шопенгауэра везде воля, с которой разуму не под силу справиться. Современные психологи разбирая доктрины Шопенгауэра приходят к выводу, что его философия в значительной степени создавалась под влиянием ненависти и зависти к Гегелю: Гегель был признан официально, Гегелю дали кафедру и сделали ректором, а Шопенгауэр никогда не мог получить официального одобрения и его выступления в качестве лектора были неудачны. Вследствие своего неприятного характера Шопенгауэр стал нелюдимым и ненавистником женщин. Этими личными отталкивающими чертами он заштриховал всю свою философскую систему и

пришел к абсурдным выводам, что жизнь вообще одна сплошная неприятность и лучшее, что можно сделать — избавиться от нее. Тем не менее влияние Шопенгауэра на молодежь было громадно. Георг Брандес говорил, что когда труды Шопенгауэра вышли в общедоступном издании «Реклам» и распространились в десятках тысяч экземпляров, в Германии значительно увеличилось число самоубийств среди молодежи.

Шопенгауэр был большой умственной величиной и отличным писателем, но принять его доктрины, поверить им только потому, что это Шопенгауэр и последовать его советам и выводам, может только ограниченный разум, зараженный привычкой преклоняться перед авторитетами.

Платон учил, что Бог мог создать не более пяти миров, потому что известно пять правильных геометрических тел: тетраэдр, куб, гексаэдр, додекаэдр и икосаэдр. Исходя из этой философско-геометрической ерунды Лейбниц решил, что Бог мог создать только один совершенный и прекрасный мир, и этот мир и есть наш мир. Лучшего Бог сделать не мог и лучше быть не может. Всё в нашем мире прекрасно, и если мы этого не понимаем, то только по недомыслию.

Человек, варивший во времена Платона эликсир из сердца лягушки, мозга летучей мыши и заячьей мошонки, сегодня строит турбинный двигатель в 50.000 лошадиных сил. Котелок для варки эликсира и кусочек галеры мы давно поставили в музей древностей, а современные этим предметам учения принимаются до сих пор как ценности актуальные.

Это тоже древность, ископаемое, крайне ценное как историческая памятка, как ступенька, с которой ступали выше — но и только. Ссылаться сегодня на учение Платона или Плотина и их доводами и их способами мышления оправдывать и объяснять сегодняшнее, одинаково, что всерьез изучать состав целебного эликсира из мышинной косточки или обсуждать применение силы каторжан для передвижения кораблей. Многие понимают это, но все-таки продолжают ссылаться на Платинов и Платонов потому, что

только с их помощью иногда можно оправдывать неоправдываемое в современной жизни.

Чем древнее выражение или цитата, тем больше к ней почтения, тем она авторитетнее в понимании большинства. А именно старое и древнее должно приниматься с сугубой осторожностью. Правда, что врожденный большой ум великий дар, но современному человеку нужно добавлять к нему еще знания, опыт предыдущих поколений. Вероятно, среди сибирских шаманов или тибетских далай-лам встречаются тоже умные люди, но их ум работает в очень узкой сфере и для прогресса человечества, для общей пользы не пригоден и даже может быть вредным. Платон обладал только ничтожной долей тех знаний, какие есть уже у нас, и мышление его, хотя и освещенное искорками гениальности, в общем примитивно и наивно, взять хотя бы его «Республику», читая ее теперь можно только улыбаться, какой государственный строй рекомендует Платон: рабство, например, Платон считал необходимым, и в его республике тоже рабы.

Моцарт не зная теории музыки и не имея понятия о контрпункте, в пятилетнем возрасте писал замечательную музыку, но это редкое исключение и возможно только в музыке. Рассказывали, что в Одессе какой-то еврейский мальчик, знавший только арифметику, принес как-то профессору математики новороссийского университета свои вычисления и формулы, которые он сам выдумал. Разобравши эти формулы, удивленный профессор сказал:

«Вы открыли бином Ньютона... К сожалению он открыт уже раньше Ньютоном, а то вы стали бы знаменитым математиком...»

Мальчик будто-бы с горя повесился; если даже это выдумка, то выдумка интересная: ум без знаний и опыта может работать в холостую, а иногда во вред.

Из сказанного выше, понятно, не следует, что Платон, Плотин и другие не были великими мыслителями, они остаются ими, и их творениям почетное место на полках библиотек и музеев. Это яркие кристаллы человеческого мышления на заре его, фотографии великой человеческой мысли в ее детском возрасте. Они дороги, как дорога фотография великого человека в детстве — «из этого ребенка вышел великий человек!» И современная мысль далеко не в зрелом возрасте,

Богословы могут объяснить и растолковать всё что угодно, хотя бы и самое абсурдное. Не говоря уже о творениях отцов церкви, даже в Евангелии столько противоречивых мыслей, что при желании можно выводить из них что угодно. Еще Абельяр, еще в XII-м веке написал целую книгу «Sic et Non» (о противоречиях в христианском Писании, в Ветхом Завете и в Новом). Лев Толстой несколько лет просидел над сравнением евангелий на разных языках, для чего пробовал изучать даже древне-еврейский язык, он искал ошибки и неточности в переводах. Удивительно, что такой умный человек решил потратить столько времени на такую работу, если бы он мог сравнивать с оригиналом, но ведь оригинала нет. Всё писалось разными людьми, в разное время, авторы точно неизвестны и время когда писано тоже неизвестно. Богословы сходятся на том, что первое Евангелие написано неким «пра-Марком» и из него вышло евангелие Марка. Евангелие Матфея стоящее первым написано позже, также и евангелие от Луки, Лука же написал и Деяния Апостолов. Четвертое евангелие от Иоанна стоит совсем особняком, оно более философского содержания и во многом противоречит первым трем; Иоанн же автор Апокалипсиса. Всё это верно только более или менее, а может быть и неверно. Во всяком случае известно, что евангелий было не четыре, а чуть ли не двадцать четыре и на вселенских соборах решено было выбрать только четыре, а остальные считать апокрифическими и даже вовсе уничтожить. Из апокрифических евангелий сохранились : евангелие Иакова, евангелие арабов, евангелие египтян, евангелие евреев, евангелие Никодима, евангелие Фомы и другие. О противоречиях в христианском священном писании в позднейшее время написан ряд увесистых книг. Самая дата рождения Иисуса Христа принятая христианской церковью, даже самими богословами признается ошибочной, невязка в тринадцать лет, что явно из упоминания в евангелиях правления Тиберия, а Тиберий не был правителем, когда родился Христос по христианскому

летоисчислению. Но всё это совсем не важно, важны те идеи, какие высказаны в Новом Завете и многие из них очень высоки.

Толстой уже незадолго до смерти написал свое « Воскресение ». Первая часть этого романа может быть самое художественное, что он написал. В прежних своих произведениях он много говорит об общении полов, но это общение не оправдывает, видит в этом грех, особенно решительно это высказано в « Крейцеровой сонате »; но даже и в « Анне Карениной », когда происходит половая близость между Анной и Вронским, страстно влюбленными друг в друга, Анна кричит точно в отчаянии, думая о случившемся. Тут, в « Воскресении » любовь между Нехлюдовым и Катюшей описана любовно, хотя впоследствии из этого тоже вышла тяжелая драма. Самая шумевшая глава « Воскресения », глава о богослужении в тюрьме, за нее Толстой отлучен был от церкви. Теперь уже эти слова « отлучен от церкви » звучат странно, чтобы не сказать курьезно, едва ли кто-нибудь станет отлучать кого-нибудь, а если бы и стал, отлучил, то вызовет только улыбку у отлученного. В былые времена римские папы пользовались этим отлучением как громадной силой и сила действовала, но эти времена навсегда прошли. Отлучение от церкви, это отлучение от общения с Богом и по своему смыслу не только абсурдно, но просто смешно — кто это может иметь право отлучать от общения с Богом? Но это так, между прочим, а важно все-таки то, что эта глава « Воскресения » возбудила неприятное чувство у многих, и так и должно было быть : можно самому быть совсем далеким от всяких ритуалов, но осмеивать их не надо, для многих они очень важны и ценны. Когда устраивают торжественную демонстрацию по какому-либо поводу с маршировкой, с музыкой, с флагами и плакатами, это тоже ритуал, прямого материального значения он не имеет, но зато имеет большое значение психическое и эстетическое, никому в голову не приходит смеяться над флагами, гирляндами и плакатами, а потому не надо смеяться и над ритуалами, над иконами и хоругвями, лампадами и кадилами, они для верующих важны и священны. Многие разделяют мнение Толстого относительно описанного им богослужения, но кому-то это дорого и другим помешать не может. Выходка Толстого

не кощунственна, а просто нетактична, недостаток художественного чутья удивительный у такого великого художника. Тот же Толстой в своем произведении сделавшем ему мировую славу « Война и Мир », рассказывает, как говение повлияло на Наташу, как она стала выздоравливать под влиянием этих молитвенных переживаний, и тут Толстому, в пору расцвета его таланта, совсем не приходило в голову высмеивать церковные обряды, те же самые, над которыми он иронизирует и смеется в « Воскресении ».

Лев Толстой, великий человек, но под конец жизни он несомненно сбрендил, был против семьи, утверждал, что каждый должен сам себе шить сапоги и всю одежду, что машины есть величайшее зло, и в тоже время, что самое главное, был за непротивление злу.

На основании того же Евангелия можно построить религию антисоциальную, религию вредную, и, наоборот, можно выделить такие мысли, которые укрепляют мораль и улучшают жизнь. На основании евангельского текста создается скопчество, самое абсурдное, казалось бы, к чему может прийти человеческий разум; каким-то образом на основании священного писания стали строить аскетизм и всякие запреты, хотя нигде таких предписаний нет; мои предки на основании священных текстов сжигали самих себя, а между тем тоже на основании евангельских текстов можно прийти к религии, годной для всех, оптимистической и в то же время нисколько не запрещающей пользоваться всеми доступными для человека благами, лишь бы не в ущерб другим. Ветхий и Новый Заветы различны и противоречивы — Новый Завет пропитан вселенской идеей, интернационализмом, « несть еллин, ни иудей », все люди братья, а Ветхий шовинистичен, в нем религия « шибболета », убивай чужестранца. О шибболете рассказывается в « Книге Судей » : на пограничной реке, при перевозе, евреи поставили стражу и всякого переезжавшего заставляли произносить слово « шибболет », зная, что только они произносят его правильно, а другие вместо буквы « ш » произносят « с » — всякого кто произносил неправильно тут же убивали. В книге пророка Ездры приказывается выгнать всех жен не евреек и прижитых с ними детей, под страхом разных наказаний. Принявши и Ветхий Завет как священную книгу пришлось

примирять непримиримое и этим занялись богословы. Но и в Евангелии много противоречий.

Притча о талантах предписывает человеку с наибольшей энергией и умением пользоваться данными ему способностями, а не зарывать их в землю. Рассказ о бесплодной смоковнице говорит о том же, осуждается бесполезное существование, ни для кого ненужное. И рядом в Евангелии же слова: « посмотрите на птиц небесных, которые не сеют, ни жнут и в житницы не собирают, а Отец ваш небесный питает их. » Что это, указание, что не нужно заботиться о завтрашнем дне, не нужно пахать землю и сеять, вообще не нужно работать? Мысль явно неприемлемая для нашего земного существования, противоречащая всем законам природы, законам нашего организма; к тому же еще мысль наивна, ибо птицы затрачивают громадное количество энергии, чтобы добывать себе пищу, их жизнь связана с постоянной работой; когда не хватает все-таки пищи в нашем климате, им приходится, затрачивая большие усилия, улетать в более теплые страны, по дороге многие гибнут...

Одно из самых странных мест в Евангелии слова о том, что нужно подставить левую щеку если ударили по правой, это рабская мораль, недостойная человека, из нее многие и богословы, и просто писатели, до Льва Толстого включительно, выводили непротивление злу, идею абсурдную, но в том же Евангелии рассказано как Иисус Христос выгоняет из храма торговцев, т. е. злу противится и даже решительно; в первом Послании к римлянам говорится: « начальник есть Божий слуга тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч ».

В Ветхом Завете — « плодитесь и размножайтесь и населяйте землю », а в Евангелии — « могий вместите, да вместит », т. е. не прикасайся к женщине.

В Ветхом Завете — « око за око, зуб за зуб », а в Евангелии — « прощай семидесять семьдесят раз ».

Нигде в Евангелии нет слов о чем-нибудь поганом, о каких-нибудь табу, но отцы церкви создали много ненужных запретов. В одном месте Евангелия, там где описывается исцеление бесноватых, Христос говорит: « сии исцеляются молитвой и постом ». Многие духовные лица ссылаются на эти слова, как основание для предписания поста, но уже

давно русским же богословом Тишендорфом, работавшим в ватиканской библиотеке, по рукописи IV-го века, установлено, что слова « и постом » добавлены позже, другим почерком, т. е. что это интерполяция. Впрочем, чем дальше, тем больше находится интерполяций даже в четырех основных, синоптических евангелиях.

Еще раз можно только сказать, что среди высоких мыслей и в Евангелии есть много совершенно неприемлемого, анти-социального, но это не умаляет высоты основной идеи.

47

Мысли о свободе воли запутаны и затуманены в священных книгах и их можно толковать так, что человек как-бы не ответственен за свои поступки, потому что ему предрешиено поступать так или иначе. Раз и волос не может упасть с головы человека без воли божией, то значит и всякий поступок, хотя бы и злой, тоже делается по воле божией и человек бессилён управлять своими поступками по своему хотению. Философы, такие как Шопенгауэр, еще сгустили туман изрекая, например, сентенцию : « человек свободен делать, что он хочет, но хотение его не свободно ». Из этой замысловатой фразы выходит, что поступки человека не свободны, а значит он за них и не ответственен. Философ облек эту мысль в замысловатую форму, избегая простых и ясных слов, и этим старался прикрыть абсурдность своего вывода. Если отрицать свободную волю, то не только нет ответственности за причиняемое зло, но и вообще не надо никаких усилий, стараний, энергии, ибо все равно предначертанное для тебя не изменишь, всё предопределено и ничему ты своими усилиями не поможешь. Трудно представить себе более абсурдный и вредный взгляд на нашу жизнь.

Один из учителей церкви, весьма плодовитый по тем временам писатель Лактанций — жил в IV веке — усердно изучавшийся и изучаемый до сих пор в духовных академиях, задается между прочим вопросом, откуда в прекрасном божьем мире взялось зло? Он решает как-будто вопрос логично:

« Или Бог хотел уничтожить зло в этом мире и не мог; или он мог, но не хотел или он хотел и не мог; или, наконец, он хотел и мог. Если он хотел и не мог — это бессилие, что противоречит сущности

божией; если он мог и не хотел — это злобность, и это не менее противно натуре Бога; если он не хотел и не мог это бессилие и злобность вместе, что тем более противно сущности Бога; если он хотел и мог — что вполне и подобает Богу — откуда же тогда зло на земле?»

Произведя столь мудрый анализ, Лактанций легко находит не менее мудрый ответ :

« Бог оставил зло в мире, но дал нам мудрость, помощью которой мы должны бороться со злом. »

Уже упомянутый гностик Вазилид стараясь объяснить существование зла в столь большом количестве в нашем мире, откуда-то узнал, что Бог поручил когда-то сотворение и устройство мира « архонтам » или ангелам, те оказались не на высоте положения и всё попортили...

48

Игнатий Лойола в своих «Духовных упражнениях» учит, как всецело отдаваться одной какой-нибудь « праведной » мысли и гнать все остальные, думать всё об одном целыми часами и днями, сильным напряжением отгонять постороннее. Прочсть какой-нибудь псалом и думать о нем, только о нем. Католические монахи это делали и им было мучительно трудно. Один из них (Кассиан) жалуется, что к несчастью он знал греческих и латинских классиков, и образы древних поэтов и их неблагочестивые фразы мешали ему, вторгаясь в размышления о праведном. Часами, днями и годами сидели запуганные люди и затуманивали свой мозг.

В результате такого занятия, сосредоточенного думанья об одном псалме, наступало полное обалдение, « ассидия ». Мозг отказывался вовсе работать, всё становилось безразлично, даже мысль о вечном мучении на том свете больше не пугала. Ассидия в монастырях была столь частым явлением, что под именем « нерадения » отцы церкви включили ее в семь смертных грехов, и все-таки не помогало.

Против ассидии, рассказывает тот же Кассиан, было два средства — тяжелая бесцельная работа или причинение себе самому сильной физической боли. В четвертом веке христианский праведник Павел применял против ассидии такое средство : пол-года таскал к себе в пещеру пальмовые листья и пол-года вытаскивал их обратно... Но и после такой

работы, и молитв, и умерщвления плоти, и ранений, душеспасительные размышления даже для праведников все-таки были монотонны и скучны до отчаяния.

« Я не знаю ничего в мире, с чем бы я мог сравнить монотонность благочестивой жизни » — пишет популярный в половине прошлого века английский пастор Ф. Б. Фабер (« Духовные собеседования »).

Таких книг, как книга Игнатия Лойолы, написано было много. В течение первых пятнадцати веков христианской культуры больше всего писалось таких книг.

49

Давно уже рассказано о каком-то монахе, который в своих благочестивых размышлениях, решил определить, кто пойдет в царство небесное, а кто в ад. Благочестиво рассуждая, он понятно сразу откинул всех не-христиан, им не место в раю. Из христиан он тоже не колеблясь откинул всех не-католиков, потому что они хотя и христиане, но впали в ересь. Из числа католиков он исключил всех людей не монашеского сана, потому что они ведут неправедную жизнь и не выполняют канонических велений. Из монахов он выбросил всех не принадлежавших к их ордену, потому что хотя они и монахи, но уставы их орденов не вполне согласны с канонами церкви. Остались только монахи их ордена, но среди них очень многие не выполняют как следует орденских положений и уставов, и потому рай для них закрыт. Осталось всего семь человек, в том числе он сам и отец игумен, хотя насчет игумена у него и были большие сомнения.

Был ли действительно такой монах или это фантазия писавшего, решительно все равно, потому что это могло быть, это вполне согласно с каноническим мышлением и абсурдность этого канонического или догматического мышления ясна сама собой. Может быть, в наше время уже и нет таких монахов, а если и есть, то они об этом не пишут; однако всякое догматическое мышление, защищающее только свой ритуал и враждебно относящееся ко всякому другому, напоминает об этом монахе.

В ритуал можно верить, любить его и оставаться при нем,

Эйнштейн когда-то писал, что научное мышление вполне логично и естественно было анти-религиозным из-за общепринятого учеными закона причинности или, что тоже самое, детерминизма : всё в мире происходит по непреложным, уже открытым человеком, законам и потому нет места божественной воле, не может никакой Бог нарушить этих законов и он вообще не нужен... Можно только удивляться подобным рассуждениям. Как же тут не приходит мысль, что и самые эти законы причинности откуда-то взялись, когда-то кем-то установлены, куда-то ведут, и кроме того, ученые открыли эти законы только в той ничтожной ограниченной области, которая доступна нашему исследованию, общих же законов они не знают, не могут знать, не могут даже узнать есть ли во вселенной общие законы, годны ли наши законы где-то в иных звездных системах. Но теперь, когда детерминизм на ущербе, эти призрачные возражения против бытия высшего разума оказываются устарелыми.

Будучи как-будто в конфликте с Богом, детерминизм в то же время косвенно поддерживал самый вредный из религиозных доводов, учение о предопределении. Если всё совершающееся в мире предопределено по законам причинности, то человек не ответственен за свои поступки, ему незачем проявлять энергию и совершенствоваться, раз все равно его поступки предопределены и он не в силах изменить эту предопределенность.

Эйнштейн, будучи пантеистом, вернее Спинозистом, говорит, что все большие ученые пантеистически мыслят, неизбежно приходят к такому мировоззрению и миропониманию. Действительно последнее время большинство мыслителей и ученых приходят к неизбежной мысли, что в мире есть высший разум, однако это вовсе не значит, что они пантеисты. Пантеизм также упирается в тупик, ничего не объясняя, не приближает к постижению высшего разума, потому что никакая философия не может приблизить к его

Об идее предопределения Джиордано Бруно написал несколько эзоповским языком, из боязни инквизиции: приказы предопределения дает у него не христианский Бог, а Юпитер приказывает Меркурию, делает распоряжения на сегодняшний день. Исходя из евангельского текста, что и волос не упадет с головы человека без воли божией, Бруно начинает о волосах:

«Васта, жена Альбанцио, завивая себе волосы на висках и перекалив щипцы сожжет себе 57 волосков, не обжегши однако головы, и почувяв гарь, терпеливо перенесет это, и не будет злословить меня. У нее от бычачьего помета родится 252 улитки, из которых 14 раздавит ногою Альбанцио, 25 околеют, 22 поселятся в хлеву, 80 разойдутся по двору, 42 уползут на жительство в виноградник, что рядом с воротами, 16 потащут свой домик туда, где им удобнее, остальные будут предоставлены фортуне... Собака Антонио Саволино пусть принесет пять щенят, трое из них останутся жить, двух выбросят, а из первых трех один да будет в мать, второй ни то ни сё, а третий частью в мать, частью в отца. Как раз в это время закуковать кукушке так, чтобы было слышно в доме, и прокуковать ей ровно 12 раз, а затем полететь на развалины замка Чикалы на 11 минут, оттуда на Скарванту; что дальше, об этом распорядимся после. Из досок кровати Констанцио выползти и вползти на подушку 17 клопам, семи большущим, четверем маленьким и одному так себе; а что с ними будет сегодня вечером при свете свечи, о том скажем позже... Пусть, когда Паулино захочет поднять с земли иголку, лопнет от напряжения красный шнур на штанах его, а если он выругается — наказать его сегодня же вечером, да будут у него пересолены макаронны и пусть они подгорят, разобьется полная фьяска вина; если же и тут он выругается — мы решим об этом своевременно. Кротам, которые вылезут из земли в саду Антонио Фальвано — двум попасть на поверхность земли одновременно, одному — ровно в полдень, другому на 15 минут и 19 секунд позже и на расстоянии друг от друга на три шага, одну ступню и полпальца, о прочих мы подумаем потом...»

Высмеивая и доводя до абсурда идею предопределения, Бруно однако не указывает, что тут дело не только в абсурд-

ности, а главное в том, что мысль о предопределении избавляет человека от ответственности за его поступки и располагает его к бездействию. Некоторые христианские религии поняли уже вредность учения о предопределении и заменили его предведением, но и это не лучше, почти тоже самое — если Богу искони известно что совершит человек, то значит не в силах человека изменить это, Бог не может ошибаться и свободной воли нет.

52

Вероятно Дарвин не читал произведений Джиордано Бруно, потому что он подражает ему, только другими словами. Эти мысли пришли ему так же естественно и логично, как и Бруно — он пишет :

Я вижу птицу, которая нужна мне для обеда, я беру ружье и убиваю ее — я делаю это преднамеренно.

Ни в чем неповинный добрый человек стоит под деревом и его убивает ударом грома. Неужели вы верите, что Бог сделал это преднамеренно? Много людей, вероятно большинство, думают именно так; я не могу так думать и не думаю.

Если вы думаете так, то вы значит полагаете, что когда ласточка ловит комара, ей назначено Богом поймать именно в этот момент и именно этого комара? Считаю, что и комар и человек в одинаковом положении в данных случаях.

Если же ни смерть комара, ни смерть человека не предопределены, я не вижу достаточных оснований думать что и их первое рождение было кем-то предопределено... »

Еще Ювенал задавался в своих сатирах вопросом :

« Или мир живет согласно собственной природе, подчинен своим физическим законам, или высшее существо построило его по своей священной воле. »

Древние ставили судьбу выше воли богов. Неотвратимая судьба управляет жизнью людей и даже богов у Гомера. Зевс хочет спасти Гектора, но не может — судьба решила иначе. Почти все великие мыслители возвращались к вопросу поставленному Ювеналом, это один из проклятых вопросов человечества.

Вольтер («Философский Словарь») пишет :

« Если бы ты мог повлиять на судьбу одной мухи, не было бы ни малейшего основания полагать, что ты не можешь изменить судьбу всех мух, всех других животных, всех людей, всей природы;

ты бы оказался в конце концов могущественнее самого Бога. Глупцы говорят: мой врач вылечил мою тетку от смертельной болезни, он дал ей возможность прожить на десять лет больше, чем она должна была бы жить...

Твой врач спас твою тетку; но понятно, в этом нет никакого противоречия predetermined порядку природы — он только действовал согласно ему. Вполне ясно, что твоя тетка не могла не родиться в том городе, где она родилась, что не могла не заболеть в определенное время именно этой болезнью, что твой врач не мог жить в это время ни в каком другом городе, кроме этого, что твоя тетка должна была обратиться только к нему и что он должен был прописать ей именно то лекарство, которое спасло ее... »

И Ювенал, и Вольтер, и Дарвин первые вспомненные примеры. Этот вопрос красной нитью проходит через всё человеческое мышление. И несмотря на то, что великие умы отдавали этому вопросу столько внимания и интереса, его разрешение нужно не более, чем разрешение вопроса о том, сколько ангелов может уместиться на острие иглки, что создано раньше — яйцо или курица, может ли Бог создать такой камень, чтобы он не мог поднять его и т. д.

Если такими схоластическими вопросами занимались наши предки, то у нас ум просветлился уже настолько, что нам они кажутся курьезами.

Я вспоминаю, какой острый восторг (как запретная и греховная мысль) произвел на меня в детстве один антирелигиозный анекдот. Сначала был восторг юмора, а потом под его разрушающим влиянием появилась новая трещина в моей религии. Анекдот такой:

На экзамене в духовной семинарии почетно председательствует архиерей и каждому экзаменуемому под конец задает какой-нибудь пустяшный вопрос. Рыжеволосый, великовозрастный, с небритой пробивающейся бородой семинарист кое-как выдержал и архиерей задает ему напутственный вопрос: « Не имеешь ли каких-либо сомнений в пройденных тобою науках? » Семинарист мнется, не отвечает. Архиерей еще раз повторяет свой вопрос. « Имею сомнение, ваше преосвященство, но не могу сказать. » « Как не можешь сказать, раз я тебя спрашиваю, говори. » « Потому что греховная мысль, ваше преосвященство, кощунственная. » « Все равно, говори, мне всё можно сказать. » Семинарист решается и говорит: « Вот, ваше преосвященство, давно мучит меня сомнение... оно понимаю, что невероятно и

невозможно, а тем не менее... Вот, если бы я с господом богом сел в карты играть и пришел мне туз козырный, чем его господь бог при всем своем всемогущии побить может? »
Архиерея передернуло : « Дурак ты, дубина стоеросовая, разве тебе придет туз козырный, если ты с господом богом играть будешь. »

Юмор — непобедимая сила. Недаром он так важен в беседе, в речах; государственным людям он нередко дает победу над торжествующей логикой противника. Мне говорил как-то известный оратор, умевший почти всегда завладеть аудиторией :

« Не опровергайте неопровержимые доводы противника, сделайте только его в чем-нибудь смешным... »

* 53

Ученые уже подсчитали, что в нашем теле от восьмидесяти до ста триллионов (!) клеток. Каждая из этих клеток живет своей жизнью, питается, растет, иногда болеет и в конце концов умирает независимо от общей смерти организма или вместе с ним. Достаточно одной из этих клеток заразиться, скажем раком, чтобы через некоторое время погибли все сто триллионов. А разные заразы на каждом шагу вокруг нас, и все-таки мы живем довольно долго. Каждый день в нашем теле миллионы клеток умирают и миллионы рождаются новых. Каждая из живых клеток стремится продолжить свою жизнь и очень часто вне нашей воли помочь ей. Теперь с устройством электронического микроскопа живые клетки окажутся и там, где их до сих пор не видели, как, например, в супер-вирусах, где они уже оказались — число живых клеток в нашем организме еще сильно увеличится. Но решительно все равно сто ли триллионов живых клеток в нашем организме или миллион триллионов, всё это для нашего разума непостижимо ни теперь, ни в будущем; человеческий разум останавливается здесь, как во многом другом, в священном трепете перед сложностью и непостижимостью окружающего нас мира и нас самих. Наше тело, главным образом, состоит из жидкости, если его высушить в тигле, то останется около одной десятой прежнего веса. Не надо и лабораторных тиглей, достаточно посмотреть на

мумии в саркофагах Египта : если с них размотать все обмотки, то останется ничтожный комок костей и волос. Нужно удивляться не тому, что наш организм подвержен стольким случайностям и болезням, а скорее тому, как это мы все-таки живем так сравнительно благополучно. В нашем теле несколько канализационных систем—кровеная система, лимфатическая, нервная, пищеварительная, почечная, целый ряд внутренних секретий. Все эти системы изолированы одна от другой и в то же время малейшее нарушение в одной из них расстраивает все другие. Мы питаемся разными веществами, они подвергаются в пищеварительном аппарате химическим и биологическим изменениям, продукты этих процессов всасываются стенками кишек и питают организм, но если в желудке или кишках произойдет разрыв или появится даже маленькое отверстие, то содержимое пищеварительного аппарата вызовет перитонит, отравит организм и повлечет смерть. Если какому-нибудь неопытному отравителю или чаще отравительнице вздумается подмешать кому-нибудь в еду змеиный яд, хотя бы от самой ядовитой змеи, никакого вреда не будет, но если ничтожное количество того же яда будет введено в кровь, может последовать смерть. Один укус «анофелеса», малярийного комара влечет за собой тяжелое малярийное заболевание, иногда смертельное, но можно спокойно проглотить десяток этих комаров и никакого заражения не будет. Сложность нашего организма нельзя сравнить ни с какой сложной машиной, и ряд всяких случайностей постоянно угрожает ему. Всякая машина тем отличается от нашего организма, что ее можно остановить, сдать в мастерскую, отремонтировать и опять пустить в ход, а жизнь организма раз остановленная—уже конец. Наше сердце делает около 100.000 ударов в сутки, никогда не останавливаясь ни днем ни ночью и если человек проживет около 70 лет, то его сердце сделает около трех миллиардов ударов, как заведено с момента рождения, так и работает без остановки до смерти...

Не надо даже заходить в беспредельные звездные пространства, а остановиться только на нашем собственном теле для того, чтобы понять, что мы никогда не постигнем окружающего нас и самих себя, и только мысль о том, что кто-то эту сложность понимает и знает зачем она такая,

По мере расширения научных знаний являлась специализация — иначе и быть не могло, слишком много было областей для изучения и они всё усложнялись и расчленялись, и настоящий ученый забирался в какой-то уголок научной работы и там находил всё новое, всё еще более сложное, и так проводил всю жизнь. Докапываясь до нового в своем уголке, он не имел времени и возможности касаться других областей знания, и часто оказывалось что известный ученый был полным невеждой во всем остальном, кроме его узкой специальности. Это началось в девятнадцатом столетии и с тех пор дифференциация всё усиливалась, знания всё больше специализировались. Всесторонне образованных людей становилось всё меньше, и всё труднее было стать всесторонне образованным, потому что слишком много нужно было знать, слишком много нужно было потратить времени и усилий, при этом таких, которые не давали прямых видимых результатов, особенно денежных.

В области естественных наук было две школы — материалисты и виталисты. Одни профессора читая лекции своим студентам проводили материалистические взгляды, другие — виталистические, и полагали, что эти две школы противоположны. Но никогда ни один профессор естественных наук в своих лекциях не сказал своим слушателям, что и материалистическая школа и виталистическая все равно мало знают о сути окружающей нас природы и не могут разрешить ее загадок — выходило, что как-будто его теория всё объясняет, слушатели верили ему.

В области, скажем геологии или математики, или астрономии таких разных школ не было, но тоже заканчивая свой курс профессор не говорил своим слушателям, что первоначальной причины и конечной цели ни он, ни его коллеги не знают.

В некоторых высших учебных заведениях читался курс богословия. Помню, например, что в нашей Петровской

Академии этот курс читал очень симпатичный и ласковый протоиерей с академическим образованием и его лекциями, разумеется, никто не интересовался, но чтобы не ставить его в неловкое положение всегда три-четыре человека ходили, чтобы была аудитория. Я, например, ни разу не был на его лекции, хотя на экзамене получил высший балл как и все остальные экзаменовавшиеся, других баллов он не ставил и как-будто даже чувствовал какую-то неловкость, экзаменуя студентов. Он понимал, что его канонические катехизисные толкования не могут быть убедительны для его слушателей и читал свои лекции только потому, что это требовалось по уставу Академии. Он не ошибался — если катехизисные толкования уже у учеников гимназии, во втором или третьем классе, возбуждают сомнения, то в высшем учебном заведении, да еще таком, где изучаются естественные науки и где часть студентов была уже с университетским образованием, разумеется его курс не мог встречать понимания и сочувствия. Вот тут-то и заключается ошибка в смешении религиозных канонов с идеей высшего разума. Бога нераздельно связали с канонами и догматами религии, а религий много и каноны и догматы разные, одни другим противоречащие, часто сумбурные и сказочные. Если бы он читал о мировом разуме, то нашлось бы много слушателей, если бы он читал талантливо, то может быть все ходили бы на его лекции, эта тема могла захватить всех, но он тесно связал идею Бога с катехизисом, канонами и догматами, и получилось отталкивание, нежелание его слушать.

✧ 55

(Когда Дарвин в основу эволюции поставил *struggle for life* это значило все-таки не совсем то, что мы перевели по русски — «борьба за существование». Более точный перевод слова «*struggle*» был бы «усилие», «старание», а не борьба. По некоторым данным и сам Дарвин сожалел позже, что он ввел это положение в свою теорию, а некоторые из его последователей ясно говорят об этом.)

Всюду в живой природе есть стремление жить, поддерживать жизнь. Самые распространенные живые существа на нашей планете бактерии, особенно бактерии живущие в

земле. Если бы улавливающие азот бактерии исчезли, вся жизнь на земле погибла бы — они обогащают землю азотом, необходимым для растений, а растениями питаются животные. Тут скорее сожительство или даже помощь одних существ другим. Если бы не было неисчислимых триллионов гнилостных и бродильных бактерий и грибков, жизнь на земле тоже прекратилась бы. Болезненных микробов, так называемых патогенных, о которых больше всего говорят не-бактериологи, сравнительно немного. Зачем они на нашей планете, почему вообще болезни? Многие в окружающем мире непонятно нам, мы не видим целесообразности и считаем это злом — это так потому, что наш разум не может схватить общего замысла и цели. Но даже нашим ограниченным мышлением мы можем понять, что болезни одна из важнейших причин человеческого прогресса. Очень здоровые люди обычно эгоистичны и, если знакомиться с жизнью наиболее выдающихся людей в мировой истории, что-то создавших ценное для человечества, то оказывается, что среди них большинство болезненных людей; тот же Дарвин по записям его сына в течение сорока лет ни одного дня не был совершенно здоров. Многие завоевания человеческого разума сделаны потому, что люди старались избежать болезни, это изменяло условия жизни к лучшему. Но главное изменение к лучшему в психике людей, большие достижения здесь сделаны людьми страдавшими. Самые возвышенные и самые глубокие мысли приходят людям именно тогда, когда они страдают или, в частности, болеют. Когда в организм попадает болезненный микроб или вредоносный токсин, организм старается повышенной деятельностью, энергичной работой, создать неблагоприятную ему среду или выработать анти-токсин, а не то, что какой-то кровяной шарик берет за горло болезнетворную бактерию и убивает ее.

Самым злобным животным считается тигр, но никогда не было найдено тигра заеденного другим тигром, разве что подерутся ухаживая за самкой в известный период года, но и тут дело оканчивается только потасовкой и один уступает. Собаки грызутся из-за кости, но не на смерть, один отнимает, а другой уходит немного потрепанный, дерутся и крысы, и воробьи, всегда это или голод или половое чувство, но друг друга не убивают, уже на завтра, а то и через час

опять встречаются и даже иногда не помнят о бывшей ссоре. Нигде нет такой смертельной борьбы, как у людей, люди оказываются самыми злыми живыми существами, нигде нет человеческой всины, разве что у низших, например, у муравьев, потому так часто и сравнивают человеческое общество с муравейником. Но даже и тут рыжие муравьи воюют с черными, но не рыжие с рыжими или черные с черными, а ведь люди все одного вида... Но как это ни называть, хотя бы и борьбой, во всем животном мире борьба существует между отдельными видами, но не в пределах этого же вида.

Орхидею долго называли паразитическим растением, но это не верно, когда орхидея растет высоко на дереве в тропическом лесу, дерево служит ей только поддержкой, а семя орхидеи не может прорасти без участия особых грибов, почему так долго и не умели культивировать орхидеи. Правда, что когда на дереве поселяется омела, она питается соками дерева и до известной степени истощает его. Но никогда дерево целиком от омелы не гибнет, так и живут вместе, разве что ветка слишком обремененная разросшимися омелами сломается и упадет. Омела совсем некрасива, без всякого запаха, но по странному капризу или извращению мысли именно ее сделали как бы символом радости : в Англии и некоторых других странах на Рождество пучок омелы прикрепляют к дверной притолоке и молодые люди, а если угодно то и старые, проходя вместе в эту дверь имеют право целоваться, даже в самых строгих ветхозаветных семьях; и влюбленные или намеренные влюбиться не упускают случая этим правом воспользоваться..)

Миллиарды клеток в нашем теле не борются одна с другой, а помогают друг другу. Вообще, в нашем организме нет никакой борьбы между различными клетками, наоборот, общность действий и усилий, когда приходится защищаться от какой-нибудь болезни, токсина или микроба. Хотя в нашем организме во много раз больше отдельных живых клеток, нежели людей на всей земле, им не надо бороться одна с другой для того, чтобы жить, они должны помогать одна другой и только тогда организм здоров. В этом тоже одно из откровений, откровение высшего разума. Места на земле еще очень много, хватает и хватит для всех, не только для теперешнего населения, но и для многих будущих поколений.

Нужно думать, что по мере умственного и психического развития люди придут к мысли, что дело не столько в количестве, как в качестве, деторождение уменьшится, но зато родившиеся будут обеспечены более радостным существованием, а вопрос о том, что кому-то на земле не хватает места или пищи станет абсурдным. Природа очень расточительна, в особенности у низших видов живых существ; из икринок, которые мечет сельдь, громадное большинство погибает, устрица выбрасывает сотни тысяч яичек, а из них в лучшем случае выходит всего несколько десятков устриц. У человека — из тысяч сперматозоидов только один и то при благоприятных условиях дает зародыш нового человека... Но это не борьба, это особый закон природы, для нас не вполне понятный, но борьбы тут нет никакой.

Дарвину понадобилось ввести в его теорию мутации, т. е. как-будто ничем невызванные изменения в строении живых существ, неизвестно почему происходящие, неизвестно от каких причин и для каких целей. Без мутаций в теории Дарвина прореха, большой пробел, она склеена мутациями, а мутации это нечто такое, что нельзя ни предусмотреть, ни объяснить, просто случайности. По новейшим данным (хотя бы нового нобелевского лауреата Мюллера) мутации чаще ведут к ухудшению, нежели к улучшению живого организма — по крайней мере с нашей точки зрения — и это делает присутствие мутаций в эволюции еще более удивительным.

Так называемые атеистические мыслители охотно опираются на теорию эволюции Дарвина и находят в ней объяснение необъяснимого : всё идет само собой, и по теории эволюции из какой-то первоначальной амёбы или просто протоплазмы в течение миллионов лет выработались более высокие живые существа и, наконец, появились, мы, люди. Мышление само по себе весьма примитивное, потому что не поставлен вопрос, а почему эволюция, откуда взялась протоплазма, зачем был нужен этот сложнейший, многовековой процесс, зачем мы сами, существа, которые впервые могут думать над этим вопросом, куда всё идет и зачем? Но еще особенно интересно и то, что никак нельзя опираться на Дарвина в постройке атеистического мировоззрения, Дарвин не был атеистом, он называл себя агностиком, а агностик не представляет себе мироздания без какой-то

высшей воли, он только тем отличается от деиста или гностика, что считает высший разум для нас непостижимым и не окружает его религиозными легендами.

В сочинениях католических богословов приводится фраза Дарвина, в которой он задаваясь вопросом о сложности и стройности мироздания прямо говорит, что вся его теория эволюции рассыпается в прах, если не предположить божественной воли во всем этом. Такой фразы в написанном Дарвиным я найти не мог и думаю, что ее просто выдумали, но зато несомненно, что незадолго до своей смерти в беседе с немецким философом и биологом Бюхнером Дарвин говорил ему, что он не может считать себя атеистом, что мысль о высшем разуме и разумности мироздания неотступно живет с ним; об этом пишет Бюхнер, и разумеется, называя себя атеистом, он не стал бы извращать слова Дарвина в невыгодном для него смысле.

Томас Гексли, один из горячих последователей Дарвина, введший между прочим в употребление и самое слово « агностик », пишет в одном из писем к Кингслею, что он чувствует « величайшую антипатию к атеистам ». В другом письме к тому же Кингслею он говорит что не может выставить никаких возражений против идеи бессмертия, потому что и в научную гипотезу бессмертия материи и энергии принужден только верить.

«Хорошо, был мастер построивший мир, Мастер с большой буквы, высший разум, Бог... Но откуда же он взялся, кто его сотворил? Где он был, пока не было мира?...»

Приходится нередко слышать и такие вопросы, уже высоко культурных, рационально мыслящих людей.

Ответ только один — это для нашего разума непостижимо, так же и еще больше непостижимо, как для дрозофилы непостижимо когда, откуда и зачем явился лабораторный профессор или как я для моего кровяного шарика.

Однако и нашим ограниченным разумом мы уже, на верхах мышления, дошли до понимания, что материя, пространство и время только составные части одного целого, что начало и конец понятия относительные, что настоящего вре-

мени вообще нет, а прошедшее и будущее относительны, нет начала и конца, их не может быть в бесконечности, и весь окружающий нас мир совсем не такой, каким мы его воспринимаем своими пятью чувствами, и так далее... Это не схоластика или софистика, не рассуждения людей недоучившихся, это строго научные данные, выводы людей стоящих на вершинах знания, вооруженных новейшими научными приборами... Впрочем и эти точнейшие показания совершеннейших приборов, воспринимаемые теми же нашими обманчивыми чувствами, не вполне реальны и нет ни малейшей надежды когда-либо точно узнать и понять окружающее нас.

Вспоминая опять лабораторную дрозophilу можно предполагать, что скорее она поймет устройство той стеклянной банки, в которой ей назначено провести жизнь, нежели мы постигнем тот несбъятный мир, в который мы посажены на жизнь. И как же мы можем постигнуть самого профессора, решить откуда он, каковы его замыслы, зачем он заставляет нас страдать или радоваться...

57

Одно из величайших чудес, окружающих нас, процесс нашего мышления. Хотя бы наша способность запоминать. Что-то мы видели или узнали десятки лет тому назад и это навсегда осталось в мозгу, через десятки лет мы вспоминаем об этом иногда так же точно, как-будто видели, слышали или переживали только что. Есть физиологическая теория, что каждое отдельное впечатление закрепляется в какой-то клетке нашего мозга и так как клеток этих миллионы, если не миллиарды, то нет пределов нашей способности запоминать. Как закрепляются в мозгу на всю жизнь наши впечатления неизвестно — и вероятно никогда не будет известно — но как бы они ни закреплялись, все равно мы стоим перед чудесным явлением. Часто смотря на фотографию давно умершего близкого мы уверенно говорим, что он тут не совсем похож, а про другую фотографию говорим, что он как живой — и в таких случаях мы обычно не ошибаемся, в нашей памяти его лицо запечатлелось лучше, вернее чем на фотографической пластинке. Мы знаем как и почему получается

отпечаток на фотографической пластинке, но как он получается в клетке мозга мы не можем даже вообразить : там нет никаких пластинок, и те же клетки мозга запечатлевают не только световые изображения, но и звуковые, голос, музыкальную мелодию, выстрел пушки, и, что еще удивительнее и непостижимее, эти клетки мозга запечатлевают идеи, мысли. Многие клетки в организме в течение жизни отмирают и заменяются новыми, но для того чтобы объяснить нашу способность запоминания, на чем построено всё накопление наших знаний и опыта, новейшие биологические теории полагают, что клетки мозга обычно не отмирают, а только постоянно ремонтируются. Что-то в мозговой клетке или как называют « нейроне » постоянно меняется, обновляется, но какая-то основа остается, как в доме, где перекрывают крышу, чинят штукатурку, перестилают полы, проводят новые трубы, но общая структура дома остается всё та же. Ремонт в мозговых клетках идет постоянно, они требуют большего ремонта нежели дом : непрерывающийся поток крови омывает мозг, принося новые составные части и убирая старые. Трудно даже вообразить какое постоянное обновление идет в нашем мозгу, какие сложные физиологические, химические, электрические и иные процессы там постоянно происходят; достаточно сказать, что за сутки больше двух тысяч литров крови проходит через мозг, постоянно его обновляя, ремонтируя, и если это обновление прекращается хотя бы на несколько минут, мозг умирает, а с ним и человек. Те же самые физиологи, прослеживающие и изучающие процессы, происходящие в мозгу, признаются, что они тоже останавливаются в изумлении перед работой мозга, по выражению одного из них « мы видим машину, видим ее работу, но механика, который управляет ею, мы не знаем », и вероятно никогда знать не будем.

Что клетки мозга запечатлевающие то, что остается у нас в памяти, сохраняют свою постоянную структуру, тоже только гадательно : это утверждение понадобилось только для того, чтобы объяснить хоть как-нибудь нашу способность запоминания, иначе она была бы совсем необъяснима. Мы никогда не объясним процесса нашего мышления уже хотя бы потому, что его приходится объяснять тем же нашим мышлением. Кроме того дело не только в основной струк-

туре нейронов, которая якобы остается нетронутой в течение жизни человека и не в постоянном ремонте мозга : есть случаи когда и это гадательное объяснение оказывается негодным. Известны случаи, когда человек вдруг совершенно теряет память о всем прошлом, хотя мозг его не поврежден и по прежнему омывается постоянным потоком крови. Иногда в таких случаях потом память восстанавливается, иногда же исчезает окончательно и впредь человек помнит только случившееся с ним уже после этой потери памяти. Таких случаев много описано в медицине. Мне самому пришлось наблюдать это на моем товарище по Петровской Академии, Николае Попове. Он как известно был первым русским летчиком и был назначен инструктором в Красносельскую военную школу авиации, первую в России. Тут во время полета он разбился, несколько дней был в бессознательном состоянии, а когда выздоровел, оказалось, что совершенно потерял все свои знания. Ни слова не знал на иностранных языках, которыми раньше владел, и эти знания никогда не восстановились, ему пришлось учиться всему наново. Я его встречал уже через много лет после катастрофы и он мне подробно рассказывал как он учится всему наново, все знания приобретенные до катастрофы исчезли. Между тем он совсем не производил впечатления глупого, но был какой-то совсем иной, не такой каким я знал его раньше...

4 58

«Вы говорите, что гипотеза высшего разума есть самая совершенная и самая важная. Но из гипотезы об электрической энергии мы получили электрические лампочки, телефон и даже радио. Из атомистической гипотезы и дальнейших развитий ее мы вот дошли до искусственных радио-активных веществ, которые могут восприниматься нашим живым организмом и уже оказывают чудодейственное влияние, излечивают болезни, повышают обмен веществ в нашем теле... Не говоря уже об атомной бомбе, потому что тут радости мало. Примеров привести можно сколько угодно, мы видим практические результаты этих научных гипотез, а ваша гипотеза высшего разума никаких практических результатов дать не может.» Так говорил образованный собеседник.

Научные гипотезы дали практические результаты, но не все эти результаты для нас радостны и благодетельны. Жизнь людей сложилась бы лучше, если бы некоторых результатов вовсе не было. Ходя ощупью, всё время спотыкаясь среди новых завоеваний нашего интеллекта, мы часто ухудшаем, а не улучшаем нашу жизнь. Конечно, когда наше психическое и моральное развитие догонит механические знания, мы будем разбираться лучше и устраним из нашей жизни то вредное, что уже внесли в нее из нашей науки. Несомненно, что назначение человека в развитии и приобретении знаний, помимо практических результатов, в самом знании есть уже громадная радость, и жизнь человека, обладающего большими знаниями, гораздо богаче и интереснее нежели невежественного.

Все наши изобретения, даже самые удивительные, явились результатом наблюдений над существующим в природе: ничего оригинального, совсем иного, того чего в природе нет мы выдумать не можем, самое большое и самое гениальное мы получаем комбинируя уже имеющееся в окружающем нас. Все гипотезы стараются, более или менее удачно и более или менее временно, объяснить существующее в природе и в нас самих, но ни одна из них и подойти не может к объяснению почему это существует, почему именно такое, а не иное, откуда оно взялось и для чего, и самое главное, для чего существуем мы сами, куда придем и зачем: ни одна гипотеза на это ответа дать не может. Научными гипотезами объяснено только кое-что, а остальное отдается случаю, и почему существует случай и чем он управляется, остается неразрешенным.

Гипотеза высшего разума выводит нас из тупика, в который мы заходим неизбежно, как бы много знаний мы ни приобрели и даже чем больше знаний, тем глубже и безвыходнее тупик. Цель и смысл нашего существования не выясняются, остаются загадкой, и даже чем больше знаний, чем больше глубокого мышления, тем больше эта загадка. Говорят о прогрессе, об улучшении жизни последующих поколений, но это только ставит вопрос почему мы должны заботиться о жизни будущих поколений, таких же мимолетных как и наше, а не думать только о собственной жизни. И туда ли мы ведем эти будущие поколения куда нужно, по пра-

вильному ли пути? Но главное, зачем их вести — они так же одна секунда вечности как и мы сами, почему нужно думать о них и пренебрегать сегодняшним своим? Вообще, почему что-нибудь «нужно», кто это «нужно» нам поставил и вменил в обязанность, может быть это ошибка, недомыслие, нас обморочили?.. И вот только идея высшего разума, который знает, что есть смысл и цель, поставил ее, и направляет нас к этой цели, разрешает все эти проклятые вопросы. Это не только духовный результат, но и практический, больший чем от всех других научных гипотез.

Известный математик Пуанкаре написал :

«Только наука строит прочно. Она построила уже астрономию и физику, строит биологию, а в будущем построит и мораль.»

Он ошибается, морали наука построить не может. Или вернее может построить ее только та наука, которая принимает финализм, то-есть цель мироздания, а та наука, которая эту цель принимает приходит и к идее высшего разума. Отрицающие финализм, то-есть конечную цель, к которой идет мир, утверждают, что в мире всё случайно, законы природы создались сами собой, и это всё сегодня идет вверх, а завтра может быть пойдет вниз. Человек просто один из видов животных и вовсе не самый совершенный и на его место, когда он станет вырождаться, придут какие-то другие существа, которые станут первыми на нашей планете. А потом и они опять пойдут к упадку, и их сменят другие, еще более жизнеспособные и может быть вовсе не более высокие духовно... Если поверить в такую теорию, то весьма печальной представляется жизнь человечества и уже во всяком случае тут никак не построишь никакой морали. Даже если всё идет к совершенствованию и человек всегда будет царем природы, то и тогда остается проклятый вопрос — «а зачем я буду чем-то жертвовать для следующих поколений таких же мимолетных как и мое?» — но если всё еще и не идет к совершенствованию, и человека может быть сменят другие существа, то тогда просто идиотски глупо заботиться о следующих поколениях и жертвовать хоть чем-нибудь малейшим сегодняшним ради будущего.

Да, на основании гипотезы высшего разума нельзя построить электрическую лампочку, но косвенно эта гипотеза

нужна для всякого проявления энергии и творчества, она создает тот психический устой, на который человек опирается при всех своих сомнениях. Устраняется проклятый вопрос зачем я буду это делать, зачем мне общая польза; в болезни и несчастьи, в минуты безысходности и отчаяния является мысль, что он то знает это, почему это нужно для какой-то высшей цели и общего плана, является примиренность и душевное спокойствие. Человек не машина, не колесики, зубчики или рычаги рабстают в нем когда он что-то творит, рабстает его духовность, психика, а для них необходим психический устой, а его не может быть без идеи мирового разума.

59

Как уже сказано откровения религий неприемлемы для критикующего разума, уже хотя бы потому, что они столь различны и потому еще, что неприемлемым кажется будто где-то, когда-то, одному человеку Бог открыл свою волю не сообщая ее всем. Один из якобы величайших поэтов Данте в один из кругов ада поместил людей, которые были добрыми, честными, но обречены на вечное мучение только потому, что не знали об учении Христа, хотя ясно, что они не могли принять это учение, если они его не знали.

Чуждаяся порока и насилий,
Любя добро и мудрость оцени,
В язычестве они, к несчастью жили;
Закреты им спасения врата,
Отверстые поборникам Христа,
Крещение принявшим. К этим людям
Причислен я. Не знавшие Творца,
Мы жаждою блаженства вечно будем
Томиться здесь без меры и конца.

Вообще приходится поражаться узости мысли Данте. Весь ад он населил сплошь итальянцами, главным образом своими политическими врагами. Из не итальянцев он поселил в аду только Магомета, у которого из распоротого живота вываливаются внутренности и Иуду Искаротского, висящего кверху ногами в пасти самого Люцифера.

Откровение в нас самих и дано каждому. В Евангелии есть гениальная фраза — « царство Божие внутри вас ».

Там не сказано, что внутри нас и откровение, но к этому приводит наше разумное мышление.

Буддийское утверждение, что жизнь есть сплошное страдание и таковой должна быть, представляется абсурдным, также как и аскетизм, какой пробуют вывести из христианского учения. Невообразимо для нашего разума, немислимо, чтобы высший разум хотел сделать нашу жизнь печальной, пассивной и бездеятельной, гораздо вернее, что он хочет, чтобы человек был энергичным, веселым, умелым, чтобы он постоянно помнил о своем долге, долге кровяного шарика или пылинки мироздания: мы, каждый из нас, должны помнить, что наше назначение быть полезными общему мировому организму и только выполняя это веление мы исполним волю высшего разума. В христианских молитвословиях есть великопостная молитва Ефрема Сирина — « дух праздности, дух уныния не даждь ми... » Эти слова приемлемы для самого рационального мышления. Бог не мог желать, чтобы мы печалились или плакали, веселое приятнее ему нежели печаль и плач, а тем более праздность.

60

Помочь своему отдельному кровяному шарикю человек не может, хотя этот шарик нераздельная его часть. Также профессор не может помочь отдельной дрософиле, их слишком много и уследить за каждой он не в силах, да ему и не нужно. Однако, отсюда вовсе не следует, что высший разум не может уследить за каждым из нас, если он этого захочет — но вопрос хочет ли он этого или нарочно дал нам свободную волю и предоставил самим себе. Может быть какой-нибудь кровяной шарик моего тела и просит меня о чем-нибудь, но я этого не знаю и помочь ему не могу. Я хочу, чтобы он сам справлялся со своими затруднениями, хочу от него энергичной рабсты, деятельности, хочу, чтобы его поведение было полезно и приятно для моего организма. Того же самого хочет профессор от своей дрософилы, он хочет, чтобы она подтвердила его научные предположения, чтобы она выполнила данное ей поручение.

Предполагая, что высший разум не только может, но и хочет исполнять иногда наши желания, мы должны как-

будто просить его об этом и на языке религии такая просьба называется молитвой. Молитвы наши часто не только противоречивы, но и абсурдны, молитва одного человека может быть противоположна молитве другого — на войне противники молятся о взаимном уничтожении. Громадное большинство наших молитв неприемлемы для высшего разума — это даже нам понятно. Даже в нашем ограниченном мышлении являются сомнения, вообще нужны ли Богу молитвы, молитв ли он ждет от нас? И навязывается вывод, что не молитв, а поступков согласных с его велениями. Но тем не менее известная ценность молитвы остается. Неважно в каких мудреных или самых простых и наивных словах она выражена, ценность ее в том, что она создает настроение и заставляет лишней раз вспоминать о мировом разуме, а это вспоминание неизбежно отражается на нашем поведении.

† 61

Если луну представить себе в виде горошины, то солнце будет шаром, который не вместится в большую комнату, однако для нашего глаза луна и солнце одинаковой величины, точно нарочно так кто-то рассчитал и поместил их на таких расстояниях, чтобы эта крошечная луна могла полностью закрывать солнце во время солнечных затмений. Всё в небесных пространствах вертится, вертится и луна, но как-то так вышло, что она вертясь, всегда обращена к нам только одной стороной и что на другой стороне, мы не знаем. В небесных пространствах всё вертится, а принципа колеса ни у одного живого организма на нашей планете нет, везде рычаг, хотя, например, человеку было бы легче передвигаться, если бы его ноги были не рычагами, как теперь, а вроде колес велосипеда... Чудеса вокруг нас, на каждом шагу и они не кажутся нам чудесами только потому, что мы к ним привыкли. Разве не чудо, что из маленького зернышка вырастает громадное дерево, из мягкой земли вдруг торчит твердый как железо ствол — это все равно, что в перину вставлена палка и выросла из этой перины. Но самое поразительное чудо — это мы сами. Раньше считали, что все наследственные признаки передаются микроскопическим сперматозоидом и женским яйцом, но потом выяснилось,

что наследственность передается только крошечными крупинками, хромосомами, составляющими незначительную часть этих зародышевых клеток. А еще дальше оказалось, что все наследственные признаки передаются и не хромосомами, а только генами, которых много в каждом хромозоме, и не всеми генами, а немногими, отдельными, единичными. Весьма вероятно, что в дальнейшем окажется, что и в этих ультра-микроскопических генах только какая-то небольшая их составная часть передает наследственные черты. Передается форма носа и ушей, и другие особенности лица, походка, даже умственные способности и вкусы — сын или внук, и много дальше какой-то потомок, точно не похож на своего родоначальника, но что-то характерное непременно передается. Всё то, что мы знаем вокруг нас почти сплошь чудесно и чтобы уйти от слова чудо мы называем это законами природы, хотя и этих законов мы тоже не знаем или вернее знаем только маленькую часть их, при этом только то, что делается на нашей планете и делается в наше время. Когда мы по аналогии заключаем, что тоже самое происходит, происходило и будет происходить и в остальных необъятных пространствах вселенной, на других планетах и звездах, мы только предполагаем и может быть предполагаем ошибочно.

Упираясь в вопрос о начале начал и конце концов, современная мысль приходит к выводу, что всё существует из вечности и идет в вечность, подчиняясь законам эволюции и на этом как-бы успокаивается. Успокаивается впрочем поневоле, потому что дальше идти некуда и всё остается не только необъяснимым, но еще более непостижимым и бессмысленным. Вечность и позади нас и впереди для нашего разума непостижимы, как и вообще понятие вечность. Хорошо, всё идет из вечности в вечность, всё началось само собой, или никогда не начиналось и никогда не кончится, но какова же цель, какой смысл нашего существования? Ведь в этой мысли о том, что всё из вечности в вечность и всё само собой, полная безысходность, наша ненужность, нелепая бесцельность нашего существования, мрачная картина, смотря на которую можно повеситься. И зачем мы так боремся за нашу кратковременную жизнь, за каждый лишний день жизни, если в ней нет цели и смысла и если она только се-

куда вечности, и в особенности если она неприятна, связана со страданиями? Высший разум и его свойства для нас непостижимы, но если вместо формулы из вечности в вечность мы примем, что мир управляется высшим разумом, хотя бы и непостижимым для нас, как непостижима и вечность, тогда вдруг всё приобретает смысл и цель. Мы не знаем этого смысла и цели, но зато знаем уже, что есть цель и есть смысл и уже по одному этому гипотеза высшего разума выше гипотезы о самосущей вечности.

62

Раньше воевали на земле и на воде, теперь воюют и под водой и в воздухе. Воздушная война принесла с собой такие страшные переживания, каких раньше не было : нет больше мест безопасных, нет тыла, вся земля и всё море, и весь воздух воюют. Наши дома даже самые прочные, защищавшие нас раньше от дождей, бурь, холода, пуль и даже снарядов, охранявшие наш домашний уют, больше не защита, нет такого дома, который не пробивала бы большая бомба и сам гениальный изобретатель этих чудесных бомбовозов и бомб будет разорван на куски, если во время не скроется в каком-нибудь особенно совершенное убежище, а могут быть и такие случаи, когда и никакое убежище не поможет.

Что можно выдумать еще дальше? Разве что смертоносные лучи марсиан из фантастического романа Уэллса или лучи доктора Олонова из моего романа « Фуга ». Но и такие лучи уже ужаса не прибавят, он доведен в последней войне до предела... Я писал это во время войны, когда еще не было атомной бомбы, теперь она есть. Это делает будущую войну еще более ужасной, но вместе с тем доводит ее до абсурда. Атомную бомбу построили ученые на основании своих долговременных лабораторных опытов и некоторые отдавшие почти всю жизнь этой работе, уже понимают и сожалеют, что их мозговая работа в результате послужила разрушению. Наивно было бы думать, наивно и неизменно, что эти ученые, соль земли, сохранят тайну своих достижений и отдадут ее какому-то одному государству для угрозы и разрушения других государств. Все научные открытия, вся высокая и достойная работа

ученых, всегда становилась достоянием и всех других ученых, а значит и всего культурного человечества. Так будет и с атомной бомбой, ее секрет может храниться недолго, а вернее уже не секрет, и начинать новую войну с атомными бомбами, это значит нести разрушение и смерть не только другим, но и самим себе. До такого абсурда люди не дойдут даже и при современном уровне нашей психики и никакой атомной войны не будет, а угроза ее, предвидение такой войны, остановит человечество от всякой войны в дальнейшем. И выйдет так, что атомная бомба, несмотря на всё дипломатическое хитроумие и античеловеческую национальную рознь, еще живущую в людях, уничтожит войну.

Может быть и даже наверное — и эта страшная война имеет смысл и особую ценность помимо тех, о которых люди говорят: она изменит нашу психику и человечество пойдет по новому, более верному пути; может быть — кто знает — именно такая война с бомбометами и атомной бомбой и входит в план начертанный высшим разумом, для того, чтобы образумить людей; может быть — кто знает — на каких-то других обитаемых планетах в беспредельном пространстве атомные бомбы и другое, еще более страшное, были применены еще тогда, когда наша земля только формировалась, и пройдя этот страшный путь тамошние существа несравнимо совершеннее нас и ближе к пониманию велений высшего разума...

63

Решительно все равно молится ли человек крестясь двумя перстами или тремя или вовсе не крестится, или как тибетский монах вертит ящик с тысячей молитв, важно только то, что его религиозный ритуал направляет его мысль к Богу. Если отцы, деды и прадеды человека так молились, то ему до известных границ умственного развития такая молитва ближе всего и приятнее, она дает ему молитвенное настроение, отрывает его от повседневной, низменной суеты и направляет к чему-то более возвышенному. Всякая молитва хороша, по какому бы ритуалу она не совершалась, но без мысли, что только она, именно такая, угодна Богу, и что мыслящих иначе надо жечь, как сожгли моего предка Ав-

вакума за то, что он не хотел креститься троеперстием. Когда служители культов поймут это, когда им это будет внушено, тогда все они окажутся нужными работниками в социальном строительстве человечества.

Было время когда мне казалось, что всякий религиозный обряд может вызвать у меня только безразличие или даже отталкивание, я тогда воевал с религией. Однако запомнилась служба на океане, в бурю : она обычно происходит на всех английских судах по воскресеньям, и если нет духовного лица, то его роль выполняет капитан, читает псалмы на аналое покрытом английским флагом, а присутствующие поют :

И перед взором твоим тысяча лет,
Проходит как один вечер...

Этот псалом, это пение, совсем в необычной обстановке, среди океана, произвело на меня большое впечатление и на годы запомнилось. Нет человека, на которого в каком-то случае не подействовал бы ритуал, особенно если он торжественный, и отрицая его разумом человек все-таки поддается настроению окружающего и его мысль уходит с обычных путей в иные непривычные сферы. Ритуал действует и на высококультурных людей, а тем более на людей малокультурных. Давно доказано и психологией, и литературой, и личным опытом людей, что нет такого грубого, холодного, жестокого и злого человека, в котором не таились бы добрые чувства и порывы, надо только умело подойти к нему, пробудить их — и тут ритуал может играть большую роль, изменное мышление меняется, человек поднимается на духовную высоту хотя бы и ненадолго. Роль ритуала очень важна. Рационализация некоторых религий, очищение их от ритуалов и остатков магии, делает их более приемлемыми для критикующего разума, но и в то же время эти оголенные религии утрачивают свое мистическое влияние на души малых сих.

Знатоки музыки часто презрительно отзываются о разных опереточных мотивах, песенках, а народные мотивы признают только в такой высоко-музыкальной аранжировке, что те, которые когда-то их пели, не узнали бы. Они называют пошлятинкой эту общепонятную музыку, для них мотивы Оффенбаха или Планкетта что-то недостойное

внимания, им понятен только Бах, Бетховен, некоторым Вагнер или русский Скрябин. Есть сколько-то людей, очень немного, которые думают как они, хотя иногда и с удовольствием слушают Оффенбаха, не признаваясь в этом. Но громадное большинство людей вырастает, живет и умирает с простыми общедоступными мелодиями, с ними у них связаны всякие переживания, они действуют на их настроения, они им дороги. Этими простенькими мотивами живут миллионы людей, а высшие достижения контрапункта трогают только немногих. Ритуал нельзя оправдать философской теорией контрапункта, но он могущественнее философии и те религии, где ритуал особенно торжественен будут всегда привлекать к себе наибольшее число адептов. И отдельные люди, и государства пройдя через периоды отрицания возвращаются к ритуалу в той или иной форме.

64

Кант на склоне дней написал :

Звездное небо надо мною
И нравственный закон во мне.

Потративши одиннадцать лет на свою « Критику чистого разума » он ввел в философский язык несколько новых терминов, как-будто до чего-то дошел, ровно ничего не выяснивши в основных вопросах нашего бытия, когда перед ним стал вопрос об основах морали. Феномен, нумен, имманентный, трансцендентный, трансцендентальный, субстанция, постулат, амфиболия рефлексивных понятий, пневматология, что на общепонятном языке значит просто учение о святом духе, всякие такие слова и фразы из философского лексикона в конце концов часто только затемняют мышление непосвященного. Чем выше мысль, тем она проще и яснее и любую мысль можно высказать простыми и ясными словами, если мысль ясна самому автору. Окруживши себя малопонятными для непосвященных терминами, богословские философы делают вид или вернее стараются произвести впечатление, что они поняли что-то такое, чего не понимают другие.

Американский ученый Джэмс Робинсон пишет : « Кант назвал свою громадную работу « Критика чистого разума ».

Но для современного психолога или философа « чистый разум » представляется алхимическим золотом; это дивное золото прозрачно, как стекло, которым вымощен рай — но оно, к сожалению, не существует... »

Прежние философы считали, что наш разум имеет дело только с сознательной мыслью. Это был разум ощущающий, припоминающий, обсуждающий, строящий выводы, понимающий, верящий, хотящий. Но позднее было установлено, что мы вовсе не сознаем большей части того, что ощущаем, припоминаем, хотим, заключаем; и что большая часть нашего сознательного мышления зависит от того, что мы не сознаем...

Кто может сказать, что не надо читать старых философов, кто станет отрицать их большую роль в тренировке и развитии человеческой мысли, но остановиться на них, и сегодня думать как они думали, и верить им, и не требовать, чтобы философская мысль стала понятна, было бы заблуждением. Паутину можно рассматривать, но нельзя опутываться ею.

Кант однако лучше других философов понял, что без идеи высшего разума, без финализма в эволюции вселенной, мораль ни на чем построить нельзя. И в дальнейших своих книгах, в « Книге практического разума » и других он пришел, наконец, к трем постулатам, на которых только по его мнению и может быть построена мораль :

Бессмертие души,
Свободная воля,
Высший разум.

Эти три необходимых предпосылки для обоснования морали Кант назвал постулатами. Своими постулатами и еще раньше новыми мудреными словами он затемнил простую и ясную и в то же время величайшую идею, идею мирового разума. Категорическое утверждение, что мы обладаем бессмертной душой неприемлемо для критикующего разума. Нигде, ни в чем, никогда не было доказательств, что у каждого из нас есть бессмертная душа. Самое слово « душа » туманно, ему теми же философами противопоставляется слово дух. У кого же в природе есть душа? У устрицы или бактерии есть или нет? У человекоподобной обезьяны или умной собаки есть или нет? Если душа только у человека, что уже не укладывается в голову эволюционистов, то когда же она у него появляется? Она есть уже в зародышевом яйце

еще неоплодотворенном или только в оплодотворенном? Была ли она у мертворожденного младенца? Что же она, эта загадочная душа, вселяется в младенца в момент его рождения? И откуда вообще берется столько новых душ для миллионов людей рождающихся теперь и многих миллиардов умерших раньше? Католические богословы утверждают, что души неродившихся младенцев пребывают в каком-то «лимбе», чему нет даже соответствующего слова по русски: это совсем не чистилище или преддверие ада, где находятся души умерших, ждущие страшного суда, и это не Елисейские поля из Дантова «Ада», это еще какое-то совсем особое помещение.

Недавно во Франции вышла книжка с полным перечнем сросшихся близнецов, родившихся и зарегистрированных на земле за последние сто лет. Детальное описание этих несчастных существ очень интересно, но совершенно неожиданно, по крайней мере для меня, автор в конце книжки сводит к вопросу у кого из этих сросшихся близнецов одна душа и у кого две. Оказывается, что этим вопросом очень внимательно занимались богословы и пришли к совершенно определенным выводам: если головы две и сердца два, а половые органы только одни и только две ноги, то тогда души все-таки две, в некоторых же других случаях душа только одна!

Таких вопросов может быть еще сколько угодно и все они не только противоречат понятию о душе, но иногда просто юмористичны. Потому уже этот первый постулат Канта сразу вызывает улыбку не только у скептика, но даже просто у мыслящего человека, и уже с презумпцией недоверия мыслящий человек переходит к следующим постулатам.

Второй постулат о свободной воле менее неприемлем, но тоже вызывает сомнения и оговорки. Может быть наша воля и свободна, но во всяком случае не вполне. Христианские религии особенно настаивают на свободе воли, так как без нее падают все догматы о грехопадении, первородном грехе и искуплении. Но настаивая на этом, богословы в то же время наделили Бога им откуда-то известными семью свойствами, именно семью, не больше, не меньше, потому что число семь мистично. Из этих свойств божиих выходит полное противоречие свободе нашей воли, предопределение и предведение уже исключают свободу наших поступков: раз в кни-

ге бытия из века записана наша судьба и ни один волос не может упасть с головы человека без воли божией, то где же тут наша свободная воля?

Все эти доводы богословов основаны на откровении, откуда они и выкопали свойства божии до числа семь, для мыслящего человека откровение не убедительно, он его отрицает и о свободе воли рассуждает на основании научных знаний и опыта.

Взять хотя бы наследственность, влияние мышления и эмоций наших предков. Мы рождаемся в этом влиянии и часто несмотря на все усилия и даже психоанализ, самоанализ не можем от этих влияний уйти, подсознание часто сильнее сознания. Да, наша воля свободна и не свободна, мы ответственны за свои поступки, но часто не можем совладать с собой и может быть в этом виноват какой-нибудь дедушка или прабабушка или еще более отдаленный предок. Это большой и важный вопрос, и если не сейчас, то в недалеком будущем людям придется решать его не только философски, но и практически. Очень может быть, и даже наверно будет, что в целях охраны общества, человеческого рода, духовного прогресса, надо будет запретить дегенеративным и преступным людям производить потомство, только таким образом может быть уменьшено громадное влияние плохой наследственности. Ставя точку над и, нужно решиться сказать, что это равносильно небольшой насильственной операции, к которой уже теперь некоторые прибегают вполне добровольно, правда не в интересах социальных, а с целью омоложения — пока это делают только мужские особи так как вопрос о женской половине человеческого рода еще недостаточно разработан. Много из того, что казалось нашим предкам совсем неосознанным и противоестественным, сегодня считается вполне приемлемым и нормальным, а тут идет вопрос о благополучии не отдельных особей, а всего человечества.

Люди более сильной воли неизбежно влияют на более слабых людей, и те не могут уйти от этого влияния, несмотря на все усилия. Человек родившийся в высоко-духовной семье, живя в такой среде оказывается более восприимчивым к высоким идеям и чувствам и наоборот, родившийся в семье духовно-низменной уже этим самым, помимо его воли,

до известной степени, скован и отягчен. Правда, что исключительным натурам удается стряхнуть с себя почти полностью влияние среды и даже наследственности, но это редкие исключения. Гении рождаются в самых посредственных семьях, без всяких гениальных предков, но гении очень редкое явление... Однако, свободная воля, хотя бы и отягченная наследием или средой, у нас есть, должна быть, иначе мы только петрушки, или фантоши, а не мыслящие существа.

65

Для того чтобы придти к гипотезе высшего разума, нужно ознакомиться со всеми философскими системами, нужно ознакомиться для того, чтобы уже не было надежды, что где-то в европейской мысли, или в восточной, вплоть до тибетских учителей, есть какое-то неведомое нам откровение всё объясняющее. « Мы не знаем тайн мироздания, но вот там, в Голубых горах Индии есть люди, которым всё открыто... » Эти « Голубые горы » выдумала Блаватская, и я, тогда еще легко поддававшийся блэфу и мистификации, приехавши впервые в Индию, искал эти « Голубые горы » — но оказалось, что никаких « Голубых гор » в Индии не существует, а все эти йоги, факиры и бодисатвы в громадном большинстве оказались просто или попрошайками или фокусниками, или просто бедными, жалкими людьми, вызывающими только чувство сожаления.

Пройти курс философии также необходимо для того, кто не хочет верить, а хочет знать, как и пройти курсы естественных наук, так же важна, или почти так же, метафизика как и физика. Знание естественных наук делает жизнь более интересной и радостной, меньше всяких сомнений и жупелов, сразу ясно, что может быть и чего не может быть в окружающем нас, боишься уже только предметов, вещей, фактов, а не их теней. Легче ориентируешься в окружающем, многое непонятное раньше становится понятным и остается только одно непонятное и непостижимое — цель нашего существования.

Накануне войны французский офицер говорил мне по секрету, сам веря в то что говорит, что у французского военного министерства есть секрет, который решит войну —

можно на большом расстоянии при помощи особых секретных лучей остановить действие любого мотора, где есть электрическое зажигание. Он сам видел как на шоссе за Версалем, недалеко от Сэн-Сира, вдруг на расстоянии десятка километров, были остановлены этими невидимыми лучами все автомобили и стояли так полчаса, а потом опять зажигание стало действовать и все пошло нормальным ходом куда хотели! Позже я слышал рассказы в Париже, что немцы посылают теперь патрули с особыми детекторами, которыми они на расстоянии, через стены, могут определить где слушают сейчас радио-волну такой-то длины, т. е. иностранное радио. «Нужно быть очень осторожным» — добавляли говорившие. И французский офицер, и эти говорившие просто не имели достаточных познаний по физике и потому совершенно невозможное казалось им фактом. Вторые, при этом веря в такие несуществующие детекторы, упускали из виду своих соседей и даже иногда хороших знакомых, которые могли на них донести, и нередко доносили.

66

Пока человеку говорят, что он должен верить в Бога, он может в этом сомневаться; он может считать, что он вообще ничего не должен, и кто это может заставить его в это верить. Но когда он, вооруженный знаниями и физическими и метафизическими, приходит к мысли, что без гипотезы высшего разума всё в мире абсурдно, тогда у него уже нет никаких сомнений и тогда его жизнь становится осмысленной, тогда его моральный закон имеет основания.

Слово атеизм в том значении, какое ему придают теперь, совсем ново; до конца XVIII века под атеизмом разумелось другое. В первые века христианства атеистами называли христиан за то, что они не поклонялись римским богам. Уже несколько писателей, особенно в Англии и в Америке, поднимали вопрос о том, что прочно вошедшие в обиход слова, иногда и даже часто, очень растяжимы, неточны и вносят путаницу. Теперь атеистами называют людей отрицающих существование в мире высшего разума, т. е. отрицающих разумность мироздания и конечную цель его. Как будто с такой точки зрения атеистом может быть только

мрачный пессимист, и такое мировоззрение не только печально, а еще и никуда не приводит, ничего не разрешает. Впрочем, настоящих атеистов нет, одни слова, и пессимистов очень мало, самый ярый пессимист все-таки в подсознании носит надежду на лучшее, по крайней мере для самого себя.

Древние греки и те же древние римляне, что звали христиан атеистами, поклонялись как-будто многим богам, но если посмотреть глубже, то у них тоже была мысль о какой-то единой высшей воле правящей миром, они называли ее судьбой, роком. Сам Юпитер или Зевс, самый главный бог, был бессилен против судьбы и иногда, как говорят мифы, его веления разбивались о волю рока. Судьба или рок являлись тем единым высшим началом, которое всем управляет и от которого всё зависит. Подходя с таким мышлением приходится заключить, что эти древние религии, греческая и римская, в основе тоже были единобожны.

Вольтера считали безбожником, он нападал на клерикалов, находил абсурды в священном писании, но атеистом он не был. Однако понятие атеист и у него было туманно: он смеется над тем, что богословы считали атеистами Ньютона и Паскаля, но сам заявляет, что Спиноза был атеистом. Утверждение странное, потому что Спиноза написал целую книгу с доказательствами бытия божия, выдержки из которой я привожу. Вольтер говорит, что атеистов в полном смысле этого слова, если это мыслящие люди, быть не может, но в приближении к атеизму были философы и сенаторы древнего Рима, что и повлекло за собой падение Римской Империи, так буквально он пишет в своем «Философском Словаре»!

Кант такой большой ум, что он не мог не чувствовать шаткости своего первого постулата о бессмертии души, но можно легко понять почему он ему все-таки понадобился для обоснования морали. Ведь дело в том, что если мы после смерти погружаемся в черное холодное небытие, нас больше нет и никогда ни в каком виде больше не будет, всё кончено, то где же тогда импульс быть моральным, а не презревши всё и всех следовать только своим желаниям и ничем не стес-

няясь удовлетворять их — тогда нет никакого « должно », тогда всё позволено, что хочешь, и вообще не у кого спрашивать позволения. Другое дело, если что-то остается от нас и после смерти и это что-то существует вечно. Для существования в вечности можно делать самые большие усилия и приносить любую жертву отказываясь от сегодняшних радостей, чтобы выполнять законы вселенной и служить целям мироздания.

Такие философы как Бергсон, тоже неизбежно задаваясь этой мыслью, выход находят в том, что аморальный человек есть человек ненормальный, психически больной, на пути к сумасшествию. Откуда Бергсон знает что нормально и что ненормально, есть люди, которые считают ненормальным его мышление; кто знает что нормально и что ненормально в нашем мире. Вполне возможен человек, который откинувши всякие сказки о совести или обязанностях к ближнему, решает для себя самого, и только для себя самого, что ему всё позволено ибо никто запретить не может, пока это делается тайно, и думает только о том, как скрывать свои так называемые аморальные поступки. Он даже уверен, что остальные непонимающие этого, просто дураки; он умнее окружающих, никаких запретов нет, общественное благо, а тем более жизнь последующих поколений ему безразличны и он совершенно свободен делать всё, что хочет, лишь бы окружающие не поняли и не узнали, какой он, лишь бы полиция и судебные власти не могли доказать, что он в чем-то виновен и даже ни в чем антиобщественном и противозаконном не подозревали его : он, умный, хитрый, и ловкий, хорошо знает, что никому нельзя доверять свои тайны, сегодняшний самый близкий друг или любимая женщина может завтра оказаться врагом, а если не врагом, то просто проболтается, он хранит свои поступки и свое мировоззрение только для себя, у него нет сообщников, а когда они и есть, они только слепое орудие и не знают сути его намерений — и он, как штирнеровский индивидуум, как ницшеанский сверхчеловек, смеясь над законами морали живет только для себя и при этом постоянно чувствует еще и свое превосходство над доверчивой массой. Правда, что такая жизнь трудна, требует постоянной осторожности, но она вполне возможна; для общества такие люди вредны

и даже страшны, но им это безразлично. И действительно, если нет ни для кого бессмертия, если нет возмездия, если нет велений мирового разума, а только здешняя мимолетная жизнь, убеждать их нечем. Ницше и Штирнер, и другие меньшие развлекали идеи о сверхчеловеке и нации господ, и идеи эти заразили немало людей не только в Германии. Что касается Ницше, то он мыслил весьма различно в разные периоды своей жизни, но наиболее пикантными и заразительными стали его последние сочинения того периода, когда уже начиналось его помешательство. Когда Гитлер послал низверженному Муссолини в подарок полное собрание сочинений Ницше в роскошных переплетах, он несомненно имел в виду последние томы, может быть их только и читал.

У Достоевского Раскольников убивает старуху закладчицу тоже на основании идеи, что особенным людям всё позволено, но он все-таки оправдывает свой поступок общественной пользой, тем что это ведет к осуществлению идеи спасительной для всего человечества: в дальнейшем заострении такое мышление приводит к тому, что всё может быть позволено для особенного человека и без всякой общественной пользы, общественная польза для него такой же жупел как и совесть, и веления морали. Раскольников в разговоре с Порфирием высказывает мысль, что людей способных дать человечеству новую идею рождается очень мало, а значит мало и таких которым всё позволено: но людей, которые без всяких высоких идей полезных для человечества думают, что им всё позволено, рождается очень немало и всё больше и больше, и они представляют большую опасность для остальных, при этом они очень трудно улавливаемы, ибо нередко это люди хитрые и осторожные, и преступления их неуловимы, а еще более неуловимо их разлагающее влияние.

У спартанцев мораль была иная чем у афинян, мораль христианская отличается от морали японской, мораль Ветхого Завета иная нежели мораль Нового Завета, можно говорить о партийной морали, о морали данного класса, о морали национальной, о морали кланов, даже в разбойничьем стане может быть своя мораль. Здесь идет речь о морали годной для всех, о морали которая представляется соответствующей велениям мирового разума — только такая мораль может вести к совершенствованию мира. Ища некоторые

откровения в нашем собственном теле мы видим, что функции разных клеточек нашего организма весьма различны, но никакая из них не должна быть угнетаема, все должны наилучше питаться, только тогда организм совершенно здоров. Некоторые клетки более важны для жизни организма и более ответственны, разным клеткам нужно разное питание и разные условия для лучшей их работы, но среди миллиардов клеток нет ни одной, которая должна быть угнетаема или должна плохо питаться. Правда, есть особые клетки, клетки паразитические или болезнетворные — организм их выбрасывает или погибает от их присутствия. Это удивительное откровение в нас самих. Мораль в высшем и единственно возможном понимании заключает в себе прежде всего обязательства отдельной личности в отношении всех других, именно всех других. Мораль и право разнятся тем, что право сохраняет одно и запрещает другое, а мораль по первому взгляду как-будто ничего не дает, а только обязывает или запрещает: это так потому, что законы морали не выполняются, если бы они выполнялись всеми, то мораль заменила бы и право, право оказалось бы ненужным. Полного подчинения велениям морали люди достигнут нескоро, но из этого не следует, что где-то, в других мирах, это уже не достигнуто, так как жизнь там прошла уже через все стадии эволюции, прошла, должна была пройти, раз мир существует из вечности.

Во Франции считается всегда сорок бессмертных, академиксов; другие бессмертные якобы лежат в Пантеоне, всё больше архиепископы; в Англии якобы бессмертных хоронят в Вестминстерском Аббатстве, в Петербурге хоронили в Петропавловском соборе, а теперь в Москве в Кремлевской стене. В Египте бессмертных фараонов погребали в больших, довольно удобно устроенных, подземельях; в Риме торжественно сжигали... Но не такое бессмертие понимает Кант. Он не говорит какое, но вероятно ближе к христианскому пониманию бессмертия. Христианская религия обещает воскресение мертвых на страшном суде, но обещание это не только неясно, но даже совсем туманно, и вовсе неприем-

лемо для мыслящего человека. В каком виде умершие воскреснут? Старики стариками, а младенцы младенцами? Если у кого-нибудь в возрасте пятнадцати лет отрезали ногу, а умер он шестидесяти, то как он воскреснет — с ногой в пятнадцатилетнем возрасте или без ноги шестидесятилетним, или с отросшей ногой шестидесятилетним? Воскреснут ли уроды уродами, а красавцы красавцами, слепые слепыми или прозревшими? Воскреснут ли мертворожденные младенцы жившие только в утробе матери, и если воскреснут то в каком виде? Негры воскреснут черными или белыми, как европейцы? А китайцы или японцы с раскосыми глазами и прежние китайцы со своей неотъемлемой коссей? И пещерный человек в звериной шкуре с дубиной в руках, которой он добывал себе пищу и убивал соседа, такие как они были, или преображенными, такими же культурными как мы, современные европейцы?.. Даже самые заядлые богословы, самые казуистические и софистичные становятся втупик перед разъяснением этих вопросов, и чем больше стараться разъяснить, тем к большим абсурдам нужно будет прийти. Но все эти вопросы ни к чему, все равно такое воскресение неприемлемо для нашего разума.

В физической природе или материальной природе есть как-будто бессмертие, но только как-будто. Калифорнийские секвой живут больше пяти тысяч лет, японские криптомерии, австралийские эвкалипты и даже наши дубы достигают возраста в несколько сот лет. При благоприятных условиях из их семян к моменту их смерти выросли новые деревья, а когда и эти состарятся, будет еще новое поколение — как-будто непрерывающаяся жизнь индивида. Среди животных дольше всего живет черепаха, лет до трехсот, из птиц ворон и попугай, из млекопитающих слон, и опять таки когда они умирают, у них при обычных условиях есть уже потомство, а у этих потомков будет опять свое потомство... Если не принимать во внимание легендарных Мафусаилов, то самая длительная человеческая жизнь до сих пор научно установленная была сто сорок шесть лет — столько прожил какой-то болгарин, питавшийся главным образом кислым молоком. Может быть это кислое молоко и навело Мечникова на мысль, что оно особенно важно для долголетия человеческого организма — впрочем эта мечниковская

теория уже обанкротилась. Мне, тогда еще студенту, Мечников говорил в Париже в Пастеровском институте :

« Ешьте кислое молоко и финики и будете долго жить...»

Я написал большую статью в газеты об этом разговоре, но сам на кислое молоко и финики не перешел. Однако, многие увлекались теорией Мечникова и усиленно потребляя разные йогурты, кефиры и прочие виды квашеного молока нередко заражались коллибациллами и даже коховскими палочками. Такова участь многих самых научнейших открытий и теорий, ими вдруг увлекаются, как теперь, например, витаминами или сульфамидами и пеницилином, а через некоторое время вдруг выясняется, что теория была ложной и на смену ей приходит другая.

В этих словах нет ни недоверия к науке, ни какой-либо иронии, наука вместе с литературой и искусством величайшее достижение человеческого разума и в некоторых областях мы сделали уже громадные завоевания, но все-таки знаем мы еще очень мало и для будущих поколений необъятная область работы. Самые удивительные успехи у нас в области прикладных знаний, но зато наша психика мало изменилась со времени пещерного человека, тут почти ничего не сделано, а сделано может быть очень много, и будет сделано.

Приведенные выше цифры долголетия разумеется ничего общего не имеют с бессмертием. Это понятно не бессмертие, а только секунды вечности. Какие-нибудь динозауры или гигантозауры существовали миллионы лет, но в конце концов бесследно исчезли. Если прилагать ту же мерку к нам людям — а не прилагать ее, по теории эволюции, нет ни малейшего основания — то и мы люди рано или поздно должны исчезнуть с лица земли, тем более, что последние биологические теории уверяют, будто мы уже в периоде вырождения. Стремление к бессмертию, ложно понятому, у многих людей выражается желанием иметь как можно больше детей — у детей будут дети, у тех опять дети и таким образом через зародышевое яйцо индивидуальность будет жить и жить. У древних евреев, имевших смутные догматы о потусторонней жизни и даже совсем не веривших в загробную жизнь, особенно сильно было стремление иметь как можно больше детей, не меньше двенадцати, для сохранения бессмертия.

Когда в древних еврейских книгах говорится о наказании или возмездии после смерти, то разумелось, что это касалось четырех последующих земных поколений. У магометан и других восточных народов допущено многоженство не только из-за сексуальных желаний мужчин, но тоже из-за стремления народить как можно больше потомства, и недавно еще в Париж приезжал один восточный властитель с 40 сыновьями, а сколько детей было у ветхозаветных Соломонов, Давидов и прочих царей можно только догадываться...

Кант в своем первом постулате понимает, понятно, не такое физическое бессмертие; физического бессмертия нет. Примеров бессмертия нет в природе, но человек совсем отличен от всех других живых существ, какие были и есть на земле, в нем есть духовное начало, какого нет ни у одного животного, в него вложено мышление, творческая мысль, эмоции, он изменил уже свою жизнь и изменяет дальше, чего никогда не делало до него ни одно живое существо. Это не только жизненная сила или жизненное начало, о котором говорили виталисты в отличие от материалистов, это нечто гораздо большее, совсем новое, такое чего не было на земле до человека. И вот это что-то, данное только человеку и может быть бессмертным?

 69

Может быть наши яркие и высокие мысли, особенно творческие мысли, могут жить уже помимо нас. Они живут не только в книгах, они живут в сознании последующих поколений. Может быть эти наши высокие мысли, соответствующие заданиям вселенной, особенно творческие мысли, живут вечно, уже вечно по настоящему: земля перестанет существовать, а еще много раньше люди на ней, а эти рожденные нами мысли где-то останутся? И вот тут возможна мысль о бессмертии, но только для высокомысливших, для творческой мысли, а не для животных, зародышей или немыслящих еще младенцев.

Даже у самых близких к человеку по своему анатомическому строению животных, таких как шимпанзе, орангутанг или горилла, нет вне всяких сомнений мысли о бессмертии; эта мысль впервые явилась у человека, также как

и мысль о Боге. Самое присутствие, самая возможность мысли о бессмертии уже говорит о том, что мимо нее нельзя пройти, на ней надо остановиться, отбрасывать всё то чего мы не понимаем это не глубина мышления, а поверхностность недомыслия.

У каждого человека живет скрытое стремление к бессмертию, хотя он и доказывает себе, что бессмертия не существует, хотя и тщательно скрывает эту свою мысль. Наши научные современные знания ничего хорошего тут не сулят, всё говорит за невозможность бессмертия, ибо его нигде нет в природе. Это так, пока речь идет об индивидуальном бессмертии или даже бессмертии вида или рода. Совсем другое бессмертие космическое. В прошедшие времена говорили о гетерогенезисе, дальше об археогенезисе и биогенезисе. Биогенезис твердо остается в науке и до сих пор : данный живой организм может произойти только от другого такого же живого организма, это биогенезис. Археогенезис тоже продолжает еще жить в мыслях некоторых ученых — это значит, что когда-то раньше на земле была только мертвая материя, а потом каким-то образом появилась и живая. Вопрос очень интересный, но долго останавливаться на нем здесь не место, по этому вопросу написано уже много томов. Позднейшие научные космогонические теории устраняют археогенезис и говорят, что жизнь всегда была в космосе; не было такого момента, когда жизнь впервые появилась в мертвом космосе, она всегда была связана с ним, жизнь не имеет ни начала, ни конца, она вечна, непрекращаема. И вот мы, кусочек этой жизни, тоже значит вечны. Мысль очень приятная, но только к сожалению речь идет не об индивидуальной жизни, а о жизни общей, жизни всего мироздания. Современное знание не дает нам надежды на индивидуальное бессмертие, но может быть при расширении нашего горизонта мы и увидим эти возможности, это нисколько не противоречит всей совокупности теперешних научных знаний. Если все-таки исключить пока мысль о возможности индивидуального бессмертия, то наши законы морали, лично для каждого, шатаются. Мораль может строиться только на требованиях общей пользы, может быть только так сказать социальная мораль, которая и должна охраняться социальными законами. С этой точки зрения нет глупее мысли, как мысль

о непротивлении злу. Опять возникает вопрос, что есть зло? Понятие растяжимое и туманное поскольку это касается каждого в отдельности, но с точки зрения общей, социальной оно вполне определено и ясно — всё что может вредить другим, общему, то есть зло и с ним всеми мерами должен бороться государственный строй. Зло есть не только то, что приносит явный вред, но и то, что существует бесполезно или паразитично. Тут социальный закон вполне совпадает с тем откровением, которое дано в нас самих : всякая клетка нашего тела не выполняющая какой-либо работы отмирает и выбрасывается организмом, если этого не делается, то она обременяет организм и даже может повести к общему заболеванию. За моралью людей нужно постоянное наблюдение социальных законов, а в мысль о непротивлении злу нужно вбить осиновый кол.

Хотя всё в пределах наших современных знаний говорит за то, что индивидуального бессмертия нет, все-таки эта надежда нас не оставляет. Настойчиво напрашивается мысль : телесно мы не бессмертны, но может быть, если не у всех, то у некоторых более ярких из нас, и есть что-то бессмертное духовное, даже индивидуально бессмертное, но только ничего общего не имеющее с нашей физической земной жизнью.

70

Теософы и антропософы давно уже говорят об астральном теле и ауре окружающей каждого человека — у одних она ярче, у других она тусклее и даже разных цветов. Принять такие рассуждения, ничем недоказанные, критикующий разум не может. Оказывается, что аура, по их утверждениям, есть не только у каждого человека, но и у животных, например, у слона она светло-голубая! Весь спиритизм построен на якобы существовании этих астральных тел, они где-то живут и их можно вызывать, общаться с ними через медиумов. Еще Лев Толстой в своей комедии « Плоды просвещения » описывал спиритический сеанс. Не все спиритические сеансы так глупо и грубо обставлены, но что в них почти сплошное шарлатанство, в этом не может быть сомнений. Ряд видных медиумов и спиритов написали к концу жизни обширные мемуары и в них чистосердечно

рассказывают о своих трюках и фокусах, какими они морочили своих легковерных клиентов. Начиная от сестер Давенпорт и Юма, до недавно умершего Худини и другого известного американского фокусника и спирита Мюлхольянда, все они рассказывают, как сравнительно легко было морочить легковерных адептов. Даже такие несомненно умные люди, как писатель Конан Дойль, профессор Лодж, физик Крукс поддались этим обманам. Сестры Давенпорт рассказывают, как еще будучи девочками, они начали морочить своих домашних, а потом и посторонних. Им пришла в голову просто детская забава подвешивать под кроватью на ниточке яблоко, а ниточку протягивать к себе под одеяло. Когда они ложились спать и казалось уже давно заснули, вдруг в доме начинали раздаваться заглушенные звуки, то одиночные, то повторные — и с этого началось. Окружающие взрослые сразу придали этим звукам таинственное мистическое значение, и девочки убедившись, как это интересует взрослых, не только продолжали, но стали вносить всё новые и новые ухищрения, и дом наполнился таинственными явлениями. Дальше, подросши, сестры Давенпорт стали знаменитыми медиумами... Нечто подобное происходило в семье знакомого мне художника Рериха, ставшего ныне совсем знаменитым не только благодаря своим картинам, а спиритизму, и написавшего книгу о своем путешествии в Тибет, где он тоже видел чудеса. Его два сына, видя что отец после потрясений русской революции впал в мистицизм — задатки чего у него были и раньше — решили утешать его разными таинственными явлениями. Сначала этому они не придавали серьезного значения, но увидевши как сильно это интересует отца, и не только отца, а и некоторых окружающих, всё продолжали свои фокус-покусы и дело постепенно зашло так далеко, что возвращаться обратно, открывать свои проделки, было уже поздно. Нашлись еще помощники и, например, у меня в доме в Лондоне при их участии не только стучал и летал маленький столик, но и большой обеденный подымался на воздух.

Мне рассказывал один англичанин совершенно далекий от веры в чудеса и духов, как он ночевал в английской провинции в доме, про который говорили, что в нем по ночам ходят духи. Многие уверяли, что они сами если не видели,

то чувствовали присутствие этих духов. Англичанин только смеялся и заявил, что к нему духи во всяком случае не придут. Его положили спать в комнату для гостей и он уже засыпал, когда почувствовал, что одеяло на нем движется. Он зажег свечу, осмотрел комнату, думая что это мыши, но никаких мышей не было. Когда он опять лег, одеяло снова задвигалось и поползло с постели. Вскочивши с кровати, он опять зажег свечу, сорвал одеяло и тут обнаружил, что к уголку его прикреплена черная нитка идущая под дверь... Он выругал кого-то невидимого за дверью, нитку оборвал и дальше спал уже спокойно. Кто пристроил эту нитку и тащил за нее одеяло так и не выяснилось, но англичанин был уверен, что это проделка мальчугана, сына хэзаяв. При этом англичанин все-таки добавлял, что когда одеяло зашевелилось во второй раз, он был несколько смущен и даже испуган.

Однако даже самые отъявленные скептики убеждались, что на спиритических сеансах бывали какие-то трески, хотя руки медиума были связаны, и ноги тоже, эти трески казались совсем необъяснимым явлением. А вот один медиум в своей исповеди рассказывает, как он эти трески производил: после долгой тренировки можно научиться щелкать пальцами ноги так же громко, как испанки щелкают пальцами рук и при этом ноги могут быть как угодно связаны.

Один знакомый офицер в годы моего детства показывал фокус, долго меня волновавший. Он садился на стул среди комнаты, брал в руки палку, какую угодно, тер ее левой рукой, дул на нее и потом ставил ее на паркет около себя и палка стояла ни к чему не прикасаясь, иногда даже наклонялась, но опять выпрямлялась. Долго я умолял офицера, пока он раскрыл мне тайну и она оказалась до смешного простой.

Несмотря почти на сплошное шарлатанство среди спиритов, все-таки одним махом отбросить решительно всё нельзя, можно допустить, что у некоторых исключительных людей есть особенные способности, несвойственные другим людям, так называемые медиумические. Это еще область будущих исследований, но, конечно, эти медиумические способности ничего общего не имеют с вызовом духов.

Можно допустить мысль, что у человека высокой духовности, много думавшего, творившего идеи и яркие мысли,

образуется, постоянно сопутствуя ему, какое-то сплетение мозговых токов или церебронов, как бы магнитное поле, и этим иногда объясняется влияние на других людей; этим же может быть объяснено то, что одни люди как бы притягивают к себе, а другие отталкивают.

При современных знаниях грань между телесным и бес-телесным сглаживается, всё кванты и в телесном и бес-телесном. Может быть лучи человеческого мозга есть нечто вроде фотонов, из которых состоит световой луч. Фотоны уже найдены, но во что они превращаются дальше, куда они де-ваются еще неизвестно. Зеленые растения не могут жить без света, только под влиянием световых лучей образуется хлорофил, и все-таки остается невыясненным каково это дей-ствие фотонов, почему зеленый цвет листа получается только на свету — не входят ли фотоны в химическое соединение с другими составными частями клетки растения? Фотоны нашли только в световых лучах, в электрических только волны : а что же фотон несет в себе и тепло или только свет? Крышу оранжереи покрывают стеклами, световые лучи проходят через стекло и их тепло обратно не уходит, поэтому в оранжерее при солнце будет одинаково светло, подняты стекла или закрыты, но теплее будет когда они закрыты — это известно каждому работающему в оранжерее. Утверждение, что мыслящие существа есть только на нашей планете давно оставлено, все данные за то, что в мировом пространстве есть и другие населенные планеты, хотя бы и не в нашей солнечной системе. Может быть мы вместе с на-шим земным шаром только какой-то маленький палец ле-вой ноги вселенной, а где-то есть и голова с мозгом. Может быть наши мозговые фотоны устремляются туда и там сое-диняясь что-то образуют?

Все эти рассуждения на границе литературной фантазии, но в то же время никаких научных возражений им противо-поставить нельзя, а между тем они дают как-будто надежду на возможность бессмертия не только космического , и во вся-ком случае такие рассуждения радостны.

Еще раз можно повторить, что видимый и ощущаемый

нами мир нереален, настоящего реального мы ни видеть, ни как-либо иначе ощущать не можем. А отсюда является мысль, что в условиях окружающего нас мира воспринимаемого нашими чувствами, индивидуальное бессмертие трудно предположить, но это не значит, что оно невозможно в непостижимом нами мире. То что кажется нам невозможным, для разума высшего просто, и может быть где-то, среди существ порядка более высшего чем мы, уже давно поняли то, что нам еще непонятно.

Еще Платон задумывался над этим вопросом. Не вооруженный современными знаниями он мог придти к своей « Пещере » только интуитивно. У Канта тоже не было современных научных знаний и он тоже только интуитивно открыл « Вещь в себе », впрочем ничего этим не выяснив. Мы теперь в ином положении, современная наука категорически утверждает, что видимый и ощущаемый нами мир нереален, а того мира, который действительно существует, мы постигать и воспринимать не можем, и даже нет никакой надежды когда-либо его постигнуть, ибо мы всё воспринимаем нашими чувствами, ощущениями и их изменить мы не в силах; все те самые точные научные приборы, какими мы сейчас обладаем, тоже ничего действительно реального и точного дать не могут, их показания тоже воспринимаются через фильтр наших чувств. Одним словом, мы не можем познать ни окружающего нас, ни всей вселенной, мы тоже как сидящие в пещере Платона видим только тени действительности. А значит не можем судить, что возможно и что невозможно в том реальном мире, который нам недоступен, может быть там вопрос о бессмертии и решается очень просто. Все физические тела распадаются и через известное время их найти нельзя, но что касается наших мозговых токов, состоящих может быть из мозговых фотонов, которые я называю церебронами, о них мы не можем сказать что-либо с уверенностью, возможно, что в них есть бессмертие.

72

Свет солнца доходит до нас в восемь минут, но если бы это был звук, то мы слышали бы его только на шестнадцатый год. Если бы кто-нибудь живущий на солнце захотел

разговаривать с нами нашим обыкновенным способом, то задавши вопрос надо было бы ждать ответа больше тридцати лет... Впрочем все равно, ничего услышать мы не могли бы, так как междупланетное пространство пусто, в нем нет воздуха, а в безвоздушном пространстве звук распространяться не может. Еще недавно междупланетное пространство было наполнено эфиром. Что такое эфир весьма туманно, это была одна из научных гипотез, но она уже умирает.

Еще недавно нельзя было услышать без проволоки чей-нибудь голос из Москвы в Париж, но сегодня это очень просто, радио передает его и если аппарат хороший, то так явственно, точно говорят в вашей комнате — звук обратился в электрические волны и мы слышим его теперь на любом расстоянии, при этом передача не со скоростью звука, а со скоростью электричества, т. е. почти моментально. Но и тут, несмотря на громадную победу человеческого разума, мы идем еще ощупью: предполагается, что волна радиопередачи идет зигзагами, отталкиваясь от какого-то слоя выше стратосферы, а не по прямой линии — если бы волны радио шли по прямым линиям, как волны света, то они ушли бы в пространство и вследствие круглости земли мы не могли бы их слышать на далеком расстоянии...

Экспериментальным путем мы уже добились многого; но до сих пор идем ощупью: почему, например, длинные волны слышны лучше при одних атмосферических условиях, а короткие при других, объяснить не можем; почему передача на коротких волнах то становится ясной, то замирает, потом опять ясно слышно — тоже не знаем и т. д.

Уже определено, что вокруг земли, на расстоянии около 60-ти километров есть особый слой, от которого отталкиваются более длинные электрические волны; потом еще выше, на расстоянии в 200 кил. есть другой слой, от которого отталкиваются и более короткие электро-волны, проходящие через первый слой, но еще более короткие волны проходят и через этот второй слой и дальше идут куда угодно в пространстве, уже без всяких препятствий. На основании этой гипотезы уже удалось направить эти короткие волны на луну, там они оттолкнулись от луны и пришли обратно в аппарат наблюдателей на земле. Сегодня мы знаем, что это 60 кил. и 200 кил., завтра эти цифры могут несколько изме-

ниться и может еще добавиться какой-то новый слой на 300 клм. или 400, все эти данные только временны, но тем не менее мы всё дальше и дальше уходим в познании окружающего нас и вместе с тем нисколько не приближаемся к пониманию целого и по-прежнему не знаем откуда оно, зачем, и для чего наша жизнь.

Наши мозговые токи, существование которых несомненно, или передаются волнообразно, как звук, или они состоят из cerebroнов.

Последняя теория передачи света, теория нобелевского лауреата Дебройля, представляет собою комбинацию волн и фотонов, так называемая ондуляторная теория: теория или гипотеза весьма мудреная и несомненно не последняя, она понадобилась потому, что одни световые явления объяснялись волнообразностью, а другие только фотонами — однако фотоны для ученого столь же реальны, как и тот стол, о который я опираюсь сейчас моей правой ногой, или как та скверная сигара, которую я держу в левой руке. Как уже несколько раз сказано и эти фотоны, и стол, и моя нога, и эта сигара, нереальны, но для нас в пределах наших ощущений и чувств других реальностей нет и только эти мы можем воспринимать, мы сидим в пещере Платона и видим только тени и думаем о кантовской вещи в себе, которую тоже не постигаем.

Свет звезд достигает земли в миллионы лет, от спиральных туманностей в сотни миллионов лет, но сколько времени нужно cerebroнам нашего мозга, чтобы достигнуть отдаленной звезды? Может быть минута, может быть секунда, может быть скорость мозговых cerebroнов беспредельна, может быть все формулы Эйнштейна неверны, потому что он построил их на предположении, что ничто не может быть быстрее света? Вне наших возможностей измерить скорость мысли рожденной в мозгу. Скорость передачи ощущения из какой-то части тела в мозг приблизительно определена, но это совсем другое, здесь идет речь о скорости нервной передачи в нашем теле, это не скорость мысли уже ушедшей из тела, и об этой скорости мы не имеем ни малейшего понятия и даже не можем предполагать идет ли она по прямой линии или зигзагами, как волны радио, или параллельно округлости земли. В детских загадках и у поэтов всегда

быстрее всего была мысль, а не свет — может быть так и есть. Кто знает, может быть наши мысли в виде cerebroнов очень быстро достигают других населенных мест во вселенной и там уже давно их улавливают и закрепляют — это только мы по нашей еще неспособности не улавливаем того, что мыслят там. Если электрическая лампочка радио-аппарата остроумно построенная может передавать свой ток на десятки тысяч верст, то почему же наш мозг, который построен еще более остроумно не может передавать их на миллионы или миллиарды верст?

Есть мыслители, например, Сэн-Санс, ставящие вопрос является ли целью вселенной жизнь и мысль, может быть у вселенной какая-нибудь другая конечная высшая цель? Однако, для нас другая цель невообразима, мы думаем о ней, мы мыслим и если главное не в сохранении жизни и не в мысли, то у нас нет возможности или способа постигать цели вселенной, для нас такая мысль абсурдна.

Мозговых cerebroнов мы до сих пор улавливать не умеем. Но еще недавно мы не знали об излучениях радионных веществ, хотя они всегда были; еще недавно мы не знали космических лучей, хотя они со дня нашего зарождения пронизывают нас, как пронизывают и всё окружающее, при этом их пронизывающая способность, по последним данным, столь велика, что она вернее невообразима — космические лучи могут проникать через слой свинца толщиной в 25 метров! Большинство людей совсем не думают о том, что есть во вселенной какие-то тела, свет от которых достигает нас в 170 миллионов лет или что есть лучи пронизывающие наше тело день и ночь, всю нашу жизнь, с момента зарождения, и закрыться от них ничем нельзя, но для тех, кто хочет об этом думать, для тех становится ясна ограниченность наших знаний и непостижимость окружающего.

Если все фотоны одинаковы или во всяком случае не индивидуальны, то cerebroны должны быть индивидуальны, в каждом из них индивидуальная мысль. Если какой-нибудь солнечный луч, синий или красный, состоит из фотонов, то эти фотоны все одинаковы; в белом луче их много разных, разноцветных, но все того же цвета одинаковы, такие же, как были миллионы лет тому назад, такие и сегодня. Цере-

бронь все не одинаковы, не только у разных людей, но и у того же человека.

В точнейшей из наук, в математике, мы манипулируем мнимыми и невообразимыми величинами, вроде бесконечных дробей или квадратных корней из отрицательных чисел; квадратный корень из минуса единицы не только невообразим, но даже просто абсурден, потому что та же алгебра говорит нам, что положительное число помноженное на положительное дает плюс, и отрицательное помноженное на отрицательное тоже дает плюс, так что совершенно абсурдно предполагать число, которое будучи помножено на самое себя дало бы минус — однако квадратный корень из отрицательного числа не смущает математиков. Эти мнимые и невообразимые величины дают какой-то логичный и полезный результат при вычислениях.

Принятие существования церебронов и выводы из этого предположения несколько не менее логичны и научны нежели эти математические мнимые величины, а результат от приятия их гораздо более важен нежели от квадратных корней из минуса единицы.

И вот возвращаясь к неустрашимому вопросу о бессмертии, можно думать, что когда люди, наконец, научатся воспринимать мозговые цереброны с других населенных мест вселенной, им станет просто и ясно то, что сейчас выше их понимания и даже воображения. Несомненно одно, что было бы величайшей ошибкой и недомыслием предполагать, что кажущееся нам невозможным, действительно невозможно: пока мы живем с мыслью о бессмертии только интуитивно, но возможно, что мы поймем когда-нибудь бессмертие и вполне научно.

73

Световые фотоны, испускаемые каким-нибудь источником света вблизи нас, видимы нам только до тех пор, пока существует этот источник и мы готовы утверждать, что световой луч исчезает окончательно, когда потух его источник. Но возьмем свет какой-нибудь отдаленнейшей звезды, который дошел до нас через сто миллионов лет и мы видим этот свет в то время, когда уже звезда эта больше не суще-

ствует. Эти световые фотоны уже во всяком случае жили сто миллионов лет, это еще не вечность, но если можно допустить сто миллионов лет для их жизни, то вполне логично думать, что они могут жить и вечно, только мы их не увидим живя на земле. Если какой-нибудь воображаемый наблюдатель смотрел бы на эту звезду с расстояния сравнительно недалекого, скажем такого, на каком отстоит от нас солнце, то последний свет умершей звезды дошел бы до него через восемь минут после ее смерти и он мог бы думать, что этих световых фотонов больше нет, однако мы увидели их через сто миллионов лет. Затем звезда и для нас потухла, но где-то, в другой части вселенной их кто-то увидит еще через сто миллионов лет... Или представим себе, что наше солнце потухло, тогда мы узнаем об этом через восемь минут, для нас оно умерло, солнца больше нет; но где-то в мировом пространстве, через миллионы световых лет, его еще будут видеть, если там есть кому видеть. Одним словом то, что нам кажется умершим, еще не умерло для других и вообще не умерло.

Такие примеры вполне в пределах наших знаний, в доступном нам понимании, совершенно точные научно, не заставляют ли нас думать, что наши мозговые цереброны, которые еще удивительнее фотонов, могут быть вечными, а значит что-то в нас бессмертно и бессмертно не космически, а индивидуально.

Если принять за истину рассуждения Эйнштейна о том, что вселенная бесконечна, но замкнута, то тоже окажется вечной жизнь какого-то фотона: летя в бесконечности он должен облететь всю вселенную и через какие-то невообразимые миллиарды лет возвратиться на то самое место, откуда начал свой путь...

Что такое фотон мы точно не знаем, тем более мы не знаем как построен цереброн и каковы его свойства, но логически несомненно, что он гораздо сложнее светового фотона и еще кроме того отличается от всяких атомов, квант и фотонов тем, что он индивидуален, в каждом цереброне какая-то человеческая мысль и все цереброны различны, индивидуальны. Идя дальше по этому пути, мы можем предположить, опять-таки не оккультически, а вполне рационально, научно, что вокруг нас всё наполнено церебронами других

мысливших существ, церебронами пришедшими к нам с невообразимо громадных расстояний и с любых времен. Мы своим несовершенным мозгом улавливать их не умеем, а может быть некоторые исключительные особи кое-что и улавливают, чем можно объяснить то, например, что гениальные мысли в какой-нибудь области приходят одновременно нескольким людям в разных частях нашей земли и иногда трудно выяснить кому первому пришла такая или иная идея.

Однако, самое важное в церебронах то, что они дают возможность прития некоторой формы бессмертия даже в пределах нашего мышления. И еще несомненное становится возможность бессмертия, если мы примем во внимание, что невозможное и непонятное для нас, вполне возможно и понятно для разума высшего.

Однако, куда уходят наши цереброна, разбегаются ли они по пространству вселенной или стремятся соединиться образуя какие-то новые комплексы нам неизвестные. Отрицать возможность бессмертия мы не имеем никакого основания, хотя в окружающей нас природе его нет. То чего нет на нашей земле, может быть в других мирах в той же вселенной и то, что неразрешимо для нашего разума, просто и ясно для разума высшего.

74

Теория эволюции не может жить рядом с формулой из вечности в вечность, или эволюция или бесконечность : если до нас прошла бесконечность, то эволюция уже завершилась и ничего нового быть не может. Что касается нашей земли, то тут еще можно допустить мысль о незаконченной эволюции, но в остальной вселенной есть уже планеты, на которых эволюция закончена и т. к. там тоже несомненно есть жизнь, то тамошние существа уже достигли возможного совершенства. Даже и такое допущение до известной степени противоречит понятию вечности, при этом допущении надо предположить, что есть уже бесчисленное множество других миров, в которых эволюция закончена, а также и бесчисленное множество миров уже исчезнувших.

Пресловутый закон энтропии тоже не уживается с вечностью, закон энтропии заключается в том, что постепенно

всё принимает одинаковую температуру, горячее охлаждается, холодное становится теплее, когда не будет разницы температур, а значит не будет движения, не будет больше и жизни — таково научное предсказание для вселенной. Если поверить в закон энтропии, всё постепенно становится одинаковым, чуть-чуть тепленьким, и даже совсем не тепленьким, а очень холодным, так как тепла имеющегося во вселенной слишком мало, чтобы обогреть всё пространство, в междупланетных пространствах страшный холод и только нами же созданный физический закон уверяет, что не может быть холода ниже 273,7 градусов ниже нуля по Цельсию. Насколько повысится температура пространства, когда энтропия закончится, не подсчитано и подсчитать нельзя, но во всяком случае будет очень холодно... Закон энтропии не совместим с формулой из вечности в вечность еще и по другой причине: если всё во вселенной постепенно идет к энтропии, горячее охлаждается, энергия падает, то неизбежна мысль, что когда-то был максимум энергии, максимум разницы температур, а отсюда неизбежна мысль о дне творения. Если до нас протекла вечность, то уже давно закон энтропии проявился бы полностью и не было бы больше разницы температур и не было бы жизни — а мы живем, мы мыслим...

75

Предположим, что произведен такой опыт, очень трудный, но все-таки мыслимый: грудного ребенка, у которого еще не пробудилось настоящее человеческое мышление, помещают на необитаемый остров и он там вырастает без всякого общения с людьми, ровно ничего не зная о современной культуре и о достижениях человеческой мысли за пройденные тысячелетия. Просто так бросить грудного ребенка на необитаемом острове нельзя, он погибнет. Если детеныши животных, некоторые уже через несколько дней после рождения, могут добывать себе пищу и охранять себя от врагов, то человеческое дитя на это неспособно. Первые годы жизни ему нужна охрана и забота о нем. Но предположим, что нашелся какой-то самоотверженный ученый, психолог и медик, который спрятавшись тоже на этом острове на несколько лет,

кормит и охраняет ребенка, так что ребенок его никогда не видит. Во время сна он подкладывает ему пищу, годную для организма ребенка, потом растущие здесь плоды, потом может быть убитую птицу или другое животное, ребенок под влиянием голода научается сам есть. Потом ученый невидимо удаляется и подросший ребенок предоставляется сам себе. Его родители были культурные образованные люди, но в зародышевой клетке это к нему не перешло. Что из него выйдет? Глядя на трупки мелких животных или даже насекомых, а случайно и на большое мертвое животное, будет ли он думать и о собственной смерти, которая когда-нибудь придет или наоборот, себя будет считать бессмертным? Почти наверно у него возникнет мысль о каких-то таинственных силах или силе, от которой многое зависит в окружающем его — такая мысль явится у него почти наверно. Явятся ли у него моральные законы, а если бы явились, к чему он может приложить их? Увидевши в ручейке тонущее насекомое он может захотеть спасти его, вытащить из воды и посадить на цветок, но этот добрый порыв еще очень далек от кантовского морального закона. А кажется, что если у него даже явятся моральные законы, то некуда будет применить их, не будет других людей, он один на острове. И вот еще раз яркое подтверждение, что нельзя выполнять моральные законы, если не общаться с людьми, если сесть на столб или удалиться в пещеру, или даже в монастырь без общения с людьми. Аскетизм и удаление от мира не только не есть выполнение мировой воли или следование моральным законам, а как раз обратное.

Придется ли этому новому человеку, сыну культурных людей остаться до-пещерным человеком или многое из завоеваний культуры придет к нему очень быстро, неведомо откуда и на тот прогресс, который дался первобытному человеку в течение тысячелетий, ему достаточно будет одной жизни? Такого опыта никогда не было и решить категорически этот вопрос нельзя. Однако можно предполагать, что мысли, идеи, достижения других мыслящих людей каким-то непонятным образом отчасти передадутся ему. Может быть именно этому ребенку и не передадутся, но если тысячу таких детей поместить на тысячу разных островов, то одному из них передались бы. Его мозг случайно оказался

бы способным улавливать мозговые токи культурных людей и он сам стал бы почти культурным в своем одиночестве, ему могли бы придти в голову многие из тех гениальных мыслей, которыми создавалась современная культура. Мутации совершенно случайны, их нельзя предвидеть, но в данном случае это будет нечто другое, какие-то непостижимые отпечатки культурности и духовности уже были в каких-то генах его предков и теперь вдруг проявились.

Если ему придет в голову многое из того, что уже завоевано культурой, то все-таки можно объяснить это и просто тем, что в его мозгу уже гораздо больше извилин, что пришло нормальным эволюционным путем. Но эта теория относительно мозговых извилин довольно шатка, если даже действительно всё зависит от мозговых извилин, то почему у одного их больше, а у другого меньше? Далеко не всегда это передается по наследству и мы не знаем какие извилины были у первобытного человека. Вероятно можно найти мозг африканского готентота или австралийского бушмэна, у которого окажется более сложная сеть мозговых извилин нежели у среднего европейца. Еще недавно придавали очень большое значение величине мозга : разумеется дело не в абсолютной величине, а в отношении к общему весу тела. Но и это не всегда верно, есть уродцы с большими головами далеко невысокого умственного развития, часто кретины.

Из четырех человекоподобных обезьян самый большой мозг в отношении общего веса тела, у гиббона, но уже твердо установлено последними исследованиями, что горилла, орангутанг и шимпанзе интеллектуально много выше его.

Недавно был произведен опыт : десятимесячного ребенка поместили в одной комнате с семимесячным шимпанзе и во всем обходились с ними совершенно одинаково : спали на одинаковых постелях, ходили вместе гулять в одинаковой одежде, давали одинаковую пищу, только шимпанзе добавляли сырую морковь. Оказалось, что первые месяцы совместной жизни шимпанзе перегоняла ребенка, лучше понимала, что им говорят, охотнее исполняла приказания, но через три-четыре месяца интеллигентность шимпанзе замедлилась в своем развитии, а ребенок стал нормально развиваться дальше, медленно, но прочно. В конце концов опыт ровно ничего не доказал.

Еще новая теория голландского профессора утверждает, что дело не в величине мозга и не в количестве извилин, а в соотношении между величиной лба и размером всего лица — если это соотношение выше 33, то такой человек несомненно очень умен, а если 34, тогда это уже гениальность... Но и этот домысел явно несостоятелен: я знаю людей, несомненно очень умных, у которых это соотношение будет ниже 33, а что касается меня самого, то после ряда измерений мое соотношение оказалось 34,2, хотя ни я сам и никто другой никаких признаков гениальности во мне найти не могли!

v

В медицине, как и везде вокруг нас, очень много случайностей, предусмотреть которые мы не можем. Особенно благодаря Листеру и Пастеру хирургия сделала громадные успехи, но все-таки остаются необъяснимые и непредвиденные случайности. Производится совсем несложная операция, приняты все меры предписываемые медицинской наукой, больной тщательно исследован перед операцией, оперирует опытный хирург, сделавший уже сотни таких операций, и вдруг — эмболия, и больной умирает. Какой-то ничтожный сгусток крови свернувшийся от соприкосновения с воздухом при операции, движется с кровяным потоком и застревает в мозгу, происходит кровоизлияние в мозг и пациент умирает. До сих пор предусмотреть и предотвратить это не удалось и мало надежды, что удастся предотвращать в будущем — чистейший случай, не зависящий от нашей воли и знаний. С расширением знаний многое, что кажется нам теперь случайным, будет подведено под какие-то законы, но необъяснимые случайности, неподчиняющиеся никаким законам, будут оставаться всегда, их будет оказываться всё больше и больше по мере расширения и умножения областей знания. Когда солдаты идут на рискованный приступ, большая часть будет убита, уцелеют немногие, и никак нельзя предвидеть кто уцелеет, а кто будет убит; как раз иногда тот, кто был впереди, больше всех рисковал, остается жив, а менее храбрый, позади, убит. Сотни тысяч людей ездят в автомобилях и благополучно возвращаются домой, а кто-то ехавший как раз более осторожно убит в столкновении...

Болезненный человек приговорен был врачами к смерти, а всё живет и живет, достигает старости, а молодой, крепкий, совсем здоровый вдруг неожиданно умирает от какой-то случайности или заразы. Страховые общества, одна из самых грабительских организаций в капиталистическом строе, страхуя жизнь нисколько не рискуют, набавляют хороший процент против вероятия смертности и вероятия эти никогда их не обманывают, но относительно отдельного человека они никак не могут предусмотреть будет ли он выгодным клиентом. Тут тоже действует массовый закон. Для массовых явлений в природе есть детерминизм, для отдельных людей или отдельных атомов нет детерминизма. Тут откровение мирового разума, ему интересны общие результаты, а не судьба отдельных единиц, тут как бы указание — человек должен служить общему заданию, а не только самому себе.

В области механики, в медицине мы, люди, творим уже чудеса. Кое-что постигли в чудесах природы и определяем точно когда будет солнечное или лунное затмение и даже когда вернется опять на небе как бы случайно появившаяся комета. Писатели своим колдовством создали сотни людей, которые никогда не жили, а ближе нам чем многие родные и знакомые. Еще несколько сот лет тому назад отдельные селения или города жили своей замкнутой жизнью, мало интересуясь тем, что происходит в остальном мире, а сегодня уже не только жизнь селений, городов, государств, но даже других континентов стала для нас одной, общей — мы поняли, что это одно целое. Казалось бы что дойдя до такого понимания люди уже не могут воевать, разрушать благосостояние и побежденных и победителей; казалось бы, что нужно созидать, а не разрушать, что нужно бороться с часто враждебными проявлениями природы, но не друг с другом.

Углубляясь в механику и вообще в физические науки, мы как-будто забыли о духовной жизни, о психике. А между тем духовная жизнь человека отличает его от всего остального мертвого и живого на нашей планете; это самое главное и самое важное. Механика совсем в стороне от психической

жизни, часто ее враг, медицина и даже астрономия несколько о ней напоминают; чаще всего напоминает литература и в этом величайшая заслуга писателей. Но все-таки всех этих напоминаний до сих пор оказывалось мало.

Роль религий в прошлом иногда была трагична; много прежних войн христианского периода возникали на религиозной почве, и хотя часто там, где видны только религиозные побуждения или вернее заблуждения, главную роль играли экономические соображения, но все-таки иногда только религии были причиной войны. Примеров можно привести много, они известны даже из начальных курсов истории; но вспомним, как иллюстрацию, хотя бы католико-протестанские войны, Варфоломеевскую ночь и гонение на староверов в России. Во Франции жили долгое время люди и не считали нужным резать и стрелять друг друга, пока протестантизм не был противопоставлен католицизму. Эти две христианские религии вдруг заставили людей накинуться друг на друга, сын оказался врагом отца, брат брата, только потому, что догматы протестантизма отличались от догматов католицизма. Те и другие верили в Бога, и тем не менее, вопреки основным велениям христианства, стали убивать один другого, массами, беспощадно. В резне Варфоломеевской ночи с трудом только можно найти экономические соображения, резня была вызвана религией.

Русские жили столетиями, уже принявши христианство, почти 700 лет, не зная, что они неправильно молятся. Но вот нужно было появиться Никону, патриарху, главе церкви, чтобы миллионы людей оказались вне закона; их стали бить, вырывать языки, жечь на кострах; они принуждены были убегать из родных мест, всё бросая, и жить со зверями в лесу, звери были менее страшны нежели другие русские люди, с которыми они еще недавно жили вместе. Здесь уже никак нельзя найти интересов экономических, здесь были только религиозные догматы, влияние религии было страшным и злым.

К счастью такое злостное влияние религий всё уменьшается, в наше время уже невозможна Варфоломеевская ночь или сжигание на кострах за ересь, но все-таки многим современным религиям, в том числе и христианским, надо очиститься прежде чем они поведут людей по прямому пути

И Варфоломеевская ночь и сжигание староверов, и католическая инквизиция, это наиболее страшные проявления злых и глупых сторон религий, но есть много меньшего, однако и это меньшее не мало портит и затрудняет жизнь людей.

Я вспоминаю, как мы в Марокко ехали по Казабланке, остановились около какого-то кафе или магазина и так как было уже время завтрака, развернули нашу корзиночку и стали есть. Мы приехали в Казабланку на канадском пароходе после круговой экскурсии по Центральной Америке и так как по расписанию нам не полагалось здесь завтракать в каком-нибудь отеле, а возвращаться на свою «Дачесс оф Ричмонд» было далеко, нам дали с собой корзиночку с «лянчем», завтраком по нашему. Пока мы ели сидя в открытом автомобиле, на нас с явным вождением смотрел маленький арабченок, красивый мальчик, с черными как угольки глазами — видимо он был голоден и завидовал нам, может быть нас даже ненавидел. Мы подозвали его и отдали ему десяток превосходных, тоненьких сандвичей. Мальчик с жадностью стал есть один, крепко держа остальные в руке, но вдруг остановился, выплюнул то, что у него было во рту, бросил на мостовую остальные сандвичи и убежал. Сандвичи были с ветчиной, а его религия внушила ему, что есть ветчину — величайший грех. Магометанину нельзя есть свинину, еврею тоже нельзя есть свинины. В Индии пища приготовленная индусом погана для магометанина и наоборот. Индусу нельзя есть коровьего мяса, но зато можно и даже нужно мазать свое лицо коровьим навозом, а отправляясь в морское путешествие, нужно выпить немножко корвьей мочи... Это религиозные ритуалы или каноны, или может быть догматы. Профессора богословия уже упрекали меня в том, что я путаю догматы с канонами и ритуалами, хотя потом оказалось, что они и сами путают.

Во многих религиях указано чего нельзя есть, Библия, например, запрещала есть тушканчиков, но этих прыга-

ющих грызунов и так никто не ест, просто потому, что они слишком маленькие, их трудно ловить и по вкусу они напоминают крыс. Но почему можно есть животных, у которых копыто раздвоено и почему нельзя таких, у которых копыто не раздвоено?

У православных есть посты установленные церковными канонами и пост заключается в том, что нельзя есть мяса и молочного, но зато не возбраняется сколько угодно набивать свой желудок капустой, постным маслом, грибами, осетриной и многим прочим, совсем не дешевым и каждому доступным, но весьма трудно переваримым. У моих предков староверов была « рабская посуда », каждый ходил со своей чашкой и своей тарелкой. В прошедшие времена в этом был даже какой-то смысл, в России были целые деревни зараженные сифилисом, и выпивши из невымытой чашки можно было заразиться этой страшной болезнью, может быть это имели ввиду благочестивые старцы, которые вводили такое правило, тогда было не глупо, но в наше время, когда люди знают, что посуду нужно мыть и даже иногда кипятить, а сифилис надо лечить, теперь « рабская посуда » смешна и абсурдна.

Так и многое в религиях, что имело когда-то даже некоторый смысл, теперь просто мешает людям жить.

Мы постоянно видим сны более или менее яркие, большинство из них забываем, даже только что проснувшись не можем вспомнить, но треть нашей жизни проводим во сне и сон наполнен сновидениями. Проснувшись мы или совсем сна не помним или быстро его забываем, но с точки зрения психической эта жизнь во сне тоже до известной степени реальна как и жизнь наяву : сон оставляет след в нашей психике, в нашем подсознании; часто целый день, а иногда и много дольше, мы остаемся под влиянием сна, сами того не понимая. Несомненно, что многие важные решения, над которыми человек колебался, окончательно формируются во сне, человек вдруг встает с каким-то твердым определенным решением, которое раньше ему не приходило, над которым он колебался. Уже были мыслители и философы

утверждавшие, что и вся наша якобы реальная жизнь только своего рода сон, и когда мы умираем, просыпаемся от этого сна и тогда видим настоящую реальность. Может быть, вся наша жизнь, которую мы считаем вполне реальной, тоже только сон другого порядка и смерть есть переход в настоящую реальность, из которой уже нет возврата. Напряжением воли, особой тренировкой можно достигнуть того, чтобы просыпаться, если сон страшен, но заставить сон продолжаться или вернуться к нему нельзя никакими усилиями воли. И вот по аналогии, уйти из этой жизни, когда она особенно тягостна или страшна, мы еще можем, это называется самоубийством, но вернуться обратно в нее невозможно и она, может быть, будет забыта еще гораздо полнее, чем забывается сон...

Никаких доказательств для гипотезы бессмертия у нас нет, это даже не гипотеза, скорее только приятное предположение : мы охотно принимаем то, что соответствует нашим желаниям и может потому так хотим уверить себя, что бессмертие возможно.

В природе, нигде и ни в чем, нет примеров материального бессмертия, однако одно — материя и другое — психические или духовные силы . Настоящие духовные силы появляются у нас на земле только с человеком, нигде больше в земной природе их нет и к ним нужно прилагать совсем иную мерку, чем ко всему остальному, они могут быть бессмертными, хотя всё остальное и смертно. Как уже сказано, без первого кантовского постулата о бессмертии невозможно построить категорический императив морали. Если вся наша жизнь мимолетна, если никакого возмездия за плохое и хорошее нет, если и самые понятия плохое и хорошее выдуманы нами самими, если нет никакого продолжения той секунды вечности, которую мы живем, то ничтожными могут показаться и все категорические императивы : делай что хочешь, но только так, чтобы тебя не наказали те же люди. В нас будто бы заложено что-то наказывающее нас за злые поступки. Это называется совестью, говорят об угрызениях совести, но можно представить себе человека, у которого совесть молчит и никаких раскаяний или угрызений он не чувствует, он просто смеется над этим словом.

« Покажите мне эту совесть, какая она, я ее никогда

не видал» — улыбаясь говорит он. Людей думающих так совсем не мало, только большинство не говорят об этом. Целые философские системы вроде философии Штирнера или Ницше, или даже современный фашизм и нацизм говорят о том же. Свобода печати и свобода мысли теперь твердо установленные завоевания цивилизации, прятать от человека что-либо можно, но не надолго и вообще если какие-нибудь мысли надо прятать, это не сулит прочности строя. Прятать ничего не нужно, но надо доказать людям, что эти заманчивые сомнения только недомыслие, законы морали и общественных обязательств построены на твердом и неоспоримом основании. Знаменитая фраза Канта :

Звездное небо надо мною
И нравственный закон во мне

красива и поэтична, но она в конце концов ровно ничего не доказывает. Под звездным небом совершаются одинаково и добрые и злые поступки, а то что нравственный закон во мне, это обязательно только для самого Канта, если он хочет принять на себя такое обязательство. Он пришел к уверенности, что в нем сидит нравственный закон, а другой не пришел и приходить не хочет, и только улыбается утверждениям Канта.

Мне было лет девятнадцать когда я, розовощекий студент, отправился в Хамовники к Л. Н. Толстому, принес ему какую-то вздорную рукопись и стал говорить с ним как раз о кантовских императивах. На все доводы Толстого я самоуверенно отвечал что кантовские императивы для меня совсем не обязательны, это он так думает, а я думаю иначе. Великий старик рассердился и прервав меня спросил :

« Вы на коньках катаетесь? »

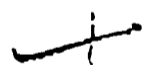
« Катаюсь, Лев Николаевич, но ведь теперь же лето... »

« Так лучше кутите, что ли, но выбросьте эту дурь из головы » — и с этими словами он встал, протянул мне руку и вышел из комнаты. Позже я рассказал об этой встрече с Толстым в большой газете, назвавши эту статью « Как меня прогнал Лев Толстой »; статья имела большой успех, была переведена на несколько языков.

Возможны оттенки в суждениях, что доброе и что злое, эти понятия тоже условны : но смерть со злыми поступками

в прошлом вероятно тяжелее, трагичнее, и как-будто жизнь злодеев и людей аморальных в конце концов не бывает радостной, а тем более смерть. Правда, что здесь опять встает вопрос, один из самых трудных для ответа, что есть зло и что добро. Убивать людей есть несомненное зло, но если правитель, руководясь исключительно интересами общими, а не личными, приказывает убить сколько-то людей — зло это или добро? Как-будто ответ на это ясен, зло не в убийстве, а в той цели ради которой оно совершается, и если цель соответствует заданиям мироздания, тогда и убийство не может считаться злом...

Сколько людей я встречал уже, которые иронически улыбались или просто посмеивались при разговорах о бессмертии, а как потом выяснилось, эта мысль тоже жила у них. Хотя бы тот же математик, которому я задавал вопрос — «есть ли Бог» — и он с усмешкой отвечал, что охотно поверит в Бога, если ему докажут его существование, в своих разговорах потустороннюю жизнь он считал бреднями малообразованных людей, этот же самый человек стал слышать какие-то стуки производившиеся его умершей женой. Мне он этого не говорил, стыдился, но другим рассказывал и даже на этой почве сблизился с каким-то проходивцем, толковавшим ему значение этих стуков. Этим я отнюдь не хочу сказать, что умерший может стучать с того света, но под влиянием многих разговоров и многих прочитанных книг, я уверился, что мысль о бессмертии таится в душе каждого человека, хотя некоторые станут это категорически отрицать.

Если вообразить, что у нашего кровавого шарика есть чувства и ощущения, между прочим и зрение, то во всяком случае видеть нас, тот организм в котором он живет, шарик никак не может. Для того, чтобы увидеть всё наше тело кровавому шарiku нужно выйти наружу, а значит умереть, и вот умирая он мог бы увидеть всё наше тело, тот мир, в котором он жил, в его целом. Философ Плотин ничего не знал о кровавых шариках, но он писал, что человек познаёт настоящую реальность только когда умирает.

Современное научное знание не допускает мысли, чтобы во всей беспредельной вселенной только на одной нашей крохотной земле были живые существа. По тем же научным данным образование нашей солнечной системы есть редчайшая случайность и еще большая случайность, появление жизни на одной из меньших планет этой системы, однако в беспредельности времени таких случайностей должно было быть много, и гораздо логичнее думать за, а не против того, что где-то в нашей звездной системе, а тем более в миллионах других звездных систем, тоже произошла такая случайность, как в нашей солнечной. Вероятно, что число населенных миров очень велико. Это не значит, что там живут тоже такие же люди как мы, может быть или более или менее совершенные чем мы, совсем на нас непохожие; может быть они в своих достижениях ушли гораздо дальше нас. К сожалению у нас пока нет надежды узнать точно, как обстоит дело, но недомысленно думать, что мы люди самые совершенные существа во вселенной. Можно идти еще дальше и допустить, что в каких-то других неведомых нам мирах есть уже такие совершенные существа, что они бессмертны. Эти предположения нисколько не более фантастичны нежели данные астрономии о мирах отстоящих от нас на сотни миллионов световых лет, для нашего разума более приемлема эта мысль, нежели многие данные астрономии. Как раз сейчас я прочел в американской газете, что, наконец, готов гигантский телескоп со стеклом 200 дюймов в диаметре, он будет в четыре раза сильнее самого сильного телескопа бывшего до сих пор и в него можно будет улавливать небесные тела отстоящие от нас на тысячу миллионов световых лет...

Как кровавой шарик не может постичь устройства того организма, в котором он рождается и умирает, так и наш ограниченный разум не может постигнуть мироздания и его целей. Чем больше углубляется мысль, тем непроходимее тупик, но в тупике сразу открывается широкий проход, как только мы начинаем понимать, что кроме нашего ограниченного разума есть высший мировой разум и ему всё понятно. Многие, что было немислимо для живших раньше нас, мыслимо теперь, многое из того, что когда-то казалось абсурдным и невозможным, теперь стало действительностью. Лактанций, например, смеется над тем, что у людей могут

В Петербурге был журналист Шебуев. С общепринятой точки зрения человек странный, немного угловатый, но иногда с блестящими мыслями. Он почти постоянно ходил в цилиндре при сереньком пиджаке, а когда надевал фрак, то к нему цветной галстук и коричневые ботинки. Над ним смеялись, а он продолжал свое. Он нарушал ритуал, ритуал неведомо кем и когда установленный, к фракту никак нельзя надеть цветной галстук и коричневые ботинки. Даже теперь после всего того, что пережито и передумано, этот ритуал остается в строгости и ни в каком государстве при торжественных приемах никак нельзя надеть к фракту цветной галстук и коричневые ботинки — за такую вольность легкомысленный человек понес бы заслуженное наказание. Так и со всеми ритуалами, включая религиозные, не надо их трогать, кто их уважает и высоко ценит, пускай они у него и будут.

Когда я издавал в Петербурге снобистический журнал «красивой жизни» «Столица и Усадьба», Шебуев непременно захотел стать сотрудником, приносил несколько маленьких статей, говоря что они подходят к отделу журнала «Экзотические разговоры», но большинство не подходило к тону журнала, однако одну я напечатал. В ней рассказывалось о черном пуделе, очень умном, который мыслит философски и думает о Боге. Пудель представлял себе Бога, конечно, тоже в виде большого пуделя с хохолком на конце хвоста, с ленточкой на шее, очень большого и породистого. Большинство ничего кощунственного в этой статейке не нашли, даже духовная цензура ничего не сказала и статейка прошла незамеченной. Когда люди представляют себе Бога в человеческом образе, при этом непременно не бритого, а с бородой, они недалеко от мышления шебуевского пуделя. Во время своих путешествий я видел где-то в тропиках в

католической церкви распятого на кресте негра — так вполне естественно представили себе Иисуса Христа местные прихожане — негры, к тому же священник сам был негр и против такого изображения не возражал; божия мать тоже была черная.

« Бог есть дух »... « Бога никтоже виде нигдеже »... и т. д. говорится в священном писании, однако все-таки в христианских храмах рисуют Бога в виде человека и непременно с бородой. Было бы глупо запрещать людям изображать Бога в таком виде, раз они к этому издавна привыкли. Только не надо считать еретиками тех, кто изобразил бы Бога в ином виде, и мыслящий человек примет понятно к тем, кто никак его не изображает, но знает, что он есть.

82

На заре человеческой культуры родилась магия, заклинания, табу; постепенно магия переходила в религиозные культы и в некоторых религиях кое-что от магии осталось до сих пор. Один вид магии обычно не мешал другому, и часто при общении народов один перенимал у другого и разные магические действия, и они мирно уживались. Как на пример можно указать на древне-еврейские обряды и легенды заимствованные еще от шумерийцев, вавилонян и египтян. Вообще в древний период истории было как-будто больше терпимости к чужому культу. Когда великий могол Акбар, современник Ивана Грозного, стал властителем азиатского материка, его подданные по прежнему свободно исповедывали буддизм и конфуцианство, хотя сам Акбар был магометанин. Известно даже, что к нему приезжали португальские миссионеры с проповедью христианства и Акбар выслушавши их сказал, что это тоже хорошая вера. Магомет признавал Иисуса Христа тоже пророком, хотя и меньшим чем он сам. Буддизм и шинтоизм спокойно ужились в Японии и даже смешались, не возбудивши никакой вражды. Когда буддизм был привезен в Японию, он встретил там множество шинтоистских богов и некоторых из них принял, так что теперь трудно разобраться где кончается буддизм и где начинается шинтоизм. Довольно долго живши в Японии, я разговаривал не раз с японцами о религии и

всегда убеждался, что они сами не разбираются шинтоисты они или буддисты, и во всяком случае никакой розни между этими религиями не чувствуют, хотя по основным идеям они очень различны.

Как это ни удивительно, наибольшей нетерпимостью к чужим культам в Средние века и в позднейшее время отличалось христианство, с апофеозом этой нетерпимости в инквизиции или хотя бы в гонении на моих предков староверов. Громкое большинство войн велось по соображениям экономическим и чисто религиозные войны появились только с христианством. Особенно это странно потому, что в основных идеях христианства лежит полная терпимость, любовь к ближнему, неосуждение. Но вот с тех пор, как появляются толкователи христианского учения, богословы, рождаются гонения и ненависть. Гонения римских императоров на христианство сильно преувеличены и поскольку они были, то больше по соображениям государственным, а не религиозным: христиан преследовали не за то, что они не верили в древних богов, а за то, что они не хотели поклоняться статуе обожествленного императора и тем подрывали государственную власть, и еще потому что в первоначальном христианском учении было много коммунистических черт, а это не нравилось правящим.

До третьего века не упоминается вовсе о почитании креста и крестном знамении, впервые встречаем это у Тертулиана. В древних катакомбах нигде нет знака креста, а только рисунки рыбы и якоря. Что касается крещения, то тоже неясно когда оно вошло в обязательный христианский ритуал: Евангелие говорит, что Христос крестился в Иордании, но сам Христос никого не крестил, по крайней мере об этом нет ни одного упоминания. Христианские ритуалы устанавливались вселенскими соборами, равно как и многие догматы и каноны, и тут же появилось понятие ересь. Где ересь, а где настоящий догмат было неясно и самим вселенским соборам, часто голоса разделялись, а иногда доходило до драк, как было, например, на эфесском соборе, где присутствовавших пришлось разнимать военной страже. Чем больше старались богословы вкряк и вкось толкуя писания, тем больше детализировались ритуалы, тем больше нарастало догматов и тем враждебнее становились они

один другому. Чистая и высокая идея христианства затуманивалась и извращалась этими толкованиями и по мере накопления их росла враждебность к другим культурам.

У апостола Павла есть слова « несть еллин, ни иудей », в Евангелии подчеркивается христианский поступок самаритянина, много же другое в Евангелии указывает на полную терпимость и неосуждение ближнего, нигде нет ни слова о ересях — но богословы нашли там материал для своих толкований и основания для того, чтобы считать всех иначе мыслящих еретиками и вместо основных высоких принципов во главу угла поставили догматы враждебные другим.

Но этот период религиозной истории кончился, мы уже на заре просветления, прежним богословам больше не будет места, а служители культов подающие своими поступками примеры христианской жизни будут укреплять мораль у тех, кто не может еще дойти до нее более глубоким мышлением.

83

Одним из самых ярких примеров вреда и зла какое приносят догматы, в лице их творцов богословов, может быть знаменитое « филиоквэ », что значит « и от сына ».

В первые века христианства никакой догматической розни в христианских общинах не было, верующую массу привлекало к христианству обещание награды на том свете и вечной жизни, и еще, если не на практике, то в теории, коммунистический характер христианской общины. Обездоленные, оскорбленные, униженные верили, что на том свете последние станут первыми, что за страдания в этой жизни будет награда в будущей вечной. Христианство было пролетарской религией, правда, что при ее коммунистических чертах была и громадная разница с современным коммунизмом : современный коммунизм имеет в виду более радостную жизнь для всех еще в этом мире, а не в потустороннем, но тогда довольствовались обещанием царства божия только на том свете. В четвертом веке на никейско-цареградском вселенском соборе уже понадобилось составить символ веры с изложением догматов истинного христианства, а все иначе мыслящие предавались анафеме. В этом символе веры

говорилось о третьем лице триницы, о святом духе, что он исходит от отца. Строился этот догмат на тексте из Евангелия от Иоанна : « Когда придет Утешитель, которого я пошлю вам от Отца, Дух Истины, иже от Отца исходит, Он будет свидетельствовать обо мне ». Но несмотря на анафему нашлись богословы, которые выработали другую формулу, взявши другой текст из того же Евангелия от Иоанна : « Сказав это (Христос) дунул и говорит им : примите Духа Святаго... » Основываясь на этом тексте богословы решили, что тут дух святой исходит не от отца, а от сына и посему в символ веры было внесено исправление — « от Отца и Сына исходящего » вместо прежнего « от Отца исходящего ». На толедских поместных соборах это исправление было принято отцами церкви и началась вражда, стали взаимно предавать друг друга анафеме. Верующим массам были совершенно чужды эти толкования богословов, но вражда всё разгоралась и в нее вовлекались все верующие. Наконец, в середине XI-го века, в 1059 г., римский папа Николай потребовал от восточного патриарха Михаила Керуллария принятия « филиокве » и когда тот отказался, предал его анафеме. Таким образом произошло разделение христианских церквей на западную и восточную, и разделение это живет до сих пор, несколько не уменьшившись в своей остроте. Вместо одного непостижимого подставили другое непостижимое, обратили это в догматы и поселили разделение и вражду.

Тексты священного писания записаны многими людьми, в разное время, и точно происхождение их не установлено. Есть случаи, когда вполне ясна позднейшая редакция текста или даже вполне доказана извращенность или просто позднейшая добавка кому-то выгодная. Не стоит распространяться о пресловутых папских декретах, устанавливавших права и главенство пап. Это не было оригинальным домыслом, это было только подражанием знаменитым браминским « уставам Вишну ». В этих « уставах » описывается как Вишну сидел в желтых одеждах, спокойный и неприступный, украшенный всякого рода драгоценностями, в то время как Лакшми гладила его ноги своими нежными руками, и из его уст исходили слова : « нельзя облагать никакими налогами или пенями браминов ». Вишну говорил так подробно обо всем касающемся браминов, что упомянул даже

принадлежавших им коров, твердо установивши, как с этими браминскими коровами надо обращаться.

Эти подделки однако приняты были верующими и еще сегодня у многих миллионов людей не вызывают ни возмущения, ни улыбки.

Ритуалы еще надолго, может быть навсегда, останутся : человека влечет к ритуалу, высокие понятия и идеи легче укладываются в голову людей в виде метафор, символов, в виде ритуалов, нежели в чистом виде. Чистота есть вместе с тем и оголенность, она для многих неприемлема; поэзия с образами, метафорами и символами занимает видное место в мировой литературе, ритуал есть своего рода поэзия религии, да ритуал ничему и не мешает, если только другой ритуал не считается ересью.

84

В раннем детстве я иногда жил подолгу в сказочном мирке : какая-нибудь сказка производила такое впечатление, что окружающая действительность путалась со сказочной фантазией, мир населялся таинственным, тем чего не было, но казалось что есть... Потом религия играла важную роль : многие дни в году были окрашены по особому, являлось особенное праздничное настроение, листки стрывного календаря вносили своеобразный смысл и окрашивали по разному разные дни. Когда случалась какая-нибудь невзгода или даже несчастье, всё казалось безвыходным, обращался с молитвой то к Николаю Чудотворцу, то к Варваре Великомученице, то к Казанской Божией Матери и приходило успокоение и утешение. Но это безвозвратно ушло, должно было уйти и ушло, как еще раньше ушли сказки, и много лет уже не было таинственного; и когда в горе, по прежней привычке оставшейся от детства, хотелось молиться, молитва застревала на первых словах, а дальше и все прежние молитвы, которые так хорошо знал, совсем забылись. Прежнего было не жаль, но иногда в трудные минуты являлась растерянность, внутренняя скрытая от всех растерянность, даже от себя самого скрываемая. Молиться было некому, самая необходимость молитвы была сомнительна — случай, и никто помочь не может; и будет

еще случай, последний случай, когда всё кончится, больше ничего не будет, меня не будет и мне решительно все равно что будет с другими, будут ли они вспоминать и как вспоминать. Эти мысли иногда приводили к полному безразличию, убивали энергию, озлобляли; иногда заставляли скорее брать всё возможное от жизни, сегодня, не думая о завтра. Моральные законы казались такими же призрачными, как тот бывший сказочный мир или молитвы юности. Спасало только стремление к знаниям, они умножались, умственный горизонт расширялся, хотя часто и вставал вопрос — а зачем? Но вот к счастью эти знания, и более глубокое мышление снова дали опору и цель, и жизнь перестала быть бессмысленной — мир разумен, в его жизни есть конечная цель и я часть этой жизни.

Семнадцать лет не видел своей кузины, с которой провел детство и юность, мы вместе росли, почти однолетки — и вот опять встретились. Дядя, брат матери, был тоже религиозен, как и моя мать, и он заставлял нас детей по утрам молиться при нем. Он читал громко молитвы, а мы крестились староверским крестом, двсеперстием и в конце моления клали земные поклоны опираясь о подручники из разноцветных лоскутков. С тех пор прошло много лет...

И жизнь кузины, и моя были превратны — бывали на верхушках волны и попадали в провалы недалекие от самых глубоких, от смерти. Великая русская революция, гражданская война и эта вторая мировая война с немецким гестапо, потерянное благополучие и богатство.

« Я давно ушла от религии » — рассказала она — « а мои сыновья полные атеисты, с ними даже нельзя говорить о религии или Боге, будут только улыбаться и пожимать плечами... Но вот когда сказала в немецкой тюрьме в одиночном заключении, я стала молиться. Никаких молитв уже не знала, всё забыла и не знала кому я молюсь, какими-то своими словами откуда-то пришедшими, и представь себе что это облегчило мне перенести это страшное время, иначе я вероятно погибла бы, умерла или сошла бы с ума. »

« А теперь уже опять не молишься? »

Она не знала что ответить, сама не знает обращается ли она иногда мысленно к кому то неведомому или нет. Не-

сомненно, что если опять придут страшные минуты, будет снова кому-то молиться.

« Так что же, ты теперь веришь что есть Бог? »

« Не знаю... Если молюсь, то не думая кому это. »

Таких как она много. Я хотел ей сказать, что важна не молитва, а постоянное сознание что есть в мире какой-то высший разум и если это знать, тогда и страшные минуты не так страшны, тогда живет уверенность что кто-то знает зачем это всё и во всем есть цель и смысл, и наша жизнь совсем не трагедия. Но я ей этого не сказал, дойти до такого сознания трудно, легче просто молиться, когда есть потребность.

Для прозы обязателен некоторый смысл, хотя бы нередко и намеренно затуманенный образами, метафорами, символами или просто нарочито сложными фразами; для поэзии смысл не обязателен, и этим правом поэты охотно пользуются, просто наизывая слова и рифмы. Но в поэзии бывают фразы, которые всё искупают, запоминаются на всю жизнь, становятся крылатыми. Может быть так и нужно для бессмертной фразы, чтобы она была на сером фоне, тогда она лучше выделяется. В дыму искры ярче, голубой василек на желтом полусохшем жнивье особенно красив; шикарные модные фирмы делают серую или иную бесцветную обивку в зале, где показывают модели новых платьев, чтобы они лучше выделялись...

**Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман.**

Эти две строчки давно и не раз приходили мне в голову, когда я думал о гипотезе высшего разума. « Возвышающий обман » — звучало в мозгу... Противопоставление возвышающего обмана низким истинам? Нет, совсем не так, тут нет обмана, а там нет истин. Наши призрачные истины, именно они обман, и вместо них логичная, неоспоримая, радостная гипотеза высшего разума.

Люди сами создали себе ни с чем несравнимый ужас. Страшен пожар, но можно выбежать из дому и быть в

безопасности, страшно извержение вулкана, но от потока лавы можно убежать; страшно землетрясение, но обычно оно продолжается секунды или минуты — не успеваешь еще понять что это, как уже кончилось : несколько раз я был в землетрясении, но ни разу не переживал такого страха, как теперь от бомб. Ожидание бомбы, когда над головой жужжат бомбовозы, воздух вибрирует и с ним вибрирует всё тело, а главное является сознание что нет защиты, некуда бежать и живет страшное чувство, что вот в любую секунду упадет с неба смерть.

Человек привык думать, что с неба ничего упасть не может, сжился с этой мыслью, а тут смерть буквально над головой и никуда скрыться от нее нельзя...

Когда гремит гром и сверкают молнии на многих находит страх, но если в это время сидеть под надежным громоотводом у культурного человека страха нет; но бомба над головой в тонны весом одинаково страшна и культурному и некультурному, и даже чем больше человек анализирует опасность тем ему страшнее, особенно страшно от сознания собственного бессилия, от мысли, что все знания, всё самообладание тут ничтожны.

Мы быстро забываем даже самые страшные переживания, война кончится, бомбы перестанут падать, и станем забывать о пережитых страхах : в сознании может быть и будут изглаживаться пережитые ужасы, но в подсознании они останутся и изменят нашу психику помимо нашей воли.

Ученый, мыслитель, философ заканчивает последнюю главу своей книги; пятьдесят лет он мыслит рационально, и эта заключительная глава написана в гегелианско-атеистических тонах, иначе он мыслить не привык и не может, богам нет места в его мышлении, он не только философ, но и естественник, горячий сторонник теории эволюции — в дарвиновской теории много прорех, но тем не менее она одно из больших достижений человеческого разума.

Он давно уже научился не позволять своей мысли прыгать в стороны, когда он думает о чем-нибудь определенном и важном для него, чем-нибудь отвлекаться, научился думать сосредоточенно, не замечая окружающего, забывая о нем, и сейчас за своей работой совсем забыл, что идет страшная война, что люди обезумели, убивают и разрушают.

Из сосредоточенности его выводит вой собаки около дома, она громко и жалобно завывала, вбежала в приотворенную с террасы дверь и бросилась под ноги ученому. Это был его любимец и друг, большой старый черный пес, не переносивший этого глухого жужжания моторов и вибрации воздуха; они потрясали его нервную систему, говорили его инстинкту, что несут смерть, тогда когда люди еще ничего не слышали; он знал о приближении бомбометов раньше, чем это слышали люди и прежде чем гудела сирена. И на этот раз он не ошибся, ночную тишину вдруг прорезал злобный вой сирены и одновременно вдали стали бухать пушки. Воздух начал дрожать от могучего жужжания моторов где-то вверху. Ученый отклонился на спинку кресла не выпуская из рук пера, погладил левой рукой собаку, прижавшуюся к его ногам, и сказал ей несколько успокоительных ласковых слов, удары пушек стали сильнее, от них рвался воздух, жужжание страшных моторов усилилось, перо задрожало в руке. Ученый привстал с кресла, посмотрел в окно — всё вблизи освещалось точно это день, а не полночь; он подошел к окну и увидел, что с неба спускаются огненные шары, освещая как солнцем всё вблизи. Он сразу понял, что значит это освещение — сюда будут бросать бомбы.

« Бежать в траншею, что есть в конце квартала?.. » — но только вчера читал в газете, как около траншеи упала бомба и всех бывших в траншее сплющила. « Бежать уже поздно, да и бесполезно... мой разум сейчас бессилён, всё дело случая. »

Пушки гремят совсем близко, стекла дрожат, воздух вибрирует, а с ним вибрирует и его тело, но он всё еще держит перо в дрожащей руке. Сильный взрыв совсем вблизи, сыплются со звоном выбитые стекла, волна воздуха раскрывает приотворенную дверь. Он хочет выбежать из комнаты, не зная куда и зачем, и в это время второй еще более страшный взрыв, все стекла в кусках летят по комнате, что-то сыплется и волна воздуха валит его на ковер кабинета...

« Помоги мне... помоги... » — шепчет он, неведомо к кому обращаясь, понятно к тому, что религии называют Богом, но слово Бог он не произносит, в течение десятков лет оно было для него неприемлемо, вызывало ироническую

улыбку. Еще взрывы, всё кругом дрожит, шатается, сыплется.

Через полчаса всё тихо, ученый приходит в сознание, подымается, ощупывает себя — цел, даже не ранен, только на руке порез от стекла, он стирает кровь носовым платком, обматывает руку. Пушки еще бухают вдали, но бомб уже не слышно... Дом уцелел, но рационально-атеистическое мышление пятидесяти лет разрушено. На завтра, когда выметают из комнат стекла и куски штукатурки, ученый подходит к своему письменному столу, на нем нетронутой лежит его рукопись, только засыпана слоем пыли и кусками штукатурки и развернута не на последней странице, где он писал, а на какой-то другой; он берет её со стола, стряхивает пыль и штукатурку, рвет и бросает в кучу мусора на полу... Его черный друг тоже жив и невредим, ластится к нему и ученому кажется, что он недоумевающе спрашивает у него, его хозяина, человека, волю которого он привык считать выше всего, что это такое было, зачем?..

Много будет нервно больных людей, потрясения отразятся на общем здоровьи, но что люди чаще и больше будут думать теперь о ничтожестве своего разума и его трагических ошибках, в этом нет сомнений — люди станут чаще вспоминать о высшем разуме давшем им свободную волю, которой они так неумело пользуются. Психика людей начнет догонять механику, абсурды современности станут более ясными и очевидными, и эта последняя война окажется благом.

86

В 1921 г. я издавал и редактировал в Берлине русскую газету «Голос России». Взаялся за дело очень горячо, работал буквально шестнадцать часов в сутки, но программа газеты туманно рисовалась мне: я знал, что Версальский мир очень плох, сулит много несчастий в дальнейшем, что интервенции абсурдны, что хорошо бы устроить федеративную Европу по образцу северо-американских Соединенных Штатов, коммунизм России представлялся мне еще в каком-то тумане. Я писал в газете всё что угодно кроме передовых статей, в течение своей журнальной работы за десятки лет я

написал тысячи статей и ни одной передовицы. В числе других передовые статьи писал у меня профессор Яценко, у него тоже была сбивчивая политическая программа и он, называя себя оппортунистом, иногда в разговоре со мной спрашивал: «ну как, куда гнуть, федерация?» Писал иногда тайком Кольшко (Баян), талантливый журналист, но тоже с туманом в голове, и он тоже спрашивал «куда гнуть?» В первое время более определенно писал Станкевич, но он был пропитан злобой против московского правительства, ему там не оказалось места, его надежды были разбиты.

Иногда мы завтракали с Яценко в маленьком «кнейпе», где варили вкусный гороховый суп, и часами вели разговоры. Яценко жил только на заработок в моей газете, очень скромно, и отказывался от моих угощений в более гастрономических местах. Невольно хочется высказать осуждение былому порядку: профессора, ученые, писатели жили всегда крайне скромно, часто нуждались, ни один не стал богатым на своем труде и творчестве, а швырялись деньгами банкиры, спекулянты, титулованные папенькины сынки, унаследовавшие миллионы.

В это время Яценко считал себя атеистом, но мы подолгу вели разговоры о Боге и религии. Яценко говорил:

«Религия — психическое заболевание, очень заразная и опасная болезнь... Я не пускаю к себе мысли о неразрешимом. Это мешает работать и портит жизнь... Русская черта — всё углублять и углублять, результат получается резко отрицательный... Скажем, хочешь заняться историей, русской историей. Какой принять метод исследования? А какие методы существуют вообще — надо решить сначала этот вопрос. Изучение методов вообще, методология; отсюда логика и теория познания — надо начинать с них. Теория познания и гносеология... Методика методов и так далее, и так далее, глубина глубин и начало начал. В результате ничего, никакой работы, никакого результата, одно шатание мысли всю жизнь. Нет ничего более вредного, как стремление разрешать неразрешимое... Уткнувшись в непостижимое, мысль некоторых обращается к Богу, точно он что-либо разъясняет или объясняет, Бог оказывается так же непостижимым...»

В другой раз он же рассказывал, как несколько лет он изучал Плотина, жил в религиозном мистицизме, почти в экстазе. « Хотел пойти в монахи... »

Я не удивился бы, если бы Яценко опять вернулся к религиозному мистицизму и попросил бы перед смертью позвать священника. Яценко умер, а религия осталась; и еще много, много таких как он (и как я) уйдут в небытие, а изменившаяся религия будет охранять массы от отчаяния и сдерживать их от жестокости и разрушения.

« Религия, описанная вами в « Детстве Арсения », ложная религия. Вернее сказать, она враждебна настоящей религии. » Это говорил мне на пароходе старый профессор богословия Боуман, англичанин, живущий в Америке. Ему восемьдесят лет, но он поехал в кругосветное путешествие. Когда у нас на пароходе устраивались маскарады, он обычно получал первый приз за костюм. Доброе, веселое настроение он ставил выше всего.

« Идея чистой религии, единственной настоящей, очень проста — это идея любви. Когда человек доходит до этого понимания, ему уже все религии безразличны, он уже настолько религиозен, что ему никакая религия не нужна » — говорил Боуман.

Тогда в разговорах с Яценко я не находил прямых возражений, но сегодня мог бы сказать ему :

« Верно, что и Бог для нас непостижим, но только эта непостижимость всё объясняет и если дойти до гипотезы Бога, то нет больше проклятых вопросов. Уходить от углубления мысли значило бы приближаться к мышлению животного, на то у нас и есть разум, какого нет ни у одного животного, чтобы мыслить возможно шире и глубже. Мы не страусы, чтобы прятать голову в песок во время опасности, мы все-таки хотим знать, где цель мироздания и нашей собственной жизни, мы не можем не думать об этом, не решать этого вопроса — и вот решение только одно, единственное и полное, оно в том, что мир существует по воле высшего разума, для нас непостижимого, и мы должны следовать его велениям. »

Мы с Яценкой упустили тогда, не додумали, что религия Средних веков и даже религия « Детства Арсения » (из моей трилогии) изменилась, в религии стало меньше жестокости

и больше любви, у папы теперь нет войск и обвинения в религиозных войнах, в жестокости и торможении прогресса верны только относительно времен прошедших. Правда, что еще мой дедушка сидел в тюрьме при Николае I за то, что не хотел молиться, как требовали чиновники, но и это прошлое.

Логической мыслью, высшим достижением человеческого разума, гениальными глубинами мышления можно убедить одного, двух, десятерых: ритуалом в подходящей обстановке, детской символикой, явной нелогичностью — можно захватить тысячи, миллионы.

87

Эти записи я начал давно и сразу в них была дрозофила, которую я видел в банках биологической лаборатории еще в студенческие годы и которую я знал из курса энтомологии, как вредителя садов и огородов, хотя к чести дрозофилы надо сказать, что она предпочитает уже портящиеся плоды и овощи.

Как-то я рассказывал своему образованному приятелю о дрозофиле и он не знал что это такое. Я сказал что может найти это слово в любом словаре, но ошибался. Мы пересмотрели несколько словарей и только в самом полном в мире словаре, английском Уэбстере, нашлась дрозофила, *Drosophyllum lusitanicum*, но он иронически заметил:

«Позвольте, во-первых не дрозофила, а дрозофиллум, и это совсем не муха, а насекомоядное растение, а никакой дрозофилы-мухи нет...»

Я даже смутился в первый момент, действительно дрозофилы-мушки ни в одном словаре не оказалось. Но вот теперь, в конце 1946 года в разных газетах и журналах появились большие статьи именно о моей дрозофиле, *Drosophila Melanogaster*, и это не растение, а мушка, хотя ее и нет в словарях.

В парижской биологической лаборатории их выведено пока 120 разных видоизменений, а в калифорнийской лаборатории уже больше 1.000; и на опытах с дрозофилами строятся большие научные надежды, изучаются вопросы наследственности, открываются новые горизонты для лече-

ния разных болезней и у людей, возможности новых иммунитетов против разных зараз. Крайне ценные научные работы, прокладывающие новые тропинки в неизученные еще тайники природы... И можно опять только повторить, что чем дальше мы раскрываем тайны мироздания, тем больше оказывается еще не раскрытого.

Анатомически и физиологически мы близки к животным, многие отправления организма у нас совсем такие же, как у них, но все-таки мы отделены от них пропастью, мы еще и люди, совсем непохожие ни на одно живое существо, живущее на нашей планете. Лабораторные исследования над дрозофилами крайне ценны и именно дрозофилы выбраны потому, что их жизненный цикл завершается меньше чем в две недели : за две недели дрозофила успевает родиться, произвести потомство и умереть. Сто лет изучения вопросов наследственности у человека ограничиваются тремя-четырьмя поколениями, скажем пятью, а дрозофила за сто лет может дать 3.600 поколений! Очень ценные для науки маленькие мушки...

Однако изучая действия разных вирусов на дрозофилах, на сотнях их поколений, мы можем только создать какие-то новые предохранительные средства для человека, а главное не в этом, а совсем в ином. Мы находим новые способы борьбы с разными болезнями и в то же время плодим новые : современные условия жизни, наша теперешняя психика, рождают всё новые и новые заболевания. Сколько бы мы ни открывали новых вирусов, жизнь людей не улучшится пока не изменится их психика, а психику изучать на дрозофилах нельзя. Сколько новых заболеваний, прежде всего нервных и психических, рождают наши войны с их страшными орудиями разрушения, или ложно понятые идеи национализма; сколько миллионов людей стали больными психически, хотя бы от одних бомбовозов... Всё больше и больше медицина понимает, что наши физические заболевания тесно связаны с психикой, в полной зависимости от нее, и очень часто человека нужно лечить не микстурами и иллюлями, а послать его к умному психиатру.

Мы не дрозофилы, мы люди, и только тогда изменится жизнь на земле к лучшему, когда изменится наша психика,

когда мы найдем смысл жизни, цель нашего существования и поймем вытекающие отсюда обязательства.

Рабство физическое уже почти ушло окончательно, но и от рабства духовного современный человек хочет освободиться. Он подвергает критике правила и приказы других людей таких же как он, и часто подчиняться им больше не хочет. Индивидуальность человека складывается из наследственных черт, воспитания и окружающей обстановки, но по мере дальнейшего развития мысли и внушенное воспитанием и средой иногда оказывается недостаточным, свободное мышление приводит к отрицанию и часто от прежнего остается пустое место. Приказы людей не есть окончательный стимул, их можно подвергать критике и сомнению — «я тоже человек и могу думать сам за себя.»

В отличие от многих богословов жонглирующих свойствами божиими, которые они точно знают, есть и другие более умные, вроде милого старика Боумана, который всю сущность заповедей божиих выражал только одним словом «любовь», Бог есть любовь и любви ко всем другим он требует от нас. Очень красивые и высокие слова, но тоже туманные. Предписывать любовь ко всем людям очень трудно, иногда даже отдельного близкого человека, с которым нам приходится жить или встречаться, мы никак полюбить не можем и несмотря на все самоубеждения продолжает жить каксе-то отталкивание, а требование любить без исключения всех людей, даже совсем чужих нам, очень трудно выполнимо, для некоторых недостижимо. Как же тогда можно перестроить нашу психику? Только на твердом сознании что есть высшая мировая воля, от законов которой мы уйти не можем, не можем ее критиковать или с нею спорить и она накладывает на нас обязательства по отношению ко всем остальным людям, обязательство выполнения общего плана, хотя бы для нас и непостижимого.

В самое последнее время японский биолог нашел будто бы у одного вида японских макак 24 пары хромозомов, а американский физиолог Мюллер столько же пар хромозо-

мов у одного вида северо-африканских обезьян. И макак, и северо-африканские обезьяны по своим анатомическим данным много дальше от человека нежели человекоподобные обезьяны, но у антропоидов двадцати четырех пар пока не нашли.

Все переходные косточки от антропоидов к человеку уже найдены, предположим что будут найдены и 24 пары хромозомов у шимпанзе и оранг-утанга, но что это дает?

Для того чтобы получилась эта книга, нужна была бумага, шрифт, набсрная машина, краски, печатная машина и т. д., но без автора, без творческой мысли книги не было бы, была бы только груда разных материалов и вещей, из которых можно было бы сделать болвана или куклу книги, то что по английски называется «дамми»; такие дамми некоторые американские издатели рассылают книгопродавцам перед выходом книги, в них уже есть переплет, та же бумага что будет в книге, есть уже тисненное название, но страницы чистые, это еще не книга, совсем не книга, имеет нечто общее с книгой только по внешнему виду.

Если собрать новый Ноев ковчег, всё живое что есть на земле, еще и тех когда-то живших существ, какие хранятся в скаменелостях или стпечатках в палеонтологических музеях, то тут нашлись бы все части из каких составлено тело человека, но это был бы не человек, еще нужно было бы добавить ту духовность, каксей нет ни у одного живого существа.

Человек произошел от обезьяны, но тут тоже недостает автора, без него из обезьяны не вышло бы человека.

Эти параллели несколько примитивны, но они необходимы для тех, кто успокаивается на мысли, что человек произошел от обезьяны и тогда всё ясно, или для тех кто полагает, что наше мышление только какие-то химическо-физиологические процессы и что с расширением знаний мы объясним полностью тайну нашего мышления.

Мюллер получил нобелевскую премию главным образом за свои изыскания в области мутаций. Он действовал на дрозофил X-лучами и у дрозофил менялся цвет глаз и происходили другие изменения в их организме, передававшиеся иногда потомству. Досужие репортеры разнесли по миру слова Мюллера, еще кое-что и присочинивши, и вы-

сказываются надежды, что действуя разными лучами и на человека, можно получить новые мутации... Может быть это и возможно, если человек предварительно не умрет или не заболеет от этих лучей, еще не успевши произвести потомства; предположим что с человеком произойдут изменения, получатся мутации, но во всяком случае это будет касаться только его физического строения и физиологических стправлений, а не творческого мышления. Между прочим Мюллер утверждает что по мере развития атомистических изысканий и применений атомной энергии, люди будут рыжеть, у брюнетов будут рождаться рыжие дети, давая пищу злословию соседей и знакомых.

Теория Дарвина почти сплошь занимается развитием тканей, костей, отдельных органов, зубов, но о мышлении, о творческом даре людей в ней сказано очень мало, да и сказать что-либо трудно, потому что человек стоит совсем ссб-няком от остального живущего. Дарвин между прочим написал о наблюдениях над обезьяной и двухлетним ребенком : взрослая обезьяна лучше понимала как обращаться с очками, которые она где-то стащила, нежели ребенок с увеличительным стеклом, это заняло Дарвина, но и только...

Дарвин в своих письмах не раз говорит о невозможности постигнуть все тайны природы и присутствие в мире высшего разума он никогда не отрицал. Когда один из корреспондентов (Боуман) написал Дарвину что хорошо бы почаще упоминать о величии божественного замысла, Дарвин ответил ему, что это несколько стеснило бы его научные работы, но по существу не возражал.

Человек произошел от обезьяны, но и обезьяна и человек и всё остальное живое и мертвое тоже откуда-то произошло и для чего-то произошло. День творения также неприемлем для нашего разума, как и грехопадение Адама и Евы, ответа и решения в пределах нашего разума мы найти не можем кроме одного — есть разум высший и для него это просто и понятно.

...«Курорты нужны содержателям гостиниц, пансион и казино, курортным врачам, железным дорогам, может

быть демимонденкам, но не больным... Благодетельна перемена обстановки и можно ехать куда угодно, но не на курорт, где приезжий добровольно дает себя морочить за двойную плату...» Так я говорил и писал когда-то. Особенно шарлатанскими казались курорты с радийными водами. Анализы показывают, что радия там ничтожное, почти неуловимое количество. В радийной лаборатории радия больше чем в целом радио-активном курорте, но если в воде «лечебного» источника его и больше чем в моем колодце, то можно налить эту воду в бутылки и пользоваться ею с тем же успехом дома, вообще где удобнее и дешевле и менее унижительно.

Радий разлагается только миллионными лет, если его закупорить в бутылку, так он сттуда никуда не денется, куда его ни вози. Так я думал и рассказываю об этом, как иллюстрацию того, как опасно полужнание. Прочтя несколько книг по радиоактивности наткнулся вдруг на таблицу, в которой даны свойства эманаций радия. Это слово «эманация» долго смущало меня пока я не понял, что это просто новые элементы или изотопы, а совсем не какие-то пары радия. Это продукты разложения радия, новые вещества и их жизнь обычно весьма коротка. Это меняет весь смысл курортов.

Радий	разлагается	наполовину	в 1590 лет.
Ураний-гамма	разлагается	наполовину	в 24,6 часов
Радий-альфа	»	»	в 3 минуты
Ураний-гамма два	»	»	в 1,14 минуты
Торон	»	»	в 54 секунды
Торий-дельта	»	»	в 3,1 минуты
Торий-альфа	»	»	в 0,14 секунды
и т. д.			

Эти производные радия и есть то, что действует на организм. Если вся сила теряется через несколько минут по выходе воды из земли, или даже через несколько секунд, тогда понятно надо ехать на курорт, так как в бутылке эту целебную силу не увезешь.

Правда, что тут надо опять внести объяснение, весьма простое, но я над ним долго ломал голову, пока понял наконец. Радиоактивность радия почти неистощима — знал я — а тут оказывается, что половина его разлагается в 1590 лет. Значит в 3180 лет разложится всё, радий исчезнет?

Нет. В 1590 лет разложится половина, в следующие 1590 лет половина половины, в еще следующие 1590 лет половина четверти, и т. д. — всегда будет какой-то остаток и математически радиий неуничтожим, вечен. То же самое с его производными. Если половина радия-альфа уничтожается в 3 минуты, то в следующие три — половина половины, и т. д., так что всегда какая-то часть будет еще оставаться. Количество будет быстро уменьшаться, но никогда не дойдет до нуля, или вернее дойдет до нуля только тогда, когда останется меньше одного атома — а этого ждать очень долго... Выходит, что у самого источника, сейчас только от тех отцовских элементов, которые воду заряжали этой радиоактивной силой, она несравнимо сильнее, целебнее.

Вопрос о целесообразности курортов уже был решен для меня в положительном смысле, но тут я прочел статистические данные о здоровье и долголетию постоянных жителей радиоактивных курортов, и оказалось, что они болеют не меньше других и живут не дольше, а даже наоборот. Под ними, около них столько целебной силы, а она им только вредит...

И опять остались жить сомнения и конца им не будет и если кончатся, это будет значит — смерть : если не смерть физическая, то духовная, ибо культурность человека измеряется не по старой формуле, не количеством потребляемого мыла, а его критическим отношением к окружающему, недаром англо-саксонский мыслитель утверждал, что высший тип человека — скептик...

Между прочим, это разложение радия наполовину в 1590 лет приводится иногда как иллюстрация идеи индетерминизма. Половина атомов в данном количестве радия должна разложиться в 1590 лет, но которые атомы разложатся, а которые нет, предвидеть нельзя и по знаменитой, как будто несомненной формуле Хайзенберга немислимо это определить и предусмотреть ни при каких дальнейших знаниях. На эту пресловутую формулу опирается весь индетерминизм. А между тем эта математическая игра не только ничего не доказывает, так как еще остается вопрос подчиняется ли мировой порядок нашей математике, но даже выходит еще больший конфуз : если атомы свободны в своих поступках, то как же можно сказать уверенно, что они бу-

дут разлагаться всё время с одинаковой скоростью? А может быть в какие-нибудь сотые годы, или в тысячные они станут разлагаться медленнее или быстрее?

И если поверить, что радий разлагается наполовину именно в 1590 лет, то значит так сказать массовый коллективный детерминизм все-таки остается в силе и теперь, и формула Хайзенберга его не опровергает. Выходит, что для массовых явлений, для коллектива, миром управляет детерминизм, а в поступках отдельных квант, отдельных атомов, отдельных личностей никакой предрешенности нет, полнейшая свобода, индетерминизм. Если это действительно так, то тут научное откровение высшего разума — откровение в том, что ему важны и интересны результаты только общие, что он и подчинил мировым законам, а поступки отдельной кванты, или отдельного человека вполне свободны и для них не только нет предопределения, но нет и предведения.

Самое важное, самое главное, что вытекает из приведенных выше размышлений, это то, что жизнь отдельного индивида важна и ценна только настолько, насколько она нужна и полезна для общего. Это неопровержимый отпор так называемым индивидуалистам, которые готовы пренебрегать интересами коллектива ради совершенствования отдельной личности. Отдельные яркие индивидуальности создают прогресс, им первое место, почет и привилегии, всякие награды, но они, эти отдельные личности важны и ценны только до тех пор, пока их яркость нужна и полезна для целого, для коллектива. Если же так называемая яркая индивидуальность для коллектива ничего полезного не делает, то она только паразитична.

Весьма образованный и много думавший человек прочел эту рукопись почти в законченном виде. Он сам был нерелигиозен, но никакой явной враждебности к религии не высказывал, во всяком случае никогда на эту тему не говорил, просто проходил мимо религии, как это делают многие современные образованные люди. Он говорил :

« Против гипотезы высшего разума я ничего возразить

не могу, но мне непонятно ваше отношение к религии. Как вы можете защищать религию зная всё то зло, которое она приносила в течение веков. Вы вот из староверов, вам ближе чем кому-нибудь знать, что делала православная церковь с вашими предками. Вы не упоминаете об инквизиции, а не надо забывать, что инквизиция была не только в католической церкви, а и в православной и нисколько не лучшая. По приговорам духовных судов вашим предкам вырывали языки и ноздри, били до смерти, сжигали предварительно пытая до трех раз и даже известны случаи копчения. Был особый церковный суд иногда злобнее Преображенского Приказа, пытки применялись нередко... Монастырские тюрьмы были страшнее тюрем гражданских. Ваш же предок Аввакум в своей автобиографии рассказывает как он сидел закованный в земляной тюрьме, многие там и умирали, а другие сходили с ума... Впрочем, вы это сами знаете, может быть лучше меня. Религия всегда служила правящим и держала в невежестве народные массы. Самыми кровопролитными войнами были религиозные войны христианского периода, мы думаем, что теперешняя война страшнее, но это неверно; теперь население Европы в десять раз больше, чем было тогда и процент убитых, искалеченных, пострадавших теперь все-таки много меньше, тогда чуть не половина населения погибала в религиозной войне...»

«Религия, о которой я говорю далека от прежней, совсем иная. Прежде всего она не должна никому служить, для служителя культа должно быть преступлением вмешиваться в земную политику, храмы и ритуалы могут много хорошего давать людям. В поэтических произведениях иногда мало смысла, иногда совсем нет, но роль поэзии огромна — таким должен быть и ритуал. Можно пожалуй сказать, что ритуалы православной церкви самые театральные и вместе с тем самые поэтические, они сильно действуют на молящихся. Один католический священник, доктор богословия, Шахерль, рассказывает в своей книге, что ему так нравились обряды восточной церкви, что он часто ходил в греческую церковь и сожалел, что таких ритуалов нет в католической. Служители культа далекие от политики, своею жизнью показывающие пример, проповедующие любовь к ближнему, указывающие на долг человека перед об-

ществом, укрепляющие мораль, могут быть полезны и даже необходимы для любого государственного строя. Что бы ни решали правители, религиозность у многих останется еще на долгие времена, а может быть навсегда. Наше время иногда называют временем неверия, но подумайте, если на земле два с половиной миллиарда людей, то во всяком случае из них больше двух миллиардов, вероятно много больше, к какой-то религии принадлежат, какие-то обряды выполняют, при этом добровольно. Теперь уже немислим такой государственный строй, где карали бы за невыполнение религиозных обрядов, однако большинство остается с ними, и даже любит их. Что-то они дают людям, если люди так охотно их соблюдают. Это мистика и поэзия и даже если хотите, своего рода развлечение, театр, уход от обыденности и монотонности жизни... »

91

Я прожил религиозное детство, глубоко-религиозное, религией было пропитано всё окружающее, религия занимала главное место в мыслях, еще рядом были деньги и карьера, но все-таки религия была на первом месте, с оглядкой на нее делались мелочные поступки, а иногда она вела и к хорошему. Но религия ушла. Уже без религии я написал ряд книг, в которых недодуманно подражал Льву Толстому, осмеявшему церковный ритуал. В нескольких книгах писал против религии, особенно в книге «Люди в паутине». И вот сегодня, через двадцать лет, я и сам не хотел бы перепечатывать некоторые свои книги в том виде, как они были. Представьте себе человека, который много лет потратил на изучение математики, давно уже прошел курсы и интегрального, и дифференциального исчисления, и многое другое дальше этих математических систем и теорий, и вернулся к арифметике, по тому простому соображению, что арифметика нужна и понятна тысяче человек, а высшая математика только одному из тысячи, а то и меньше. И еще потому, что в начальной школе можно и нужно преподавать арифметику, но никак нельзя начать сразу с интегрального исчисления — без него можно даже совсем обойтись очень многим, а арифметика нужна и полезна каждому. Изучение арифме-

тики приносит пользу громадному количеству людей, а высшие математические системы только очень немногим и в то же время требуют большого умственного напряжения, не всем доступного.

Я пережил все отрицания, какие можно только найти в книгах, писавших до меня. Всё, что можно было найти антирелигиозного, так называемого атеистического, и все книги философов вроде Ницше или Штирнера было перечитано, передумано, воспринято — и в результате позже получился провал, безысходность, отрицание всего и ничего положительного, и жизнь показалась бесцельной трагедией, глупой, абсурдной...

В моих записях слишком много «я», что иными считается совсем неудобным и даже пошлым. Но я остаюсь при этом «я», считаю недоразумением и ошибкой уходить от него, говорить безлично или «мы» как писалось в русских царских рескриптах и манифестах. Когда человек говорит лично от себя, что он так думает, то он не претендует на то, что его мысль обязательна для всех, не вещает какую-то абсолютную истину, это он так думает, а каждому свойственно ошибаться. В этом «я» гораздо меньше претензий нежели в безличных утверждениях, как-будто для всех обязательных...

Все дисциплины, все обязательства, все предписания законов государственных, партийных, общественных, моральных разлетаются в прах, если подумать поглубже и поставить вопрос — а почему это обязательно, почему я должен... И когда такой вопрос ставится человеком не дошедшим до знания, что есть законы вселенной, установленные мировым разумом, он становится опасен для остальных людей и для самого себя в конечном счете. Без мысли, без знания, что мир разумен и в нем есть законы мирового разума, нельзя построить никаких дисциплин, обязательств, долга, морали; но когда человек приходит к мысли что есть разум высший и он управляет миром, тогда всё остальное строится само собой и тогда есть слово «должен», тогда есть мораль, тогда есть обязательства ко всем другим людям.

Мы живем среди других людей, иногда думаем, что они нам мешают, не нужны, но потом быстро убеждаемся, что без них жить не можем, и вот если бы остаться одному на всем земном шаре и стать неоспоримым обладателем всех богатств и сокровищ, какие тут есть, то ведь долго не прожил бы, взяла бы такая тоска, сознание такой бесцельности и ненужности существования, что повесился бы или утопился. Без других людей для человека нет жизни. В разных климатах и в разных социальных строях живут люди и какими-то законами, привычками или традициями управляются: какие-то поступки считаются преступными или нежелательными, следят за тем, чтобы их не было, карают преступивших. Но все-таки не на этом зиждется человеческое общество, не на полиции и судьях, не на страхе наказания только, еще на чем-то другом. Если государство построено исключительно на терроре, оно шатко и непрочное, развалится. Большое значение имели религии, они сдерживали иногда своеволие, разнузданность и животные инстинкты, которые оказывались более зверскими и жестокими, чем у животных. Сдерживали то обещаниями тех или иных благ за гробом, то страхом вечных мучений и малые сии подчинялись, боялись и исполняли предписанное; но в то же время те же духовные лица натравливали людей на таких же людей другой веры, и трудно решить чего было от них больше добра или зла. Влияние религий постепенно слабело и слабеет дальше, остаются какие-то законы, которые охраняют общие интересы против интересов личных.

Религии очень различны, различны и их предписания, также различны и программы партий и их дисциплины, но пока верующий или член партии охотно подчиняется тому, что говорят ему стоящие выше, до тех пор тот или иной порядок может сохраняться. Но мышление людей ширится, мысль заходит глубже и вот тогда рождается вопрос, а зачем всё это, почему мне нужны какие-то общественные интересы, какая-то партийная дисциплина, исполнение каких-то предписаний религии? На чем всё это основано, кто это приказал, откуда это взялось; не ясно ли, что всё это выдумки, чтобы связать мою свободную волю и не дать мне возможности

пользоваться моей кратковременной жизнью так, как я хочу, как мне выгоднее и приятнее. Какие там религиозные каноны, какая там партийная дисциплина, что такое мораль — всё это жупелы, выдуманные самими же людьми, кому угодно пусть им верит, но я то уже понял, что это только жупелы, внешне я еще буду подчиняться, чтобы меня не посадили в тюрьму или не расстреляли, но для себя-то я уже хорошо знаю, что все эти навязываемые мне правила и дисциплины только жупел и блэф. Я случайно живу в этом мире, неизвестно зачем, и жизнь моя рано или поздно кончится, меня не будет и мне решительно все равно, что будет дальше, так пока что надо брать всё возможное, уходя от трудных обязательств и работы, от стесняющих, выдуманных людьми, моральных правил, надо извлекать максимум возможного для моего благополучия, а всё остальное гиль и пустяки...

Мне говорят, что партийная дисциплина очень важна, партия отстаивает интересы данной группы людей, борется за них, отвоевывает свои права и преимущества, что только при строгом подчинении партийной дисциплине можно достигнуть больших результатов... Да, это верно, но достижение этих общих результатов, которые когда-то придут, сегодня отнимает у меня свободу действий и некоторые радости жизни; из этих общих результатов мне попадет очень немного, если даже они и будут достигнуты, а может быть достигнуты будут только для следующих поколений, а я сегодня должен урывать что-то из возможных радостей. Внешне я буду соблюдать эти партийные приказы, но только внешне, потому что главное, мое собственное благополучие и я вовсе не желаю отдавать хотя бы маленькую часть его другим, тем более проблематическим будущим... Еще туда-сюда если быть в партии, которая торжествует в данное время, вообще выгоднее быть с торжествующими, но и тут все мои оговорки остаются в силе...

Немало уже есть людей так думающих, а чем дальше, тем будет их больше. И куда же мы придем, мы, человечество, идя по этому пути?... Ясно куда, к звероподобию, к нравственной анархии, к концу человеческого духа. Прогрессируем механически, изобретаем всё новое, почти дошли или дойдем до таких орудий разрушения, что можно будет в несколько часов уничтожить целый народ, горизонты ши-

рокне, гибель человечества. Да может быть и к чорту его, всё человечество, кому оно нужно, почему люди решили, что они такая большая ценность, что они непременно нужны мирозданию — оно само по себе, и люди играют в нем только очень маленькую роль, но по глупости думают, что они что-то важнее и нужное, к чорту всё!...

Это совсем не фантастические измышления, это естественный путь развития человеческой мысли, если не знать, что в мироздании есть что-то абсолютное, стоящее выше нашего разума, что в мире есть высший разум. Тогда всё меняется и при отрицании всех обязательств, всех дисциплин, при самом крайнем скептическом мышлении мы упираемся в эту мировую волю и упершись в нее вдруг понимаем, что недаром нам, единственным живым существам на земле дано разумное мышление и что мы действительно завершение каких-то земных целей, что есть цели нам непонятные, но обязательные для всей вселенной, и нам, а не кроликам, стрекозам, свиньям или собакам, дано понять и подчиниться, и выполнить то, что предписывает мировой разум. Мы действительно цари природы, земной природы, нам дано быть царями, но на нас наложены и обязательства, и уйти от них мы не можем.

93

Как-то давно я написал приятелю письмо, которое случайно попало теперь мне в руки и там я нашел такие строки :

« Почему я не в том квадрате родился? Квадратов очень много, правда, что плохих гораздо больше чем хороших, но почему меня в плохой посадили. Как в театре, одних на галерку, а других в первый ряд. И в театр ведь можно ходить несколько раз, а тут только один раз и больше спектакля не будет... Моей то вины никакой быть еще не могло, пока я не родился — так за что же? Почему? Кто это сделал? Кто — это ясно, начало начал, творец... Но почему? Посади он меня в центральное Конго, готтентотом, т. е. в еще более паршивый квадрат, было бы лучше; там, в том квадрате я не философствовал бы, нататуировали бы меня когда полагается и когда полагается убили бы и съели и никакой претензии к творцу я не имел бы. А тут не то : посадил в квадрат пакостный и в то же время снабдил нарочно, протестующим мозгом. Живи вот мещанином из какого-то неведомого форштата в неведомом городе, полуслепой, и наблюдай, как другим было и легче, и удобнее, и красивее, и богаче, и знатнее. Живи и благодари творца! Нет, этого уже никак не могу. И ты,

творец, ты сам превосходно знаешь, что не могу, сам меня нарочно таким и замыслил, таким нарочно и родил. О, в каком ты долгу передо мною! Надеюсь, заплатишь долг, я ведь тобою созданный паршивец свои долги всегда платил, а ведь ты не паршивец, ты творец. Так плати скорей. »

Не меняю ни слова, хотя теперь мог бы написать лучше, а вернее ничего подобного не написал бы и удивляюсь, как это я мог написать. Впрочем раньше меня, на восемь веков раньше, персидский мудрец и поэт Омар Хайям написал это гораздо лучше и сильнее, он написал :

Ты наше сердце в грязный ком вложил.
Ты в рай змею коварную впустил.
И человеку — ты же обвинитель?
Скорей прости! чтоб он тебя простил.

Еще кажется Гейне, человек несомненно умный и талантливый, когда он лежал уже на смертном одре и к нему пришел духовник, он будто бы сказал :

« Не надо мне вашего ритуала, если Бог есть, то он и так меня простит, это его ремесло. »

И этот ненужный плоский выкрик Гейне, и гениальное поэтическое творчество Омар Хайяма, и то, что я написал в письме приятелю, это мудрствования дрозодилы в одной из банок профессора, мудрствования ничтожные, смешные. Что мы, пылинки мироздания, можем возразить мировому разуму? Как бы мы ни изоцрялись в словесных выкрутасах и мыслях, мы остаемся только ничтожными песчинками и единственно возможное для нас, это знание, что мир разумен, что какая-то высшая воля знает зачем мы существуем и куда всё идет. Так что же наша жизнь трагедия, безысходность, мрачный тупик, бесцельная секунда вечности?... Нет, когда мы доходим до знания, что в мироздании есть высшая воля, что вселенная существует для какой-то цели нам непонятной, но ясной и нужной для высшего разума, тогда уходит трагедия, тогда наступает примиренная уверенность, что всё имеет цель, даже наши страдания, что всё это ведет к чему-то вечному, нужному, радостному, а наш долг выполнить веления этой высшей воли и с твердой надеждой идти по нашему земному пути. И если все-таки мы никак не можем понять зачем такой тернистый путь, если никак не можем представить себе конечную цель, то это

значит только, что наш человеческий разум слишком ничтожен, что мы только дрозды в банке профессора, но профессор есть и он знает зачем это всё...

Но вот находится человек, образованный и скептически мыслящий, гордый человек, который говорит: «Значит подчинение, примиренность, согласен на всё, рабская философия, не смей критиковать или возражать, только подчиняйся». Мне понятны такие протестующие люди, я сам был таким, тоже протестовал в самых резких выражениях и готов был идти на бой... Пробовал идти на бой. Но на бой с кем, какой бой, на каком оружии? Боя не было, были только выкрики, боя быть не может, и теперь мне это ясно... Подчинись человек, пойми что сверх-человек только глупая фантазия, все мы только люди, одни более яркие, другие тусклые, но законы мироздания обязательны для всех, ты выскочить из банки не можешь, потому что эта банка вся вселенная, пойми, примиришься, подчинись, и когда ты это сделаешь, тебе станет ясно, что так и нужно, что это высшая мудрость, и даже высшее счастье. Ты, протестующий и негодующий, всё отрицавший, куда же ты мог придти? При полном торжестве твоих мыслей мог придти к смерти. Не надо было твоей мудрости, чтобы знать, что впереди у тебя одно неизбежное и верное — смерть, и ей ты не мог угрожать, ей ты не мог ничего противопоставить в своем мудром мышлении. В своей человеческой гордыне и самоуверенности ты спорил с Богом, но со смертью ни разу не спорил, ты знал, что она придет и с нею разговоры короткие, вернее никаких. Так вот теперь, когда ты уже знаешь, что смерть совсем недалеко, где твоя гордыня и твой протест? Еще не сегодня, может быть завтра, а может быть еще через десять лет или даже двадцать, но она придет. Ты, понятно, не столь примитивен, чтобы воображать ее в виде скелета с большой косой в руках, такая не придет, это только красивый и страшный образ, метафора, но смерть придет и ты помрешь, и умирая о чем ты будешь думать, в чем искать утешения? Люди живущие на вершинах или проще говоря не совсем погрузившиеся в мещанскую банальную семейственность, обычно умирают одинокими, но, может быть, тебе повезет, почему то повезет (кто это повезет, от кого это, почему такая случайность, что тебе повезло, а другому нет?) и ты будешь уми-

рять не одиноким, около тебя будет какой-то близкий человек или несколько близких людей — все равно от этого переход в небытие не становится сладостным. Тем более, что эти самые близкие люди при последнем твоём вздохе будут думать о том, что останется после тебя ценного для них, есть ли завещание и в пользу кого, или кто займет твоё место? Это совсем не значит, что они плохие люди, злые, что так думают, что будут так думать: все люди так думают, ведь ты все равно умираешь и от тебя никакого проку больше нет, жалко тебя, мы тебя любим, но мы не в силах тебе помочь, не в нашей власти остановить твою смерть... Но ты считаешь себя умнее многих других, к чему ты пришел, что ты решил? Нашел ли ты ошибку или ошибки во всем, что ты делал за свою жизнь и хотел бы теперь их исправить? Если бы жить сначала, жил бы иначе?...

Все эти вопросы, а их можно умножить как угодно, все они ни к чему. Если мы только случайные секунды вечности, если нет определенного, кому-то ведомого смысла в существовании и с нашей смертью всё для нас кончено, нас больше нет и никогда не будет — тогда ничего нет, никаких целей, импульсов, намерений, идеалов, планов, принципов, ничего нет, не хуже, не лучше одно другого, всё одинаково, всё бесцельно и всё абсурдно, всё к чорту, но и чорта нету...

Однако этот протестующий человек в дальнейших своих возражениях все-таки старается найти какой-то стимул для деятельности, для созидательной работы, для мышления в более высоких духовных областях. «Любовь к человеку», а почему не к стрекозам и кузнечикам? И к какому человеку, к жившему раньше, живущему теперь или который будет жить после нас?... Или только к непосредственно нас окружающим, чтобы они нас ценили, хвалили или уважали?... «В нас заложены такие эмоции, что надо любить человека.» Да, может быть заложены, но это касается любви к каким-то отдельным людям, к особи другого пола, к детям, к друзьям, но допустим даже, что в нас заложены эмоции любви ко всем людям, ко всему человечеству — так ведь тогда они кем-то заложены, какой-то разумной волей?... А может быть и не заложены и есть люди, у которых нет любви к человечеству, так как же с ними?

Но если мы знаем, пришли к мысли, что есть мировой

разум и его план построен для всех, для общего, какого-то совершенного, для нас непостижимого, тогда вот эта любовь к ближнему уже приказ, закон, и подчинение ему неизбежно, или подчинение или гибель, потому что из вселенной мы выскочить не можем, а тут его закон. Какая-то ловкая, сильная, хитрая дрозодила может вылететь из банки профессора, пока ей еще не оборвали крылья, и даже полетавши некоторое время в лаборатории, вылетит в окно наружу и там станет жить сколько-то времени вне воли профессора. Но нам и этого не дано, потому что наша банка вся вселенная и в ней наш профессор, мировой разум, из нашей банки мы вылететь не можем, вылететь некуда. Всякий наш протест только смешон, выскочить нам некуда. Пусть кто-то протестует, не хочет подчиниться мировому порядку или будет пресклинать Бога за то, что родился хромым, слепым или глухим, своим протестом он только еще больше испортит свою жизнь и единственный выход в подчинении мировому закону, мировому разуму и в этом подчинении уходит трагедия жизни, остается сознание и уверенность, что он то знает это всё, даже и наше страдание. Другого выхода нет, нет другой логики, нет другого решения. Даже если повеситься или застрелиться в сознании безысходности, в припадке отчаяния или протеста, то все равно этим поступком только исполнишь какую-то часть велений мирового разума, и предусмотрено, что будут такие отклонения и сколько-то миллионов нужно вычеркнуть как бесполезных и негодных. И опыт многих и многих людей, мысливших и записавших свои мысли, и даже наш личный опыт и опыт окружающих нас доказывает, что это служение общей цели, связанное с любовью к людям, доставляет человеку большое удовлетворение, может быть счастье.

Основной и главный вывод всего философского мышления Гегеля, всей жизни этого незаурядного человека, заключается в двух словах «существующее разумно». Он пришел к этой мысли после многих лет сложного и глубокого мышления, многих искусственных измышлений и построений, но к той же самой мысли приходят и самые обыкновенные люди,

приходят к ней и останавливаются в недоумении и сомнении перед своим выводом : должно быть разумно, а вместе с тем сколько непонятого, ненужного и главное злого вокруг нас, во всей природе, в нас самих — какая же тут разумность?... А разумность несомненно есть, иначе быть не может. И религии, и философские системы признавая разумность всего существующего, однако сразу приходят к противоречию, к тому, что эта разумность все-таки не совсем разумна. Бог или боги той или иной религии управляют миром, а в мире столько всякого зла, страданий и несправедливости. Чтобы выйти из такого противоречия, многие религии предпочитают двух или нескольких богов, из которых одни добрые, а другие злые. Это не только Ормузд и Ариман у персов, или злые боги у буддистов, или разные боги на Олимпе, или добрые и злые боги у египтян, это и в христианском учении. И в Ветхом и в Новом Завете есть кроме Бога сатана, даже в Евангелии сатана соблазняет самого сына божия и искушает его в пустыне тремя вопросами, не то мудрыми, не то смешными, во всяком случае крайне странными для разговора с сыном божием. Многие философы тоже допускают существование в мире двух начал доброго и злого, а некоторые даже одного злого. Мы говорим о глупом человеке и умном человеке, о человеке злом, и человеке добром, о здоровом организме и больном, как-будто противопоставляя одно другому, а между тем это все тот же человек и тот же организм в разных состояниях и разных поступках. Это изменчивость того же самого и никаких противоположностей нет, не два, а одно, то же самое. Не постигая замыслов разума высшего чем наш, мы думаем, что это два каких-то разума, а это все тот же. Многое, что мы считали совсем особым проявлением в жизни природы, уже оказалось тем же самым.

Надо только добавить к глубокомысленному выводу Гегеля еще несколько слов — существующее разумно, но его разумность выше нашего разума, вне нашего разума и потому мы находим противоречия и сомневаемся.

В последние годы становятся популярными труды датского философа Киргегарда, до известной степени от них ведет свое начало и теперешняя модная, хотя несомненно кратковременная, философия экзистенциализма (Гейдегер, Шестов, Сартр во Франции). Киргегард был горячим поклон-

ником Гегеля, потом резко и решительно от него отшатнулся : Киргегард увидел источник зла в претендующем на всепонимание знании и противопоставил ему веру. Получается абсурдный вывод, что несчастья человека от его знаний, грехопадение описанное в Библии и состояло в том, что человек захотел, искушенный змием, знать и тем уподобиться Богу. Первородный грех и заключается в наших знаниях и нужно уходить от них, чтобы быть ближе к Богу, предпочитая им слепую веру... Приблизительно так, и во всяком случае неприемлемо для нашего мышления. Абсурдно видеть в знаниях причину наших несчастий, причина не в знаниях, а в ограниченности их, в невозможности переступить за границу нашего мышления. Понять разумность мироздания в его частях нашему разуму недоступно и самое большое до чего мы можем дойти, это понять, что какая-то высшая разумность несомненно есть. Но так как эта разумность высшего порядка, то к постижению ее мы никогда не придем и должны только ограничиться сознанием, что она есть. И вот это знание исключает уже все проклятые вопросы, на каждый из них готов ответ — мы этого понять не можем, но так нужно, так хорошо. Дрозофила в банке профессора тоже ничего не понимает, но она и к такому сознанию придти не может и тут мы уже несравнимо выше дрозофилы. Это единственное достижение, до какого можно дойти, прочтя и передумавши все священные книги и все философские сочинения.

От веры можно уйти, вер много, они разные, часто противоречивые, даже абсурдные, а конечное знание только одно и дойдя до него, уже нельзя его забыть или изменить, как нельзя изменить прошлое — можно перестать верить, но нельзя перестать знать.

Допустим невероятное. Какая-то одна дрозофила, гениальная дрозофила, поняла наконец, что всем заведует профессор и по его воле она сидит в затемненной банке, где будут выкалывать всем сидящим глаза, и вот она решает обратиться к профессору : « Милый профессор, пересади меня в другую банку, зачем я должна страдать, есть же другие дрозофилы, которые не страдают как я... За что ты меня заставляешь страдать, пересади меня в другую банку... » Каким-то образом профессор слышит голос этой

гениальной дрозофилы, понимает что она говорит и даже колеблется, не исполнить ли ее просьбу — но тут же решает, что этого сделать нельзя. Он говорит ей : « Не могу этого сделать. Ты гениальная дрозофила, крайне ценная для меня, потому что ты подтверждаешь мою теорию и я вижу, что результат моих научных изысканий будет громаден. Ты удачайшая случайная мутация и это дает мне уверенность, что можно вывести новый вид более совершенных дрозофил... Ты подтверждаешь мои научные предположения, ты приносишь мне большую радость, но ты должна остаться в той же банке для дальнейшего подтверждения моих изысканий, цель которых очень важна. »

Дрозофила остается в той же банке, и остаток жизни ее не радостен, но профессор радуется... Если бы мы были только дрозофилами, а высший мировой разум только профессором, то для нас жизнь была бы трагедией, она кончилась бы в страданиях и за ними было бы уничтожение, ничто. Но мы не дрозофилы, а люди и нами управляет не профессор, а мировой разум, у него неограниченные возможности и его планы неизмеримо шире и радостнее, и может быть что наши страдания не кончатся смертью, а впереди что-то другое, для нас непостижимое, для нас непонятное и как-будто невозможное, но для него простое и ясное.

95

Или жизнь была во вселенной вечно, или она когда-то началась — третьего решения быть не может. Мы часто в своем мышлении строим альтернативы и часто недомысленные. Мы говорим « или », « или », упуская возможность третьего решения. Например, в научных гипотезах относительно света мы считаем, что или свет передается волнообразно или в виде фотонов, и даже на этой альтернативе построена еще новая теория соединяющая в себе и волны, и фотоны : но не исключено, что правильное решение и не в волнах и не в фотонах, а еще в чем-то, чего мы до сих пор не поняли. Другой пример. Гладиатор идя на арену цирка думает, что или он убьет соперника или соперник убьет его, и третьего решения не находит. Однако может быть и третье решение : если бы они вместо того чтобы убивать друг друга, бросились

с мечами на Нерона и убили бы его, может быть оба остались бы живы и даже были бы возвеличены наследником Нерона... Примеров можно привести сколько угодно из всех областей, альтернативное мышление свойственно людям посредственным, а более острые и яркие умы находят часто третье решение, о котором другие и не помышляли, и этим выделяются над массами. Но в данном случае третьего «или» быть не может — или жизнь существует из века, или она когда-то началась. До сегодняшнего дня, когда мы вот об этом рассуждаем, прошла вечность; если жизнь всегда была во вселенной, то в течение вечности она должна была пройти все возможные стадии эволюции и ничего нового в жизни мира уже не предстояло бы — или тогда нужно говорить о каких-то двух вечностях, о бывшей уже и предстоящей, и решить что две вечности больше чем одна. По разным прежним теориям жизнь на нашей планете появилась за какие-то сотни миллионов лет, пускай биллионов, это дела несколько не меняет. Половина вечности так же бесконечна как и целая вечность, не только половина, а одна сотая вечности, одна миллионная вечности есть тоже вечность не меньшая чем целая — биллион лет или биллион биллионов лет в сравнении с вечностью ничтожный промежуток времени. Некоторые виды живых существ жили прежде чем вымереть десятки миллионов лет, но ведь всё это ничто в сравнении с вечностью, и значит при прежних теориях приходится признать, что прошла мертвая вечность до появления жизни... Как тут ни рассуждать, какую теорию ни принять все равно вечность и эволюция ужиться рядом не могут. Мы живем сейчас в какой-то момент вечности и говорим, что вечность позади и вечность впереди : протекшая уже вечность не может быть выражена никакими цифрами, если написать единицу с нулями и нулями этими занять всю землю, все равно это будет меньше вечности, вечность бесконечна, невообразима. Если действительно жизнь подвержена какой-то эволюции, то в прошедшей уже вечности все изменения во вселенной давно случились и никаких новых быть не может. Что касается нашей планеты, то тут еще можно говорить об эволюции, первоначальное ядро жизни было на нее когда-то занесено и после того в сотни миллионов лет получились вот такие существа как мы. Но жизнь откуда-то занесена и там где-то

в других местах вселенной весь путь эволюции давно пройден, ничего нового уже случиться не может.

Вечность для нас невообразима, но также невообразимо и начало, момент творения, невообразимо чтобы из ничего было создано что-то, чтобы из невремени возникло время. Здесь, и в первом и во втором случае, мысль человеческая упирается в стену; никакая философия ни теперь, ни в будущем не может дать ответа на эти вопросы, хотя бы приблизительного. Что же остается? Только одно, единственно логичное, единственно возможное для нашего разума, это мысль что есть высший разум во вселенной и для него разрешение этих вопросов просто и ясно.

Ламарко-дарвиновская теория полагает, что мы, люди, результат эволюции за несколько сот миллионов лет. Если эволюция пойдет дальше еще сотни миллионов лет, то вместо человека получится существо гораздо более высокое духовно; насколько мы выше первоначальной протоплазмы, настолько то будущее существо будет выше нас. Эволюция на нашей планете пойдет еще дальше, может быть еще миллиарды лет, бесконечно, вечно — но и такая эволюция уже случилась в других местах вселенной, на других планетах, потому что некоторые из них существуют уже в течение вечности, и новая вечность ничего добавить не может. Насколько же выше духовно существа живущие там? Может быть бессмертие для них ясно и просто, кажущееся нам невозможным для них естественно и понятно... Наивно, кажется, было бы думать, что жизнь только на нашей планете, маленькой и ничтожной; даже с нашими теперешними знаниями мы не можем отрицать жизни в других частях вселенной и если не наивно, то нелогично во всяком случае отрицать, что там есть бессмертие и что переход из одной жизни в другую, то что мы называем смертью, есть такой же простой и обыденный факт, как для нас ежедневный переход от сна к бодрствованию, просыпание.

Дойдя до такого решения на основании всех имеющихся у нас знаний мы как бы приходим к последнему и самому важному откровению, заложенному в нас самих, и теперь уже без всяких религиозных откровений или заветов, которые для нас неприемлемы, мы знаем, что не исключено для нас бессмертное существование, хотя и не в нашей земной

оболочке и не с нашими земными интересами. Это знание устраняет пессимизм и безнадежность, делает жизнь осмысленной и более радостной, а смерть уже не кажется такой страшной.

Многие современные ученые, занимавшиеся всю жизнь науками материалистическими, тем не менее пришли к мысли, что мироздание разумно, к мысли о мировом разуме. Принятие идеи мирового разума не только не мешает пользоваться полностью всеми возможными радостями жизни, но даже предписывает это, при этом разумеется, не нужно мешать радостной жизни других. Французский мыслитель Лекомт излагая историю человеческой культуры находит две силы — сила жрецов и сила воинов, первая интеллектуальная, вторая грубо-физическая. Он прав в том, что всегда боролись две силы, сила интеллекта и сила физическая, но только напрасно он приписывает интеллектуальную силу жрецам. Если когда-то жрецы и были более умными и развитыми, чем воины, а тем более толпа, то в христианские времена уже во всяком случае священнослужители не были самыми умными и самыми культурными, они как раз боролись с более интеллектуальными людьми и жгли их на кострах. Начиная с Ренессанса в Западной Европе и с XVII века в России, духовенство уже утратило свою прежнюю побеждающую силу и борьба правителей шла уже не с духовной властью, а с мыслителями, людьми более высокими духовно, ничего общего не имевшими с церковью.

Если когда-то вавилонские маги, египетские жрецы или еврейские пророки и были сравнительно духовно высоким элементом, то уже никак нельзя этого сказать о всех служителях религий в последние столетия. Многие интеллектуально высокие люди именно как раз боролись с духовными лицами осуждая их тупость, вмешательство в дела государства, нетерпимость, стяжание. Еще раз можно повторить, что обычно основатели религий предлагали людям более идеалистические учения нежели то, что получалось потом от позднейших наслоений. Вообще уже больше нет борьбы физической со служителями религий, но теперь есть борь-

ба грубой силы и недомыслия с идеями духовно-высоких людей. Но тем не менее роль духовных лиц важна, и сейчас и в будущем, но эти духовные лица должны быть воспитаны на иных началах — этот процесс уже и намечается в жизни культурных стран и постепенно, в недалеком будущем, религиям будет отведено подобающее им место, борьба с ними станет не только ненужной, но противогосударственной. Очень показателен пример современной России, то что случилось там вполне естественно и логично, сразу после переворота религию стали гнать, и действительно прежние служители религии мешали социальному прогрессу, но дальше, когда условия изменились, когда религия перестала быть полицейской, когда духовные лица перестали вмешиваться в государственные дела, религия снова займет нужное ей место и роль ее в дальнейшем будет вполне положительна. Такие реакции против религии повторялись в истории не раз, вспомнить хотя бы гонения на религию после великой французской революции или такое же гонение, уже в самое недавнее время, при гражданской войне в Испании. Но когда служители культа перестают вмешиваться в государственные дела, с ними опять постепенно примиряются и они выполняют положительную роль в жизни государства.

97

Во многих людях живет стремление всё классифицировать и на всё наклеивать ярлыки, как на бутылки с вином или корсбки с папиросами. До 1914 года я несколько раз ездил за-границу, два раза объехал кругом света, и нигде никто ни разу не спрашивал паспорта, никаких виз не знали, только для выезда или въезда в Россию требовался паспорт и за это русских честили именем полу-варваров: когда теперь об этом говоришь более молсдым, они не верят, что так люди жили; тогда наклеивали ярлыки только на чемоданы, чтобы они не потерялись дорогой, а на людей ничего не клеили. Но все-таки издавна людей делили на материалистов, идеалистов, спиритуалистов, дуалистов и так далее. В действительности никакого другого мировоззрения кроме так называемого материалистичес-

кого у разумно-мыслящего человека быть не может. Вопрос еще только в понимании слова «материалист» — это слово или это понятие очень растяжимо и туманно, как и много других наших абстрактных понятий. Мы посажены в мир материальный, всё вокруг нас материально, включая и нас самих, и человек не думающий о материальном просто не может жить или должен жить работой других. В окружающем нас мире мы ни с какой духовностью не сталкиваемся, везде только материальное, и так называемая духовность есть только у нас самих, у людей, нигде больше. Эта духовность неотъемлемая часть нашей материальной природы; откинуть мы ее не можем, самое крайнее материалистическое мировоззрение все равно включает в себя нашу духовность: чтобы иметь какое-нибудь мировоззрение нужен мыслительный аппарат, а значит духовность, но прежде всего материя, наш дух живет в нашей материи. Всё что мы воспринимаем нашими пятью чувствами — материально, материя всюду вокруг нас — реальная или нереальная, все равно. Из духа не построишь ни дома, ни железной дороги, не напечатаешь книгу и на духе хлеб не вырастет. Нам прежде всего нужно есть, пить, одеваться, отапливать свое жилище и размножаться совсем не идеалистическим и не спиритуалистическим способом.

Когда в прошлые, недалекие войны, русско-японскую и мировую 14-го года, войска посылали на фронт с молебнами и благословениями, но без достаточного количества снарядов — армии были разгромлены; а теперь, когда русская красная армия была снабжена достаточным количеством вещей вполне материальных, она творила чудеса побед и подняла величие своей родины на небывалую высоту. Если в XVII и XVIII веках мировой мыслью и политикой руководила Франция, в XIX Англия и Германия, то XX век отмечен будет в истории доминированием русской мысли. Свобода и независимость понятия духовные, но суть тоже прежде всего в распределении материальных благ.

Если мать, провожая сына на войну, повесит ему на грудь образок, ладанку или крестик, в которых по ее мнению духовная сила, эта воображаемая сила никому не мешает, а может придать сыну спокойствие и храбрость; однако с одними этими духовными силами, без хорошего снаряжения

он погиб бы. Очень важно хорошее командование, но оно тоже дается изучением специальных наук о материальном.

Прежде чем подняться на духовные высоты и утонченность чувств и восприятий, нужно обеспечить людям жизнь без лишений чисто материальных, обеспечить питание, одежду, жилище. Стремление к высокой духовности, к жизни духа, неотъемлемо от материалистического мировоззрения и нераздельно от него.

В дальнейшем психология будет занимать всё большее место среди наук, но изыскания и в этой науке духа тесно связаны с материальным: может быть мозг без мысли, но не может быть мысли без мозга, а для расширения психологических знаний необходимо изучение чисто-материального — мозга, его строения, его извилин, химических и физиологических процессов происходящих в нем и в нервной системе.

Материалистическому мировоззрению противопоставить нечего, но это нисколько не мешает знанию, что в мире должен быть финализм, что во вселенной есть разумное начало. Именно мысля материалистически нужно придти в конце концов к мысли о существовании мирового разума, только такое мышление научно, но нужно его довести до конца, не останавливаясь на пол-дороги и не успокаиваясь, упершись в стену.

Современные философы вроде Кайзерлинга, а также и богословы мнящие себя философами, спиритуалистами или идеалистами, договариваются до таких курьезов, что им не приходится даже возражать. Трудно точно определить что такое спиритуализм, как его понимают в обыденном разговоре. Считают себя спиритуалистами танцующие в рубашках эвритмические танцы или поющие песенки на лугу, босиком, сидя на корточках, по правилам маздаснана; считают себя спиритуалистами читающие по несколько раз «Тайную доктрину» Блаватской или такие же сумбурные произведения индусских мудрецов, или слушающие проповеди Рериха, получившего откровения во время спиритических сеансов и путешествия в Тибет, или поклонники и ученики Кришнамурти; считают себя спиритуалистами все спириты, все последователи Штейнера и все теософы; считают себя, понятно, спиритуалистами всякие гадатели, предсказатели и астрологи. Среди астрологов я знал даже та-

них, которые кроме составления гороскопов по комбинациям планет, давали указания, что покупать или продавать на бирже, и находились клиенты следовавшие их советам... Все эти разновидности спиритуалистов в большинстве случаев или эксплуататоры чужого недомыслия или просто бездельники, для которых кто-то другой должен сажать картофель и капусту, ткать материи, шить обувь, строить дома. Ведут людей к лучшему будущему не эти люди, а те другие, которые устраивают прежде всего материальное благополучие всех людей, а подъем на духовные высоты идет и пойдет попутно : уже в мысли о том, что все люди имеют одинаковое право на жизненные блага заключается высшая духовность.

Чисто научным мышлением, логичным и рациональным, мы придем еще к таким откровениям, к таким новым явлениям, при мысли о которых теперь можем только пожимать плечами и иронически улыбаться. И придем мы к этому именно материалистическим мышлением ибо материалистическое мышление есть результат нашей духовности и в этой духовности еще много откровений, так много, что и конца им нет. Когда мы дойдем до таких ступеней научных знаний и логического мышления, тогда вообще не будет места какому-нибудь противоположению между мышлением материалистическим или идеалистическим, материалистическим или спиритуалистическим, будет только одно мышление высоко развитого человеческого интеллекта и в этом мышлении центральное место будет занимать финализм и мировой разум. И тогда могут оказаться какие-то неведомые нам явления и вроде ауры, и вроде астральных тел, и еще многое другое, чего не создала до сих пор самая богатая спиритуалистическая фантазия.

Известный английский физик и астроном Джинс, о смерти которого только что сообщили по радио, написал несколько популярных книг, имевших большой успех и получивших широкое распространение. Заканчивая одну из этих книг он говорит, что впереди у нашей земли еще очень, очень долгое будущее, миллионы лет, и потому на нас, современных

людях, громадная ответственность перед будущими поколениями, мы должны думать о них — тут как-будто утверждение наших обязательств, в том числе и морали. Но эти красивые слова оказываются только незначащими словами, если человек задает себе вопрос почему он должен чем-то ограничивать и связывать себя ради будущих, таких же мимолетных как наше, поколений, к тому же проблематических; почему он должен жертвовать своими возможными радостями, а не думать только о собственной жизни. И только единственным твердым и логичным основанием для морали, прогресса и общественного долга может быть мысль в велениях высшего разума, о выполнении его целей — для этой мысли Джинс не успел дойти в своих книгах. Еще более шатким и неосновательным оказывается утверждение или требование Джинса, если принять во внимание, что он вместе со своим современником, тоже физиком и астрономом Эддингтоном, старается доказать в своих научных трудах что вся вселенная, в том числе и наша земля, идет к неизбежному уничтожению по законам термодинамики; срок еще долгий, но все-таки в конце концов полное уничтожение мертвое, однообразное, страшно холодное, темное пространство, ничего в нем, пустота, смерть... Чего же тогда стараться и заботиться о будущих поколениях? Не меньший ученый чем Джинс или Эддингтон, нобелевский лауреат Милликан обратного мнения; он думает, что вселенная не идет к концу в ней совершаются и восстановительные процессы, во вселенной есть высшая разумная воля и тогда наша жизнь радостнее, в ней есть конечная цель, хотя бы для нас и не постижимая.

Джинс знает как создалась солнечная система, наша земля и как появились мы сами. Сколько времени существует вся вселенная ему не было известно, но возраст солнечной системы он знал, около ста миллионов лет... Астрономы считают звезды миллиардами, Джинс идет еще дальше, он пишет, что звезд — они же солнца — во вселенной больше чем песчинок на всех берегах всех океанов земли и большинство звезд столь громадны, что в каждую можно поместить тысячи наших солнц. Но зато и пространство вселенной столь велико, что все эти звезды несясь с непостижимыми скоростями никак столкнуться не могут,

все равно как две пылинки в громадной зале или « как три осы на всем континенте Европы », но с нашей солнечной системой произошла такая удивительная случайность : мимо пролетала какая-то звезда и по закону тяготения, тому же самому, от которого у нас бывают морские приливы и отливы, она подняла на солнце страшную бурю, оторвала часть его массы и как с гребня волны летят брызги, так от нашего солнца оторвались громадные массы, ставшие затем солнечными планетами, в числе их и наша маленькая земля, и они стали вертеться вокруг солнца на миллиарды лет... Жизнь, по мнению Джинса, возможна только в таких условиях, какие случайно создались на земле, на других планетах нашей солнечной системы их нет. Пространство вселенной страшно холодно, в лучшем случае на четыре градуса выше абсолютного нуля, т. е. 269 градусов мороза по Цельсию, но зато температура вблизи звезд так высока, что в ней плавится абсолютно всё, всё обращается в газ или даже в еще что-то жиже газов. Для возможности жизни необходимы средние температуры и углерод, и вот как раз такие условия сказались на земле и тут появилась жизнь, завершением которой являемся мы, люди... Необычайная случайность и образование солнечной системы, и появление жизни на одной из планет ее, говорит Джинс и на этом успокаивается, всё ясно.

Но если всё это ясно Джинсу и многим другим астрономам и физикам, то все-таки разум останавливается в недоумении перед этой картиной и задает себе ряд неразрешимых вопросов; все эти астрономические объяснения не более убедительны чем фантастические сказки, но в сказках есть начало и конец, а тут нет ни того, ни другого. В математике есть аксиомы, которые не могут быть доказаны; физические знания основываются на законах и принципах, они меняются, дополняются и основаны только на наблюдениях окружающей нас природы, которые в свою очередь восприняты нашими чувствами и ощущениями, тоже условными. Критикующий разум ставит иногда под сомнение, и не без основания, и математические аксиомы и физические законы, в особенности имея в виду, что все эти аксиомы и законы открыты нами только в нашей узкой земной сфере и годны ли они для остальной вселенной — неизвестно. В метафизике

даются разные постулаты, искусственно постренные нашей логикой или часто софистикой, и критикующий разум тоже в них сомневается. Одним словом, во всех наших знаниях, математических, физических или метафизических, нет ничего такого, что можно было бы считать абсолютным и не подвергать сомнению. Когда мы сталкиваемся с основными загадками мироздания, с началом и концом, со смыслом нашего существования, не остается ровно ничего из научных знаний, что можно было бы принять без критики, без сомнения, на этом успокоиться, найти разгадку.

В тропическом лесу белый человек потерял часы, их нашел дикарь и вполне естественно решил, что они выросли тут, как растет дикий ананас или манго, или еще какой-нибудь тропический фрукт. Наш разум выше мышления этого дикаря, мы знаем откуда тут взялись часы, нам этот дикарь смешон. Но в вопросах мироздания мы в положении дикаря, мы объясняем всё так, как он объяснил находку часов, и считаем это научным мышлением. Объяснения мировых загадок и смысла нашей жизни издавна искали религии, но их объяснения тоже негодны для скептического разума, они создали идею Бога или богов, но окружили их такой декорацией и такими легендами, что критикующий разум принять их не может, эти объяснения подрывали самую идею и слово Бог стало неприемлемым для многих мыслящих людей, так оно было затуманено. Наивно было бы думать, что наш человеческий разум есть самое высшее из существующего во вселенной; было бы невежественным самодовольством полагать, что выше нашего человеческого разума и нашей логики ничего быть не может. Можно сомневаться в аксиомах математики и в постулатах философий, но нельзя отрицать, что возможен какой-то разум выше нашего.

Всё идет из вечности в вечность — пустая игра слов; не менее неприемлем и день творения, что предлагают религии, но допущение разума, высшего чем наш, вполне логично и обязательно для самого скептического мышления. И вот тогда все загадки нашего существования, смысла и цели, разрешаются просто и радостно: нам непонятно, для нас непостижимо, но для него просто и ясно.

Ни Джинс, ни иной гениальнейший астроном ни теперь,

ни в будущем не объяснит как создалась солнечная система и, главное, зачем она создалась и сколько есть еще других таких систем и какая жизнь на них. Эти научные сказки очень интересны, иногда дают какой-то маленький практический результат, но главного, целого, всего наш разум объяснить не может. Десятки лет Джинс смотрел в телескоп на планеты, звезды и спиральные туманности, но не увидел там никакой разумности или цели. Понятно, он не мог там увидеть ни Брму или танцующего Сиву, ни Ормузда и Аримана, или господ Саваофа с большой бородой, но он видимо не искал и смысла среди бесчисленных светил вселенной; он успокаивался на том, что их движения до известной степени подчинены разным математическим формулам, в которые входит абсурдная величина квадратный корень из минуса единицы.

Высший мировой разум для нас непостижим, потому он и высший; но нашего разума достаточно, чтобы придти к мысли о его существовании, и смотря на усеянное звездами небо, на млечный путь, на миллиарды небесных тел различных только в самые сильные телескопы, мы не можем понять зачем это всё, какая цель всего, зачем мы сами среди необъятной вселенной; но у нас неизбежно является мысль, что во всем есть и смысл и цель. И что удивительно — стараясь проникать в веления этого высшего разума, мы неизбежно приходим к мысли, что цель в целом, а не в каждом из нас в отдельности, и отсюда сами собой выходят законы для нашего поведения, вполне согласные с современными гуманитарными и социальными теориями: к ним пришли мыслители, часто отстранявшиеся от Бога религий, но от велений высшего разума они не ушли.

Склад издания :

Chatou, S. et O. (Paris).
3, Avenue d'Eprémesnil. Villa Vlaber.

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА :

- « ЗДЕСЬ » — 1909 (конфисковано).
- « О ПРОЧЕМ » — 1914 (распродано).
- « В СТРАНЕ ЛЮБВИ И ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ » — 1914 (распродано).
- « ЧТОБЫ ЖИЗНЬ НЕ БЫЛА ТАК ПЕЧАЛЬНА » — 1917 (распр.).
- « БОГОМОЛЫ В КОРОБОЧКЕ » — 1921 (распродано).
- « СТРАННЫЕ РАССКАЗЫ » — 1922.
- « ГОРОД-СФИНКС » — 1922 (распродано).
- « РАДОСТЬ БЫТИЯ » — 1923 (распродано).
- « ДЕТСТВО АРИСТАРХОВА » — 1924.
- « СЕГОДНЯ » — 1925 (распродано).
- « БОГ И ДЕНЬГИ » — 1926 (распродано).
- « МОНТЕ-КАРЛО » — 1927.
- « ЛЮДИ В ПАУТИНЕ » — 1930.
- « БАРБАДОСЫ И КАРАКАСЫ » — 1932.
- « СИДОРОВО УЧЕНЬЕ » — 1933 (распродано).
- « ХОРОШО ЖИЛИ В ПЕТЕРБУРГЕ » — 1933 (распродано).
- « ДЬЯВОЛЕНОК ПОД СТОЛОМ » — 1933.
- « ФУГА » — 1935.
- « МИЛЛИОН » — 1936 (распродано).
- « ОБРЫВКИ МЫСЛИ » — 1937.
- « ПОХОЖДЕНИЯ ГРАФА АЗАРА » — 1938.
- « В ЦАРСТВЕ ДУРАКОВ » — 1939.
- « СЕНСАЦИЯ ГРАФА АЗАРА » — 1940.
- « ФЕНЬКА » — 1945.